

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РОДНЫЕ ГОЛОСА. СИБИРЬ, XX ВЕК

**МЕМОАРЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
КАФЕДРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НГПУ**

Выпуск 1

Составитель и редактор: доктор исторических наук, профессор
В. А. Зверев

Новосибирск 2008

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Р5)
Р 609

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета НГПУ

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой
отечественной истории, первый проректор по учебной работе
Барнаульского
государственного педагогического университета
Т. К. Щеглова;
кафедра отечественной истории
Новосибирского государственного педагогического университета

Р 609   **Родные голоса. Сибирь, XX век:** мемуары из коллекции ка-
федры отечественной истории НГПУ / сост. и ред. В. А. Зверев. —
Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. — Вып. 1. — 159 с.
ISBN 978-5-85921-682-6

Публикуются воспоминания жителей Новосибирска и Новосибирской области, других регионов Сибири, выявленные в семейных архивах или записанные студентами и аспирантами в качестве важных источников для изучения социальной истории и истории повседневности. Сборник открывает вступительная статья, рассказывающая о коллекции мемуаров, собранных на кафедре отечественной истории ИИГСО НГПУ.

Издание предназначено студентам и аспирантам исторических факультетов вузов, преподавателям истории России, истории Сибири, исторического краеведения в общеобразовательной и высшей школе, а также всем интересующимся историей родного края.

УДК 94(47)
ББК
63.3(2Р5)

ISBN 978-5-85921-682-6

© ГОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет», 2008

ЧТО ЗНАЕТСЯ, ТО И СКАЖЕТСЯ
КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ НА КАФЕДРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ

«Уважаемый Владимир Александрович, хочу поблагодарить Вас за то, что дали нам такое интересное экзаменационное задание, которое я сохранил для своих детей и внуков. Бабушка говорила, что она мало интересовалась жизнью своей родни, а теперь сожалеет об этом, потому что большое количество информации утрачено. Учась на её ошибке, я хочу, чтобы последующие поколения знали историю нашей большой семьи». Такими (или похожими) тёплыми словами заканчивается немало студенческих работ, хранящихся на нашей кафедре в коллекции историко-биографических материалов.

Кафедра отечественной истории Института истории, гуманитарного и социального образования (ИИГСО) НГПУ уже более 20 лет располагает обширным собранием значимых для науки и общественной жизни исторических источников, выявленных или созданных нашими студентами, аспирантами и преподавателями. Постепенно накапливается опыт структурирования коллекции, применения собранных материалов в исследовательской и образовательной деятельности. Мною и моими молодыми коллегами уже изданы сообщения, кратко характеризующие коллекцию¹. В настоящей статье я ставлю задачу более полно презентовать коллекцию заинтересованным читателям в связи с началом систематической публикации лучших из накопленных нами источников.

Коллекция историко-биографических материалов, о которой идёт речь, возникла, можно сказать, спонтанно. Будучи в середине 1980-х гг. преподавателем курса истории Сибири на историческом

---

¹ См. в конце настоящего сборника в «Библиографии коллекции кафедры отечественной истории НГПУ» раздел «Литература о коллекции историко-биографических материалов».

факультете НГПУ, я стал давать студентам-заочникам на межсессионный период такое задание: выявить, инициировать самозапись или собственноручно записать воспоминания своих пожилых родственников, хороших знакомых «о жизни в старое время». Мемуарный текст нужно было сопроводить своим предисловием, содержащим словесный портрет рассказчика и описание методики записи, а также заключением с комментариями, помогающими потенциальному читателю - исследователю-историку, вузовскому преподавателю либо студенту — лучше понять содержание воспоминаний и корректно их использовать в научной или учебной работе. Задание это, по замыслу, должно было помочь студентам организовать изучение истории в психологически обоснованной логике: от истории личности (собственной, близкого человека) к истории своей семьи и рода, затем — к локальной истории (села, города, области), региональной истории Сибири, национальной истории (русской или, скажем, татарской, а также общероссийской) и, наконец, к синтезирующей все эти уровни глобальной истории человечества. Конечно, имело место и методико-педагогическое устремление разнообразить формы учебных заданий.

Конечно, часть студентов отдалась «отпискам», но, неожиданно для меня, большинство получивших задание стало выполнять его заинтересованно и творчески. Тогда круг привлекаемых к записи людей был расширен: задание многократно давалось не только будущим историкам, но и студентам других факультетов (естественно-географического, педагогики и психологии детства, культуры и дополнительного образования, филологического), которые обучались как на заочном, так и на очном отделениях. Итоги своей межсессионной деятельности студенты представляли в виде письменной работы и сопровождающих её материалов на экзамен или зачёт по истории Сибири, этнологии, традиционной педагогике, по специальным курсам мне, а также преподавателям Н. Н. Родигиной, Е. И. Косяковой.

Заинтересовавшись первыми результатами нашей работы, ряд преподавателей ИИГСО, аспирантов и соискателей тоже внесли в неё свою лепту, записав воспоминания своих близких родственников. На кафедру разными путями поступили также копии нескольких оригинальных мемуарных и дневниковых текстов, хранящихся, как правило, в семьях их авторов — людей весьма пожилых или уже ушедших из жизни. К середине 2000-х гг. в нашей коллекции накопилось более 1000 единиц хранения.

Историческая информация, которая содержится в этих материалах, по хронологическому охвату относится к концу XIX — XX вв., по территориальному — в основном к Сибири, преимущественно к Новосибирской области и прилегающим к ней регионам — Томской, Омской, Кемеровской областям, Алтайскому и Красноярскому краям, Республике Хакасия. По содержанию мемуарные источники в основном отражают индивидуальную и групповую (родовую, деревенскую) память информантов о реалиях семейной, локальной и региональной истории, народной культуры и быта, деревенской или городской повседневности, а также свидетельствуют об особенностях восприятия, отражения этих реалий в ментальности наших земляков. Вот только некоторые (из числа типичных) мемуарные сюжеты: как на рубеже XIX—XX вв. предки переселялись из какой-нибудь Тамбовской губернии в Сибирь и обустроивались на новых местах; как большая крестьянская семья воспитывала в детях трудолюбие, честность и бережливость; каким образом происходила в родной деревне коллективизация и круто (чаще всего к худшему) менялась после этого жизнь. Как страдали и гибли люди на фронте и в тылу во время войны; какая судьба ждала в Западной Сибири представителей репрессированных народов, а позже — репатрированных из Казахстана и Средней Азии соотечественников; как молодежь из крестьянских семей получала «городскую» профессию и укоренялась где-нибудь на заводской окраине Новосибирска... Прислушавшись к моим рекомендациям, некоторая часть студентов в работе с информаторами ориентировалась на программу предпринятых в 1990-х гг. историко-социологических исследований деревенской России, на разработанные «крестьяноведами» в рамках этой программы методы восстановления истории жизни отдельного села и населяющих его семей, на соответствующие вопросники¹. Полученные таким путем доброкачественные свидетельства вполне могут стать основой для исследовательской работы по социальной истории России и исторической антропологии, региональной истории Сибири и этнографии, микроистории и историческому краеведению.

---

¹ См.: *Фадеева О. П.* Историко-социологические исследования сельской жизни в России (1990—1995 и 1995-1996 гг.) // *Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ежегодник*, 1996. М., 1996. С. 301-315; *Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России /* Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002.

При знакомстве с коллекцией историко-биографических материалов мы обнаруживаем типологически весьма неоднородные материалы. По способу фиксации информации их традиционно следовало бы разделить на три типа: письменные, визуальные и устные.

Письменные источники представлены чаще всего текстами зачётных или экзаменационных студенческих работ. Они состоят, как правило, из трёх частей: введения (написанная собирателем аннотация, содержащая словесный портрет информанта и описание методики записи), заключения с комментариями собирателя и основной части, где и содержится собственно историческая информация. По обстоятельствам создания этой информативной части письменные материалы можно разделить на следующие основные группы: 1) копии оригинальных текстов мемуарного или дневникового характера, хранящихся много лет в некоторых семьях родственников или знакомых студентов; 2) копии воспоминаний, собственноручно написанных пожилыми людьми в последнее время по просьбе студентов; 3) дословные письменные расшифровки (полные или частичные) содержания своих интервью или бесед историко-биографического характера, сделанные студентами - собирателями и; 4) пересказ содержания нескольких таких бесед, сделанный в свободной форме и в обобщённом виде; 5) фрагментарное изложение слышанных когда-то студентами рассказов теперь уже умерших предков о тех или иных исторических реалиях.

Визуальные источники в данном случае представлены, в первую очередь, подлинниками или, чаще, ксерокопиями фотографий, которые приложены ко многим письменным мемуарным текстам. Фотографии, как правило, снабжены подписями, они либо иллюстрируют некоторые сюжеты воспоминаний, либо информационно дополняют их. Вторую группу визуальных источников составляют видеозаписи тех проведённых студентами интервью или бесед, которые подвергались затем письменной расшифровке. Видеокассеты (в последнее время появились и оптические электронные диски — CD-ROM, DVD) тоже прикладывались к письменным зачетным работам, но только к небольшой их части.

Устные источники (устные в буквальном, узком понимании этого термина) составляют небольшую часть нашей коллекции. Они представлены звуковыми дорожками уже упомянутых выше видеозаписей, а также магнитофонными и диктофонными записями на аудиокассетах. Звучащие рассказы, аутентичные записи бесед и ин-

тервью чаще всего имеют и свою письменную расшифровку в работах студентов. Однако эти расшифровки не всегда полны и редко сделаны с соблюдением строгих требований современной «устной истории» (oral history). Конечно, в письменном формате трудно, а иногда просто невозможно передать нюансы эмоционального состояния информанта во время беседы или интервью, детали мимического и жестового «сопровождения» передающейся вербальным путём информации. Но невербальная информация бывает часто тоже значимой, и поэтому устные источники в нашей коллекции имеют самостоятельную ценность.

Немаловажно отметить, что отечественные специалисты определяют устные источники довольно широко. С. О. Шмидт, например, включает сюда «разговорную речь, каким-либо образом зафиксированную, фольклор ... звукозаписи, аудиовизуальные источники»¹. При столь широком определении всякое историческое свидетельство, прозвучавшее в живой речи, высказанное информантом во время интервью, беседы или наблюдения, проведенного собирателем, зафиксированное и хранящееся в любом формате — будучи изложенным на бумаге, в виде записи на аудио- или видеокассете, электронного ресурса (оптический диск, ресурс удаленного доступа) — может считаться устным источником. В нашей коллекции такие материалы преобладают, её основу как раз и составляют зафиксированные преимущественно в письменной форме, но иногда также в аудио-, видео- или электронном формате устные интервью, воспоминания и рассказы.

Не только в создании коллекции, но и в её использовании мы находим новые смыслы и возможности. До недавних пор разбор материалов, их систематизацию, отбор и подготовку источников для публикации я осуществлял практически в одиночку. К сегодняшнему дню опубликовано около двух десятков текстов источников из нашей коллекции - полностью или частично. С ними можно познакомиться в двух учебных пособиях, предназначенных для самостоятельной работы студентов в области истории школьного дела и народной педагогики; в сборниках научных трудов, выпущенных под моей редакцией; в ряде сборников материалов научно-практических конференций; в юбилейном, посвященном 110-й годовщине Новосибирска, выпуске

---

¹ Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 99.

журнала «Сибирская горница», и т. д.¹ Некоторые материалы коллекции использованы в научных, научно-методических публикациях преподавателей и аспирантов кафедры, в дипломных и курсовых сочинениях студентов ИИГСО. Но всё же систематическое и полное применение в практике научно-исследовательской и педагогической (образовательной и воспитательной) деятельности всего комплекса собранных материалов в сильной степени затруднено тем, что коллекция до сих пор не оформлена в качестве таковой и не подготовлена в должной степени к хранению и использованию.

Однако два года назад для студентов-историков стала обязательной архивная практика, и теперь появилась не только необходимость, но и возможность привлечения сменяющейся по своему составу группы студентов к работе с нашим собранием историко-биографических материалов. Студенты занимаются тематической и хронологической систематизацией текстов, участвуют в отборе и подготовке лучших воспоминаний для печати.

В перспективе нашу коллекцию хотелось бы превратить в архив, доступный более широкому кругу исследователей и педагогов. Однако на пути создания архива предстоит преодолеть немало финансовых, организационных, методических трудностей. Вот только некоторые вопросы, требующие своего решения. По какому принципу (хронологическому, тематическому, территориальному) выделить фонды? Важна ли типологическая принадлежность источников (письменные, устные, визуальные) при создании различных фондов? Следует ли хранить источники только в том виде, в каком их сдали в свое время собиратели, или при подготовке к хранению их следует «довести до кондиции», например, дополнив каждую звукозапись устного источника обязательной её расшифровкой?

В любом случае, расширение и усовершенствование имеющейся коллекции, возможное создание на её основе архива историко-биографических материалов — дело весьма полезное. Для гуманитарной науки, образовательной и воспитательной практики создаётся массив уникальных источников информации. Общество получает ещё один, совсем нелишний, канал восстановления «распавшейся связи времен», уточнения своей цивилизационной

---

¹См. в «Библиографии коллекции кафедры отечественной истории НГПУ» раздел «Публикации материалов, хранящихся в коллекции».

идентичности, сохранения исторической и культурной преемственности.

Нами принято решение: одновременно с работой по пополнению коллекции новыми материалами, по созданию архива приступить не к спорадической, как было до сих пор, а к систематической публикации лучших, наиболее интересных и важных материалов коллекции. Начиная с 2008 г., планируется регулярно, по одному - двум выпускам в год, печатать сборник «Родные голоса. Сибирь, XX век». Сейчас перед Вами, уважаемый читатель, лежит первый выпуск этого издания, подготовленный с участием группы аспирантов и студентов-историков.

Представленные к публикации в первом выпуске материалы дают определённое представление о содержательных и формальных параметрах коллекции в целом. Хронологически они охватывают почти весь XX век, территориально — значительную часть Сибири, от правых притоков Енисея на востоке до Барабинской низменности на западе. Читатель убедится в разнообразии проблемно-тематической палитры представленных воспоминаний. Выбранные для публикации тексты имеют отличия друг от друга и по своим жанровым характеристикам. Здесь есть классические письменные воспоминания, написанные авторами (А. Н. Адоньевой, Г. Ф. Токаревым) главным образом для своих потомков — чтобы не угасла семейная память. Несколько мемуарных текстов появились в результате заинтересованного и внимательного, почти дословного фиксирования аспирантами и студентами устных рассказов своих родственников и знакомых (А. А. Вараксиной, Р. И. Корчагиной, Н. А. Кравец, А. Г. Кушнарченко, Н. П. Рубаковой, А. В. Филюпиной) о трудной судьбе их семей. Включены в сборник публикации, созданные авторами по итогам своих неоднократных бесед с информантами — Л. А. Никанкиной, М. Ф. Рудт, Л. Д. Чепелевой и постаравшейся остаться инкогнито целительницей Василисой. Здесь авторский текст собирателей чередуется с большими фрагментами, передающими близко к подлиннику рассказы информантов. В качестве составителя и редактора сборника я старался, во-первых, как можно бережнее передать содержание мемуарных источников, во-вторых, сохранить особенности индивидуального языка и стиля изложения, присущего и мемуаристам, и записывавших их рассказы собирателей.

В последующих выпусках сборника «Родные голоса. Сибирь, XX век» мы предполагаем, наряду с публикацией источников в тра-

диционном формате, практиковать издание некоторых источников в формате, предложенном сотрудниками Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. Этим центром опубликованы две книги с расшифровками устных интервью на темы блокады Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и «жизни на границе» России с Финляндией в послевоенный период. Принципы, положенные здесь в основу расшифровки и транскрибирования аудиозаписей (максимальное сохранение логики интервью и особенностей речи как информантов, так и собирателей, отказ от корректуры синтаксиса и орфографии разговорной речи, избегание сокращений материала) представляются нам плодотворными и целесообразными.

... В последнее время в педагогическом сообществе, с выходами в общественную жизнь России, ведётся оживленная дискуссия относительно того, как должна выглядеть новейшая история нашей страны в школьных и вузовских курсах. Проявляется недовольство россиян такой «исторической разногласицей», которая затрудняет единство народа, путает общественные ориентиры. С другой стороны, оправдана и настороженность относительно попыток «обтесать» национальную историю под потребности усиливающегося государства в ущерб интересам личности и гражданского общества (эти попытки проявляются, например, в реанимации мрачной тени Сталина, реабилитации созданного им «порядка»). Нам близка позиция директора Института российской истории РАН академика А. Н. Сахарова, который призывает на пути в будущее руководствоваться надежным методологическим компасом: не величие государства, а *«совершенствование личности и на этой основе совершенствование общества»* вело людей по ступеням истории от глубокой древности до начала XXI в.»¹.

Видный учёный пишет о недавней нашей истории так: «... что сделано — то сделано. Была и сверхдержава, был и первый человек в космосе, были и величественные стройки, и проблемная целина с её героизмом, и великая наука (правда, с невероятно сильным акцентом на “оборонке”), было и ещё много всякого, что наполняло гордостью сердца советских людей...

Остается всё это в нашей истории и до сих пор. Эти ценности отрицать невозможно. Но надо точно знать их исторический кон-

---

¹ Сахаров А. Н. История и стабилизация общества//Преподавание истории и обществознания в школе. 2007. № 10. С. 26.

текст, реальную стоимость с точки зрения интересов человека»¹. Воссозданию исторического «контекста» непростой судьбы «простых» людей, тех идеалов и ценностей, которыми руководствовались наши старшие современники, наши родители, бабушки и дедушки, послужит наша книга. Книга воспоминаний сибиряков, наших земляков-новосибирцев о своей жизни в трудные времена «на трудной земле».

2008 г. объявлен в России годом семьи. Помним ли мы о прошлом наших родительских семей? Что мы возьмём из их опыта в свою жизнь, передадим нашим детям?

Доктор исторических наук, профессор В. А. Зверев.

---

¹ Там же. С. 34

Г. Ф. Токарев
«ВСЁ БЫЛО В ДИКОВИНКУ...»
ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Когда мы в ноябре 2003 г. получили задание записать страницы чьей-либо биографии, я стала думать, кого бы попросить поделиться воспоминаниями, ведь никого из моих бабушек и дедушек уже нет в живых. Кроме того, хотелось разыскать что-то действительно интересное и для себя, и для науки, найти очевидца увлекательных событий.

Кажется, я справилась с задачей: посоветовалась с мамой, и после долгих раздумий мы вспомнили, что отец одной из маминых подруг писал воспоминания. Он делал это главным образом для своего внука, чтобы тот знал историю своей семьи подробно, не отрываясь от своих корней. Дедушка Токарев, Геннадий Федорович, написал целых семь общих тетрадей! Ему было о чём вспомнить — этот человек прожил долгую и интересную жизнь, что удаётся далеко не каждому. У Токарева был, как мне кажется, литературный талант: всё написано понятным, простым языком, доступным даже ребёнку, и к тому же достаточно увлекательно.

Токарев работал на Новосибирском металлургическом заводе им. Кузьмина вместе с моим собственным дедом, который был начальником цеха. Токарев был начальником отдела кадров. Он с детства сочинял стихи, много читал, имел весьма интересные суждения о литературе, увлекался музыкой и учил ей своих детей.

Итак, я обратилась к маминной подруге Нате Токаревой — единственной дочери Токарева и матери его внука. Она была польщена тем, что воспоминания её отца помогут развитию науки. Ната дала мне толстые коричневые тетради с дерматиновыми обложками, попросила обращаться с ними осторожно, так как они дороги ей, и к тому же довольно старинные. Я внимательно изучила не только содержание тетрадей, но и их оформление. Оформлено всё было замечательно: в тетради кое-где вклеены иллюстрации (газетные фотографии, открытки с видами родных краёв Токарева и мест, где ему довелось побывать) или вырезки с текстом из газет. С любовью сле-

даны красивые большие заголовки в главах. Почерк неровный — видно, что писал немолодой человек. Между написанием первой и последней тетради прошло немало времени: первая датирована 1978 г., а последняя - 1995-м. На обложке первой тетради написано: «Моему внуку Даниилу. Станицы биографии. Тетрадь 1-я».

К сожалению, здесь невозможно поместить все семь тетрадей: они слишком объёмные, да к тому же содержат много мелких подробностей, интересных только в кругу семьи.

Родился Г. Ф. Токарев (1913—2001) в с. Ермаковском Минусинского уезда Енисейской губ. Долгое время с семьёй родителей жил в Минусинске. Летом 1930 г. уехал в Красноярск, учился в лесотехническом техникуме. На зимних каникулах в начале 1931 г. Токарев впервые побывал в Новосибирске, куда незадолго перед этим переехали его родственники и родительская семья. Интересные воспоминания о довоенных сибирских городах, Красноярске и Новосибирске, будут ждать своей публикации.

Анна Вайсман.

Текут в Саянских горах, впадая в Енисей, две таёжные речки — Верхний и Нижний Кебеж. На одной из этих речек, не помню какой, стоит грязная в летнее время и занесённая снегом зимой деревня Кебеж. С этого медвежьего угла начинают отлагаться в моей памяти события из раннего детства.

Мне года четыре или пять. Живем мы на втором этаже довольно большого деревянного двухэтажного дома. На первом этаже — школа. Собственно, это лишь большая комната, заставленная партами и большой чёрной доской у стены. Единственной учительницей в этой школе — моя мама. В школе обучается два-три десятка деревенских ребятшек разного возраста, составляющих три класса, с первого по третий включительно. Все они занимаются в одной комнате. Кроме учительницы, в школе имеется сторож. Пожилой крестьянин с редким даже для тех времен именем Феdul. С Федулом мы друзья. Федя мне подарил «шаркунчию» — колокольчик в металлической оболочке.

Школа сообщается с квартирой учителя внутренней лестницей через люк в перекрытии. Как-то во время занятий я лежал возле открытого люка, смотрел в класс, задремал и свалился вниз, едва не угодив на раскалённую железную печку. Со двора вход в квартиру через высокое крыльцо и сени. В одной из стен сеней имеется маленькое оконце, величиной с ладонь, выходящее в соседний двор.

На Рождество и Новый год раньше было принято ходить по домам и славить эти дни. Ходили, конечно, дети. Рождество славилось так: «Рождество твоё, Христос, Боже наш, во всем миру прославляется» и т. д. Полный текст не помню. На Рождество же устраивалась ёлка с подарками и угощениями, на которую приглашались деревенские дети. Прославляя Новый год, пелось: «Сею, сею, посеваю, с Новым годом поздравляю», и разбрасывалось конопляное семя. Хозяева дома одаривали славивших детей сладостями или медной денежной мелочью.

Под Рождество, Новый год, на Масленицу девки гадали о женихах. Вечерами из дома в дом ходили ряженые, парни и девки, одетые не как обычно, а так, чтобы не быть узнаваемыми. Одевались, кто во что горазд, часто просто в вывороченную наизнанку овчинную шубу. На лице маска, или оно вымазано сажей. Ряженые пели и плясали под тальянку (гармошку-итальянку), а хозяева дома одаривали их денежной мелочью.

В Масленицу катались по деревне на лошадях, прыгали через костры. В кошёвки впрягались пары-тройки, в зависимости от наличия лошадей у хозяина. В гривы коней влетались ленты, под дугой на хомутах — колокольцы, шаркунцы. Кошёвы, полные разнаряженных девок и парней, с песнями под гармошку катались до поздней ночи. На Масленицу устраивались также и бега на лошадях — чья лошадь резвей. Проводились они, как правило, за деревней. Жокеями были ребята лет 12—13. После Масленицы наступал семинедельный Великий пост, когда запрещалось есть скоромное — мясо, яйца, молочные продукты. Ели постные кисели, рыбу, овощи, растительное масло, обычно конопляное.

Наконец, наступала Пасха. Начиналась она с пасхальной ранней заутрени, ночного богослужения в церкви, если она была, или ездили в ближайшую. После заутрени было разговление. Ели скоромную пищу: кулич, сладкую творожную пасху, освящённую во время заутрени в церкви, крашеные яйца. Христосовались.

Пасха — праздник весенний. Весна начиналась для нас с пасхальной ночи. В эту ночь ребяты поднималась на высокую гору, разводила большой костёр, стреляла из самодельной пушки. Это был отрезок металлической большого диаметра трубы, с наглухо заделанным одним концом. В эту трубу наливалась вода, свободный конец забивался деревянной пробкой, и труба клалась в костёр. Образовавшийся в трубе пар с грохотом пушечного выстрела выбивал деревянную пробку.

В это время на просохших полянах ставились качели — высокие козла из брёвен с перекладной из бревна. К перекладине подвешивались сами качели: доска на верёвках, а чаще всего деревянная рама из жердей - две стойки, соединённые внизу перекладной. Качались стоя на перекладине рамы, держась за стойки, по одному или по два человека лицом к лицу. Качались лихо, часто с круговым вращением, иногда падая и калечась. В Пасху и дети, и мужики играли в бабки, катали крашеные яйца. Ну и, конечно, всё взрослое население деревни было пьяно. За Пасхой приходила Троица. Девки плели венки и бросали их в воду. Считалось, чей венок утонет, тому недолго осталось жить.

Не было в те годы ни телевизора, ни радио. На всю деревню имелся, может быть, единственный граммофон с красивой жестяной трубой. Граммофон этот был у кулака или лавочника и заводился только по большим праздникам. Но были по деревням гармонисты, один или два на деревню. Под тальянку и веселилась деревенская молодёжь. Вечерами устраивались посиделки в доме какой-нибудь вдовы или в порядке очередности. На посиделках девки пряли или вязали, парни рассказывали сказки, побасёнки, смешные истории. В перерывах от работы плясали под гармошку.

Устраивались и просто вечерки, вечера танцев. Летом и на улице, и на посиделках, и на вечерках щёлкали орехи, семечки. В перерывах девки сидели на коленях у своих кавалеров. Осенью после окончания полевых работ — пора свадеб. Лошади с вилетёнными в гривы лентами, с колокольцами под дугой и шаркунчиками на хомутах возили по деревне свадьбу. Свадебный поезд состоял из многих пар лошадей, впряжённых в кошёвы. Так проходила жизнь в дореволюционной России и в первое десятилетие после революции.

Моя бабушка, Гликерия Семеновна Чанчикова — баба Луша, мать моей мамы, была дочерью сибиряка-челдона, енисейского казака из деревни Бузуново, Абаканской волости Минусинского уезда Енисейской губернии (теперь это Красноярский край). Деревня эта стояла на берегу протоки Енисея у подножия горы Туран - одного из отрогов Саян. Баба Луша родилась 26 мая 1870 года и [в старости] гордилась, что родилась в один год с В. И. Лениным. Шестнадцати лет она вышла замуж за абаканского крестьянина и до смерти мужа жила в селе Абаканском¹.

---

¹ Теперь - с. Краснотуранск, районный центр Красноярского края.

Село Бузуново было большое и богатое — центр волости, с каменной церковью. Стояло оно на высоком обрывистом берегу Абаканской протоки Енисея. Когда по Енисею шёл пароход, то вначале появлялось лёгкое облачко дыма далеко на горизонте, которое свободно можно было принять за обыкновенное облако на летнем небе. Но по мере приближения парохода к селу облачко темнело и росло, а когда в топки котлов подбрасывали дров (пароходы ходили на дровах), то облачко превращалось в столб чёрного дыма, и шлейф его ещё долго тянулся за пароходом, цепляясь за верхушки деревьев, растворяясь над островами. И только тогда, когда пароход выходил на траверз села, сквозь просветы в кустах видны были белый бок судна и красные плицы пароходных колес, бьющих по воде.

Бабушка прожила жизнь, полную лишений и неустанного труда. После смерти мужа бабушка с малолетними детьми, Тоней девяти лет и Павликом трёх лет, переехала на постоянное жительство в Минусинск, где поселилась на квартиру к вдове Груздовой Евдокии Васильевне. У Груздовой тоже было двое детей, Ваня и Вера, такого же возраста, как Тоня и Павлик. Скоро квартирантка и хозяйка стали друзьями, сблизили их общность вдовьей судьбы, дети и работа. Обе ходили по домам и стирали бельё, выпекали на продажу сушки (бабушка пекла их часто и потом). На эти доходы вдовы содержали семьи, растили детей. По субботам, после недели тяжёлого труда, баньки, которая была тут же во дворе, вдовы позволяли себе распить шкалик «горькой». Вот и все вдовьи радости.

Для нас, детей, бабушка была второй матерью. Ведь бабушка была всегда с нами. Она нас кормила и поила, ухаживала за нами, когда мы болели. Случалось, она не только ругала нас, но и давала подзатыльники. Мы не обижались, понимая, что за дело. Бабушка же и жалела нас, когда нам было плохо, и старалась всячески нам помочь.

Была она совершенно неграмотной женщиной, но считать умела отлично. Вообще была умным и деятельным человеком, с твёрдым характером и сильной волей. Вместе с этим, она всегда готова была помочь тому, кто в этой помощи нуждался. К ней, бывало, приходили за советом вся родня и знакомые. В свободную минуту бабушка любила поиграть в картишки. В «дурака» или «бб». С молодых лет и до смерти бабушка курила. Устанет, бывало, от хозяйственных дел, ляжет на кровать и, пошыхивая папироской, слушает радио. Это уже в Новосибирске. Такой мне запомнилась бабушка на всю жизнь. Умерла она 15 июня 1941 года.

Похоронами бабушки занимался я один. Были они скромными, без музыки и попа. Такова была воля бабушки, высказанная ещё задолго до болезни. Бабушка верила в Бога, но не была особенно богомольной и недолюбливала попов, считая их тунеядцами и мздоимцами. В день похорон бабушки моросил мелкий, похожий на осенний, дождик. Было серо и неудобно. Траурный катафалк, с впряжённой в него парой лошадей, покрытых чёрными саванами, медленно двигался по улицам города. На катафалке в простом сосновом гробу лежало тело бабушки. За катафалком шла небольшая кучка людей, провожающая усопшую к месту последнего успокоения. Похоронили бабушку в Дзержинском районе Новосибирска на кладбище в Берёзовой роще. На могиле не поставили ни креста, ни памятника. Памятник помешала поставить война, которая грянула через неделю.

От Минусинска до Абаканского — вёрст 80. В летнее время на паре лошадей, впряжённых в тарантас, ехать надо с утра до вечера. Выезжали по холодку. Позже, когда наша семья жила в Минусинске, в Абаканское бабушка, я и сестра ездили два раза. Эти поездки я очень любил: чистый воздух, запах трав, звон кузнечиков, смена впечатлений... На пути надо пересезать через большую, довольно глубокою реку с прозрачной водой — Тубу.

Туба берёт свое начало в Саянах, образуется она от слияния трёх рек — Кызыра, Кызыра и Амыла. На Кызыре в 1942 году погибла экспедиция новосибирских изыскателей железнодорожной трассы Абакан—Тайшет в составе Кошурникова, Стофато и Журавлёва.

В Абаканском жил брат бабушкиного мужа Порфирий Алексеевич Чанчиков, дядя Пеша. Было ему тогда лет 50. Семья дяди Пешки состояла из 4-х человек: самого дяди Пешки, его жены и двух малолетних детей, Кости и Вани. Семья жила в достатке, но экономно. Ели всё больше пищу без мяса, квас с редькой или огуречный рассол с ней же, который хлебали из глиняных мисок деревянными крашеными ложками.

Дни в Абаканском мы проводили с моими одногодками в Народном доме. Так назывались тогда сельские дома культуры. Были народомы только в районных центрах. Во дворе абаканского народомы стоял «исполин», или гигантские шаги, на котором мы качались. «Исполин» — это столб с горизонтальными металлическими вращающимися кольцами на вершине его. От кольца несколько верёвок с петлями на концах. Сядешь в такую петлю, начинаешь бегать вокруг столба, центробежная сила поднимает тебя, и ты летишь по

воздуху, так как кольцо вращается. А верёвка, привязанная к кольцу, не даёт оторваться от столба. В жаркие дни мы пропадали на протоке. Купались до гусиной кожи. Спали мы в чулане большого дома, стоявшего на церковной площади села. Прежде, чем заснуть, долго шептались, поверяя друг Другу сердечные тайны.

Моя мама, Токарева Антонина Михайловна, в девичестве Чанчикова, родилась 8 марта 1894 года в селе Абаканском. В городе Минусинске окончила женскую гимназию. Училась только на пятёрки и поэтому, а также по причине крайней бедности, училась на казённый счет. Обучаясь сама, учила и других. Как тогда было принято говорить, репетировала отстающих учеников, детей состоятельных родителей, имея от этого небольшой заработок. Гимназию окончила с медалью, но медали не получила. Медаль нужно было выкупать, а лишних денег у её матери-прачки на это не было. У моей сестры есть фотография, на которой мама сфотографирована со своими подругами-гимназистками. С фотографии смотрит миловидная, лет 16, девушка в гимназической форме с длинной косой. Окончив гимназию, мама поехала учительствовать в село Ермаковское. Было ей всего 17 лет, но на её иждивении состояли мать и брат Павлик.

Мамин брат, Павел Михайлович Чанчиков, окончил в Красноярске лесную школу и работал в Комском (с. Комы) лесничестве в должности помощника лесничего. Дом лесничества был одноэтажным, деревянным из лиственничных брёвен, с наружной стороны обшит тёсом. Дом имел более десяти комнат с громадными окнами. На кухне была плита с зонтом над ней. Дом был огорожен глухим забором, метра два высотой. Здесь был хозяйственный двор с амбарами, конюшней, каретником — завозней, погребом. Со стороны реки, до которой было около километра, к дому примыкал сад естественного происхождения, но с посаженными кустами смородины, малины, крыжовника. Сад был обнесен изгородью штакетного типа с глухим цоколем.

В половодье сад частично затоплялся выходящей из берегов рекой, отчего задняя стенка ограды почернела, столбы подгнили, и стенка покосилась. Из сада на луг вели две калитки, в одном и другом направлениях. Две калитки по обе стороны дома вели со двора в сад. Со стороны сада к дому примыкала открытая веранда — терраса, на которую из дома было два выхода — очевидно, дом предназначался для двух хозяев. Об этом же свидетельствовало симметричное расположение комнат в обеих половинах дома. В летние

душные ночи спали на веранде. В то время, когда наша семья жила у дяди Павлика, ранней весной, как только сошел снег и оттаивала земля, мы, дети, копали на лугу саранки, сладкий корень-солодку, чуть позже рвали дикий лук и чеснок, а в летнюю пору — землянику и клубнику, которых было множество. Одна беда — на лугу водилось много змей. Бывали они и в нашем саду. За оградой основного дома стояла избушка вооруженных объездчиков.

На левом берегу Енисея жили хакасы. Тогда они жили уже оседло, в домах, но на дворе обязательно стояла юрта. Летом семья хакаса жила в юрте. Юрта в основании своем представляла шестигранник, с каркасом стен из жердей, с конусообразным верхом, обтянутым кошмой или шкурами. В юрте очаг с дымоходом — дырой вверху юрты. По стенам юрты на полках лежала домашняя утварь, главным образом, посуда. Посуда лежала битой стороной к стене юрты. Вверху юрты на жерди висели выделанные шкурки домашних животных. Вошёл в юрту хакас или хакаска, снял с жерди шкурку, бросил на земляной пол, сел на неё и закурил трубку. Курили все - мужчины, женщины, дети, едва бросившие соску-рожок. Гостей хозяева угощали арьяном — водкой собственного производства из кобыльего молока. Теперь юрту можно увидеть только в Абаканском музее, да и то неполный её макет.

Однажды, когда мы жили в доме лесничества, на него напали бандиты. Мама и дядя Павлик накануне уехали в село Комы. Рано утром, когда мы ещё спали, за оградой дома лесничества послышались шум и крики, от которых проснулась наша бабушка. Она не придавала им значения, посчитав, что это шумят крестьяне из соседней деревни, приехавшие на свои покосы. Дорога проходила мимо усадьбы лесничества. Выйдя на крыльцо, бабушка увидела над забором головы людей и поняла, что это верховые. Властный голос одного из них приказал бабушке: «Открывай ворота!» Во двор въехали два или три десятка всадников, в том числе одна женщина.

«Мы - партизаны», — заявил всадник, который приказал бабушке открыть ворота. «Давай нам пожрать, бабка!» И бабушка забегала, словно челнок в ткацком станке — то в погреб, то обратно. Мы, дети, давно уже проснулись и уставились на «партизан». Вскоре в столовой на столе стоял самовар, фыркающая паром и клопоча всем своим самоварным нутром. «Партизаны» сели завтракать, а после завтрака разбрелись по дому — и давай тащить, кто одеяло, кто подушку, кто просто приглянувшуюся безделушку. Один из них схватил с комода мамино зеркало. Насилу бабушка уговорила оставить зеркало, кото-

рое принадлежит учительнице и которое всё равно в дороге разобьётся. Прибрав кое-что из наших вещей к своим рукам, «партизаны» стали собираться в дорогу и выехали со двора. Вскоре после нападения на дом лесничества банда была поймана настоящими партизанами.

Какое-то время наша семья жила в заводском посёлке Убей, кучкой домов казарменного типа разбросанном как попало в долине речки Убей, на её правом берегу. Река была перегороджена плотиной со шлюзами для спуска излишков воды из образовавшегося пруда. На правом берегу несколько ниже плотины стояла водяная мельница. Вода на мельницу по деревянному лотку поступала из пруда. Дно шлюзов было деревянным, метра на полтора выше уровня зеркала реки, ниже плотины. Падавшая со шлюзов вода сделала в дне речки порядочную яму-промоину с песчаным дном. Когда я по-настоящему научился плавать, лет в 8—9, ныряние со шлюзов стало одним из моих любимых развлечений.

Купались мы и в пруду. Пруд был невелик, но глубина - «с ручками». На берегу реки стояла заводская баня. Мы, ребята, да и взрослые тоже, любили, напарившись в бане, нырять в пруд. С берега в воду шли мостки в виде скамейки с парой ног, безногой частью к берегу, а ногами в пруд. Вот с этих мостков мы и ныряли.

Заводской корпус стоял на возвышенном месте, довольно далеко от реки. От него к реке шла канава для стока отработанных заводских вод. Кожевенное производство требует большого количества воды. В самом здании стояли огромные металлические баки, в которых заквашивались кожи. Всё помещение было мокрым. Территория, примыкающая к производственному корпусу, и склоны сточной канавы были завалены отработанными, кисло пахнущими опилками. Ранней весной на нагретых солнцем дубовых опилках мы, детвора, любили устраивать игры или просто валяться на них.

Позже к главному корпусу была сделана пристройка холодного типа. В пристройку поставили пилораму «Болиндер», работавшую от небольшого парового двигателя. Пилорама распускала брёвна на доски для заводских потребителей. Лес для этой цели сплавлялся «молью», то есть россыпью, из тайги по речке Убей. Мы, ребята, сделали деревянную модель пилорамы. Зимой наша модель стояла в будке-голубятне и действовала от ветряка на крыше будки. Летом «пилораму» устанавливали на небольшом островке ниже плотины, и работала она силой течения реки, для чего нам пришлось прокопать довольно длинную траншею через островок.

Дом бывших хозяев завода стоял на противоположном от дома лесничества конце заводского посёлка, в огромном парке естественного происхождения. После революции в доме были школа, клуб, квартира учителя из одной комнаты и квартира из одной комнаты дочерей бывших хозяев завода Ериловых. В голодный 1921 год в этом же доме была общественная кухня. Вдова Мария Васильевна Кравченко готовила отличные украинские борщи без мяса. Борщи эти бесплатно получали все работники на заводе.

Зиму 1919—1920 годов мы с мамой жили в Кривошеево, где мама учительствовала. Это село стояло на левом берегу Енисея. [Позже] во время строительства Красноярской ГЭС оно было снесено. Время было беспокойное, шла гражданская война. Жили мы в здании школы. Осенью я пошёл учиться в первый класс, но вскоре учёбу бросил. С приходом в Сибирь к власти Колчака неотъемлемой частью школьной программы стал Закон Божий. У меня не было нательного крестика, и поп всякий раз, приходя на свой первый урок, неизменно спрашивал: «Скажи, Божье чадо, Гена, где твой крестик?» В конце концов, мне это надоело, и я перестал посещать занятия в школе.

В Кривошеево было скучно. Зимние дни короткие, ночи — длинные. Освещаться нечем, об электричестве в деревне вообще не знали. Керосина, свечей не было. Долгие зимние вечера коротали, пользуясь даровым светом луны, если ночь была лунная, или светом раскалённой печки-буржуйки.

Зимой на Енисее делали проруби. Проруби делались разные: длинные и узкие для водопоя скота, большие круглые для забора воды и полоскания белья. В старое время во всякое время года бельё полоскали на реке. Над прорубями, чтобы их не заносило снегом, ставили шалаши. Вокруг проруби лёд немного скалывался в виде канавки, а по краю делался бортик, чтобы при заборе воды или полоскании белья нога не соскальзывала. В сильные морозы прорубь замерзала, и утром её подмлаживали, очищали от намерзшего за ночь льда. Делали это рано утром, но при сильных морозах через час-два она вновь покрывалась тонкой коркой льда. Известно, что в одну из таких прорубей Ангары были спущены тела расстрелянных по приговору Иркутского революционного трибунала адмирала Колчака и премьер-министра его правительства Пепеляева.

Первая мировая, а затем и Гражданская войны привели народное хозяйство страны в крайний упадок. Остановились фабрики и заводы, не было угля и сырья, не хватало одежды, тканей, обуви. Плохо работал транспорт. Сельское хозяйство не удовлетворяло

потребностей населения в продуктах питания. Тяжёлое положение в стране усугубилось неурожаем в ряде губерний в 1921 году. Начался голод.

В эти тяжёлые годы моя бабушка была и портным, и сапожником. Шила нам, детям, из мешков и скатертей рубашки, штаны и платья. Мешки красились отваром цветка лютика в синий цвет. На одной такой сверхпрочной рубашке, сшитой из скатерти, я однажды повис на суку черёмухи, сорвавшись с дерева во время сбора ягод. Шила бабушка и обувь — бродни. Так называли сапоги на мягкой подошве, вроде кожаного чулка. Чтобы голенища бродней не сползали с ноги, их под коленками перевязывали вокруг ноги ремешками. Такая обувь требовала ежедневного ремонта, так как самодельная драфта из обыкновенных ниток на подошве быстро перетиралась.

В это время всё хуже и хуже становилось с питанием. Как ни комбинировала бабушка муку, а затем и отруби, с картошкой, скоро печь лепёшки стало не из чего. Вдоволь было мёду. Тогда бабушка взяла мамины часы, единственную ценную вещь в семье, и пошла с ним к мельнику — менять на муку. Он часы не взял, но дал пуд муки на семью из восьми человек. Скоро мука кончилась, и надо было искать какой-то выход. Ещё с довоенных лет у мамы сохранился отрез на пальто. Взяли они с братом этот отрез и поехали в одну из таёжных деревушек, а через два дня пригнали двух коровок, Буренку и Белянку. Коровы оказались хорошими, давали около двух вёдер молока в сутки. У нас появились сметана, творог, масло. Стали подкапывать посаженную весной картошку, зажили веселее.

Правда, коровы доставляли нам немало хлопот: горы для них были не помехой, речка — не препятствием. Коровы часто уходили в тайгу, их сутками приходилось искать. Часто коровы залезали в наш огород. Но со всеми этими неприятностями надо было мириться, коровы были основой экономического благосостояния семьи. В заготовке сена для них участвовали почти все члены семьи. Взрослые косили, метали траву в стога, дети сгребали сено в валки, переворачивали его и собирали в копны. Копны на нашей лошади Мышке я возил к стогам. Ездить верхом на лошади я научился с 6—7 лет, а вскоре научился запрягать в телегу, дрожки. Маме и сестре Васочке приходилось жать и молотить хлеб. Жали серпами, молотили вручную, а сеяли его нам крестьяне села Медведово на своей земле.

После гражданской войны в стране вспыхнула эпидемия сыпного и брюшного тифа. Болели сотни тысяч людей. Сыпняк уносил в

могилу больше, чем гражданская война. Разносчиком сыпного тифа, как известно, является вошь сыпнотифозного больного. Через заводской посёлок проезжало и проходило несчётное число людей. Стояла сибирская зима. Многие путники заходили к жителям посёлка обогреться, иногда переночевать. Бывали они, конечно, и у нас. Зимой 1921—1922 годов мы жили в избушке объездчиков, так как огромный дом лесничества отапливать было трудно.

В нашу семью тоже пришел тиф. Заболело одновременно трое - бабушка, мама и мамин брат, дядя Павлик. Бабушка заболела брюшным, а мама и Павлик — сыпным тифом. Течение болезни у мамы и Павлика с самого начала было разным. У мамы сыпь на теле была крупной и красной, а у Павлика она была мелкой и сразу же почернела. Говорили, это признак плохого исхода болезни. Губы и язык у него от высокой температуры обгорели и покрылись струпиями, коркой. Язык стал таким распухшим, что еле ворочался во рту. Все трое больных в жару бредили. Павлик часто вскакивал с постели и пытался бежать на улицу, поэтому дверь избушки всегда была на крючке.

Больных обслуживали 16-летняя сестра Васочка и соседка Мария Васильевна Кравченко. Мария Васильевна все дни проводила в нашей семье, была её истинным, бескорыстным другом и благодетелем. Простая женщина, вдова, жившая в поселке с тремя детьми. Кроме больных, нас было ещё четверо, кого нужно было накормить и напоить. Мы, ребята, могли только, лёжа на полотах, наблюдать за происходящим внизу, но помощи от нас никакой не было. Вся медицинская служба в посёлке состояла из фельдшера, у которого не было никаких лекарств, кроме аспирина и хины. Ни Васочка, ни Мария Васильевна тифом не заболели.

В двадцатые и даже тридцатые года обычным явлением не только в деревне, но и зачастую в городе, была малярия, или лихорадка, лихоманка. Болели ею и стар, и млад.

В Минусинск из посёлка Убей мы переезжали на пароходе «Спартак». Стояла осень, но дни были солнечные, тёплые, обычные для тех краёв осенью. Река уже обмелела, на перекатах было мало воды. «Спартаку» приходилось брать их штурмом, и тогда слышался скрежет железного днища о гальку. Из опасения сесть на мель часто промерялось дно мерным шестом. Вахтенный матрос, стоя на носу судна, промерял глубину и кричал цифры глубины. Когда шест не доставал до дна, слышалось: «Оттабань», и промер прекращался. На пристанях пароход долго стоял под погрузкой дров. На пристан-

ских базарах мама покупала арбузы и дыни, а я с плачем гонялся за ней, боясь, что она отстанет от парохода. На третьи сутки пути пароход вошел в минусинскую протоку и причалил к деревянным мосткам минусинской пристани.

[...]

Минусинск стоит на правом берегу протоки Енисея. Протока образует Татарский остров, площадью в несколько десятков квадратных километров. Только юго-западная холмистая часть острова покрыта лесом. Здесь ребята любили кататься на лыжах. На острове находились 4-этажное здание городской торьмы, да плодово-ягодный частный сад. На равнинной, безлесной части острова основали станцию «Опытное поле» для выведения новых сортов сибирской пшеницы, гречихи и других культур. Через протоку на остров ходил паром. В двадцатые годы 20 века здесь был построен деревянный мост, покрашенный в красный цвет.

Машин в Минусинске не было, потребности минусинцев в городском транспорте обеспечивали извозчики. Вся центральная площадь города была застроена двухэтажными кирпичными купеческими домами-магазинами. Однако преобладали деревянные дома, у многих из них были ставни на первых и вторых этажах. Ставни закрывали не только ночью, но и в жаркий полдень. Минусинск не был зелёным городом, и в жаркое летнее послеполюденное время город заметно пустел. Взрослые прятались за закрытыми окнами, а ребятки не знали, куда деться от жары. Под вечер на всех лавочках рассаживались старики и шёлкали кедровые орешки. [Теперь] старики селятся сюда, отработав на шахтах, рудниках в Заполярье.

Безлесными были и окрестности города, если не считать небольшой сосновой рощицы на городском кладбище, да единственного в городе загородного сада. Кроме этого, по берегам протоки росли столетние тополя, посаженные еще декабристами, да были заросли кустарника вдоль речушки Минусинки, протекавшей через город. Садам называли небольшую сосновую рощицу в километре от города, где в летнюю пору проходили все городские увеселительные мероприятия. И кладбищенский борок, и загородный сад были остатками загубленного, некогда подходившего к городу, соснового бора. А в моём детстве вокруг города была унылая степь с кучами мусора, вывезенного горожанами. На кучах мусора в изобилии росли шампиньоны. Поджаренные на сковородке со сметаной, шампиньоны были любимой нашей едой.

Часто мы ходили к месту впадения протоки в основное русло Книсея с ночёвкой. Там на стрелке на мелководье купались, ловили сопливых ершей, ельцов, сорог. А вечером, сидя у пылающего костра, рассказывали страшные истории. Засыпали под утро. На таких рыбалках бывали по два, а иногда и по нескольку дней. За лето ходили рыбачить по 3-4 раза.

В 20-е годы в Минусинске на 25 тысяч жителей было три церкви и собор. Одна из них, деревянная, была на кладбище. С Покровской церкви через несколько лет после нашего приезда сняли колокола, а само здание приспособили под кинотеатр. Троицкая церковь была самая высокая. В пасхальные дни мы забирались на колокольню, и нам разрешалось звонить во все колокола. В собор, когда я ещё не был пионером, ходили с бабушкой в «чистый четверг» - на последней неделе Великого поста перед Пасхой. В четверг мы ходили за святым огнём, а в раннюю пасхальную заутреню — святить куличи. Святым огнём мы должны были закоптить крест на матице, головной балке на потолке. Считалось, что крест спасал семью от всех бед и напастей.

В городе был неплохой театр. Театр находился в двухэтажном здании из кирпича и дикого камня, с пожарной каланчой на крыше. Пожарное депо было тоже в двухэтажном доме рядом с театром. Зрительный зал театра состоял из партера, лож второго яруса и галёрки. В этом театре я смотрел с галёрки пьесы «Василиса Мелентьева», «Овод», «Любовь Яровая». Позже в театре в дневное время показывали кино. Билеты на первые ряды стоили 5 копеек. Позже театр сгорел вместе с каланчой и пожарником, который был в колокола до самого смертного часа и был погребён под обломками.

Деревянный Минусинск был подвержен частым пожарам. Помню два больших пожара. Один из них произошел в нескольких десятках метров от нашей квартиры. Ночью горел аптечный склад, и зарево отражалось в наших окнах; он сгорел дотла. Второй пожар был на винзаводе. Всю ночь горел открытый склад цистерн со спиртом. С пушечным громом лопались цистерны, горящий спирт на много метров вверх бил огненным фонтаном. Склад спасти было невозможно, из-за страшного жара от пылающих цистерн к месту пожара нельзя было подойти на сотню метров.

Пожарники боролись за здание завода и окружающие его дома жителей. Средства тушения оставляли желать лучшего. Водопровода не было, вода подвозилась в бочках. Насос был ручной и сила напора в брандспойте невелика. Пожарная команда в те годы ездила

на лошадях. Пожарный выезд — тройка. Выежало 3—4 тройки. Пожарники надевали медные каски с гребнями. Впереди верхом на лошади ехал брандмайор. Мчащийся вечером пожарный поезд представлял красивое впечатляющее зрелище.

Был в городе кинотеатр под названием «Горн» — кирпичное двухэтажное здание на центральной площади города. Летом задолго до открытия кассы мы жарились на солнце в очереди за билетами. Сеансы были только вечерние, в 6, 8 и 10 вечера. Билеты стоили от 15 до 40 копеек в ложу. Демонстрировали преимущественно американские и грузинские фильмы, такие, как «Знак зеро», «Багдадский вор» и «Сын Зорро» с участием известного американского киноактёра Дугласа Фербенкса; «Дом ненависти» с американскими актёрами Гарри Пилем и Гарольдом Ллойдом; фильмы с участием датских комических актёров — тощего и длинного Пата и толстого, лысого и короткого Паташона. Фильмы «Процесс о трёх миллионах», «Кукла с миллионами», «Когда пробуждаются мёртвые» и «Праздник святого Иоргена» с Игорем Ильинским, много фильмов с известной грузинской киноактрисой Натой Вочкадзе, к примеру, «Три жизни».

Фильмы были немыми, звуковое кино появилось в начале тридцатых годов. Это были фильмы «Златые горы» и «Путёвка в жизнь». Немые фильмы показывали в сопровождении фортепианной или скрипичной музыки. Музыка соответствовала характеру фильма и действиям на экране. Однажды перед началом фильма выступал приезжий профессиональный певец, его голос казался тогда необыкновенным, волшебным прекрасным. В городе был ещё единственный клуб, клуб советских и торговых работников.

Было в городе два государственных магазина. Один из них, магазин потребительской кооперации, носил название «Единение». Товары в магазине отпускались по заборным книжкам. Помню в период нэпа кондитерский магазин мадам Лебедевой, где очень вкусные пирожные продавались по 4 копейки за штуку. По этой же цене за фунт Лебедева принимала газетную бумагу.

Три раза в неделю в разных местах города организовывались базары. В среду — на средней площади, в пятницу — на пятницкой, в субботу — на субботней. До 1929 года базары были большими, и покупалось на них всё в больших количествах. Если мука, то мешками по цене 90 копеек за пуд, 16 килограмм; если мясо, то тушами.

Правда, когда наша семья приехала в Минусинск, в обращении были ещё старые обесцененные деньги - керенки. [...] Керенки

представляли из себя бумажные деньги розового цвета. Их ещё называли лимонками, от искажённого слова миллион, так как купюры были достоинством в несколько миллионов рублей. Тогда коробок спичек стоил несколько миллионов. Вскоре их заменили советские червонцы, десятирублёвые купюры. Несколько позже появились пятёрки, тройки, рубли и металлические деньги - рубль, 50, 20, 10 копеек и медь.

Субботняя площадь стала площадью митингов, демонстраций, массовок и физкультурных выступлений. Здесь в дни Первомайских праздников бесплатно показывали кинокартины для всех желающих. Помню с тех пор замечательную картину «Дворец и крепость» о заключённых в Петропавловскую крепость народниках. В ноябре 1928 года, в десятилетие партизанского движения в Сибири, на площади состоялся митинг, на котором присутствовал и выступал герой Гражданской войны, будущий трижды герой и маршал Советского Союза Семён Михайлович Будённый. Примерно в эти же годы на площади демонстрировались маленькие колесные тракторы, которые начали появляться в Сибири.

Из промышленных предприятий помнится мне винный, пивоваренный и лесопильный заводы, табачная фабрика и две мельницы. Одна из них, паровая, раньше принадлежала купцу Пашенных. Её кирпичное многоэтажное здание стояло в городе на берегу реки Минусинки. Пашенных ещё принадлежал магазин на центральной площади города и сахарный завод. В годы моего детства из предприятий службы быта в Минусинске были лишь коммунальная баня, амбулатория и две частные парикмахерские. Была ещё столовая, которую редко кто посещал из-за её дороговизны: обед из трёх блюд стоил 25 копеек.

В каждом городе, хотя бы и провинциальном, есть люди, которые пользуются особым уважением горожан или известностью, часто даже скандальной. Одной из самых уважаемых семей в городе Минусинске была семья Мартьяновых, семья основателя Минусинского музея. В 20-е годы здесь жили его дети и внуки. Они жили в собственном доме, летом из его открытых окон лились звуки фортепиано, что было в те годы редким явлением и говорило о [высоком] культурном уровне семьи, о её достатке.

Второй знаменитой, по крайней мере, в нашем ребячьем понимании, была семья Бедро. Они жили за протокой и имели огромный плодово-ягодный сад. Сад охранялся сторожами с собаками, во время сбора плодов использовалась наёмная сила. Бедро был

сибирским Мичуриным, и его деятельность поощрялась местными властями. В те годы в Минусинске выращивали много арбузов, дынь и тыкв, которые созревали в сухую и тёплую осень. Арбузы ели свежими или солили на зиму. Солили их целыми, не разрезая. Стоили арбузы осенью дёшево, за 3 рубля можно было купить сотню арбузов. Осенью весь берег протоки был уставлен строящимися барками, на которых бахчевое богатство по Енисею сплавлялось в Красноярск.

Почитаемым лицом в городе был врач местной амбулатории, старик Соловьёв. Строго говоря, он был лишь очень опытным военным фельдшером времен Русско-японской войны, но практиковал и в амбулатории, и на дому как врач. В амбулатории во всех трудных случаях врачи консультировались с Соловьёвым. Дома у него по воскресеньям, как на базаре, - подводы во дворе и за его пределами, пациенты из окружающих сёл и деревень. Стоимость приёма равнялась одному рублю.

Были известные люди и иного плана. Например, Коля-дурачок, ходивший зимой и летом босиком, в рваных холщёвых штанах и такой же рубахе. Через эти рубища светило голое грязное тело. Коля ничего не говорил, станет у стенки и машет вереницей тряпок, привязанных одна к другой, наподобие хвоста бумажного змея. Был в городе еще один дурачок, имени которого не знаю. Он прилично одевался, всегда был добровольным распорядителем на всех похоронах, были ли они с попом или с музыкой. Он шёл впереди процессии, покрикивая и расталкивая любопытных. Ещё одна знаменитость — партизан гражданской войны в Сибири, награждённый орденом Красного Знамени, единственный орденосец в городе, к сожалению, спившийся.

В Минусинске выпускалась газета «Власть труда». Это название мне очень нравилось. Мальчишки-газетчики бегали и кричали: «Газета “Власть труда”, подходи сюда — не кисло, не пресно, очень интересно».

Мамин оклад был очень маленький, около 43 рублей, и его не хватало для содержания нашей большой семьи. В это время Васочка тоже устроилась работать посудницей на пивоваренный завод, она получала ещё меньше мамы, но выбирать было не из чего. Заводы и фабрики стояли, не было ни сырья, ни топлива. В стране до 1929 года была безработица. Существовали так называемые биржи труда, где безработные много дней и недель стояли в очереди, чтобы получить хоть какую-нибудь работу. Нужда заставляла, и в нашей се-

мье год или два жили на хлебах школьники-хакасы. За квартиру и питание их родственники давали [нам] продукты.

Одним из моих самых сильных увлечений детства было чтение книг. Летом в амбарушке, которая имела отдельную дверь и маленькое, с ладонь, оконце, стояла кровать. На ней ночью я спал, а днём читал книги. В амбарушке я прочёл такие замечательные книги, как «Копи царя Соломона» Райдера Хоггарда, «Текучая вода» и «Поклонники змеи» Густава Эмара, «В дебрях Индии» Луи Жаколио, «Красный корсар», «Зверобой», «Следопыт», «Прерия», «Пионер» Фенимора Купера, «Том Сойер» Марка Твена и множество приключенческих книг Жюль Верна, Майн Рида и других авторов. Очень раздражался, когда приходилось отрываться от любимого занятия на хозяйственные дела, бежать в магазин за керосином, чистить стайку или колоть дрова.

Чтобы познакомиться с Минусинском, я выходил на прямую, как стрела, улицу, где мы жили, шёл по направлению к центру и удивлялся всему. Удивлялся стройному, казалось, бесконечному ряду домов, тротуарам из каменных плит. Интересно было наблюдать за проезжающими извозчичьими пролётками, прохожими. Мне, приехавшему из глуши, всё было в диковинку, всё вызывало удивление и восхищение.

А. Н. Адоньева

«О ЛУЧШЕМ МЫ НЕ МЕЧТАЛИ...»

ДЕТСКИЕ ГОДЫ В БЕРДСКЕ И НОВНИКОЛАЕВСКЕ

Моя бабушка Адоньева Анна Никитична (1910—1994) родилась в с. Бердском Барнаульского уезда Томской губ. (ныне г. Бердск Новосибирской обл.) в семье переселенцев из Европейской России. Отец был рабочим на мельнице кушца В. А. Горохова, и детство Анны прошло в рабочем посёлке при мельнице. В трудовую жизнь она вступила в 13 лет - в г. Новониколаевске стала домработницей. Зрелые годы отдала энергичной общественной деятельности, комсомольской и партийной работе в Бердске, Новокузнецке и Новосибирске. В 1950-х гг. была первым секретарем Бердского горкома КПСС, внесла большой вклад в организацию строительства Новосибирской ГЭС, руководила перенесением Бердска из зоны затопления на его нынешнее место.

Воспоминания свои бабушка писала с 1970-х до начала 1990-х гг., уже имея пенсионный досуг. Мы печатаем здесь небольшие отрывки, относящиеся к детству мемуаристки, которое пришлось на период войн, революций, разрухи и окончилось в годы зэпа.

Июсса Адоньева.

1.

О раннем детстве в Бердском у меня сохранились в памяти ёлка в школе и Рождество. В те годы стояли трескучие рождественские морозы. Утром чуть свет шли мы к родственникам, соседям славить Рождество. Заходили в квартиру, снимали пальтишки, шапки и пели:

— Слава тебе, Христе...

Хозяева одаривали нас. Кто даст по 2-3 копейки, кто орехи, кто пряник в яркой обёртке. А вот в квартирах крёстных отца и матери крестников одаривали и деньгами. Мне всегда мой крёстный Михаил Иванович Лисенков давал гривенник. Обойдём несколько квартир и возвратимся домой. Мама уже накрыла стол для праздничного завтрака. Был он небогатым, — откуда матери-солдатке с четырьмя

детьми иметь богатый завтрак? Но всё же были холодец, жареная свинина и сладное печенье. О лучшем тогда мы и не мечтали.

Днём к нам приходили тётушки со своими ребятишками. Одеты они были по-праздничному. Взрослые сидели за столом, а мы играли. Наша небольшая комната набивалась до отказа. Потом мама уходила в гости, а мы оставались дома. Чтобы нам не было скучно, мама всегда к праздникам покупала несколько фунтов семечек. Ими мы и забавлялись. На улице в рождественские дни мы почти не выходили — было холодно.

А вот в Святки мы до потери речи от холода катались на «катушке». Она была устроена на левом, более высоком берегу Верди. Катались кто на чём. У нас были самые роскошные в посёлке железные санки. Мне их подарил дядя Фёдор Николаевич, брат отца. Из-за них тётушка Феврония обиделась на маму. По её мнению, дядя должен был подарить санки её детям. Но тут, по-видимому, сказала любовь дяди ко мне. Вот мы и скатывались на этих санках дальше всех.

Как мы добирались домой, трудно сказать. От холода замерзали лицо, руки, ноги, даже глаза. Обвалявшись десятки раз в снегу, одежда становилась будто железной, гремела и звенела. И вот в таком виде мы вваливались в нашу комнату. И сразу же садились вокруг топящейся печурки.

В посёлке при мельнице Горохова, где жила наша семья, была очень хорошая трёхклассная школа. И учительница Александра Ивановна Белорусцева всегда готовила для детей вечер. В школу привозили срубленную сосенку и наряжали её, делали гирлянды из нескольких электролампочек, окрашенных в разные цвета. Красили в золотой и серебряный цвет грецкие орехи, конфеты - длинные в разноцветных обёртках. В классной комнате, где стояла ёлка, была развешана гирлянда из разноцветных бумажек, что придавало помещению нарядный, сказочный вид.

Школьники готовили программу, но очень поощрялось выступление дошколят. Мне было лет шесть, когда я впервые пошла на ёлку. Когда подняла руку, - хочу рассказать стих! - меня подняли на табуретку, а ребята стояли вокруг ёлки. И я стала рассказывать «Сказку о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. За это мне дали завязанный в нарядную бумажную салфетку гостинец. Насколько помню, это были орехи.

Было принято в Святки ходить ряжеными. Сидим вечером дома. Вдруг с гулом, с гармошкой или балалайкой вваливается толпа

людей. Поверх зимней одежды — сарафаны, цветные платья, у иных вывернуты шубы и шапки изнанкой вверх, щёки и носы ярко накрашены. На лице приделаны борода и усы из пакли. Здесь были и сшитые из рожи плащи. И вся эта компания под аккомпанемент музыкальных инструментов пускалась в пляс. Хозяева должны были преподносить ряженым пиво и сладости. Эти святочные веселья были единственными в то тяжёлое время развлечениями, их долго вспоминали.

Святки заканчивались Крещением. Это были всегда очень разные дни. Из нашей семьи никто не ходил на этот праздник в Бердское, и дома у нас никогда не было святой воды. После Крещения начинались свадебные вечерки, вечера прощания невест с девичеством, венчания и свадебные торжества.

Мне довелось побывать на одной из свадеб. В 1924 году выходила замуж соседка Клава Юферева. Жила она в семье своего брата Максима. Была собой невидная: маленькая росточком, толстенькая, лицо слегка тронуто оспой, и ничего в её внешности не было примечательного. Да и приданого за ней не было. Хотя брат её имел середняцкое хозяйство, но Клаве, кроме тяжёлой крестьянской работы и забот по дому, ничего не доставалось. Не было у неё ни платья, ни обуви. Скупая Папа, жена брата, спала и во сне видела, как бы вытолкнуть её из дома, а то, не дай Бог, новый советский закон заставит произвести раздел имущества.

И эта рыжая Папа женила свою золовку. Женихом стал пастух Прибытков. Небольшого роста, худенький, тоже плохо одетый и невидный из себя. Клава была очень сердечная девушка и умная. Она понимала, что другой доли ей не подвернётся, и согласилась на брак. Клава часто ходила к нам, и мы знали её радости и горести, жалели её.

Быстро сваты договорились, и через несколько дней после сватовства назначили свадьбу. А в чём венчаться? У Клавы ничего не было. А до этого примерно за месяц к маме приезжал мелкий торговец и за постой отрезал три аршина гринзбана и два аршина ситца. Хозяйка той квартиры, где мы жили, из гринзбана сшила белую юбку в складку, а из ситца (он был белый, а по краю — васильковые кубики) сшила мне кофточку. Вот Клава и попросила этот наряд — обвенчаться. Мама разрешила мне одолжить наряд невесте.

Была я и в церкви на венчании. Это было первое мое знакомство с обрядом венчания. Когда мы подходили к церкви, из её

дверей вышли незнакомые мне жених и невеста. Невеста вся в белом — в фате и цветах, у жениха из-под распахнутой шубы был виден хороший костюм. И эта богатая процессия проехала мимо нас. Как не похожи на этих счастливых были люди, приглашённые на церемонию венчания Клавы с женихом! И венчание Клавы показалось каким-то тусклым: без свечей, без хора, и кольца были медные...

Больше я Клаву не видела ни разу. Но я слышала, что с мужем Клава жила хорошо. И семья у неё была тоже хорошая.

Через несколько недель после Рождества начиналась Масленица. Она длилась целую неделю. Во всех домах пекли блины и оладьи. Люди ходили друг к другу в гости, пили водку и пиво, а в последний день Масленицы устраивали катания на лошадях с песнями, гармошками. В конце Масленицы устраивали «прощёное воскресенье»: прощали друг другу обиды, доедали блины и рыбные пироги. Приходили родственники, соседи, а перед уходом говорили:

— Простите, ради Бога, если я чем-либо вас обидел.

В ответ слышалось:

— Бог простил.

Затем целовались и расходились. Но если уж кто сильно насолил родственнику или знакомым и не чувствовал, что его простили, тот становился на колени и в этом положении просил прощения. Утверждал, что если его не простят, то он не встанет с колен до следующего прощёного дня.

В понедельник, который назывался «чистым», с утра топили бани. Это в Бердском, а у нас в посёлке баня топилась в определённые дни — в пятницу и субботу.

Великий пост изматывал людей, особенно детей. Еда в это время состояла из щей или супов с крупой и растопленным маслом, из каши и гороха, в ходу были рыба, варёные и пареные овощи. Кто был менее ленив, у того и грузди появлялись на столах, и калина, и брусника, а также пироги с картошкой, капустой, грибами. Женщины умудрялись стряпать пельмени из кислой капусты. Но такая еда была не у всех. У бедноты был очень ограничен набор продуктов.

Наша семья обычно не соблюдала постов. И в Филипповский, и в Великий посты мы ели мясо, молоко и масло. И только в последнюю неделю Великого поста мама объявляла, что эту неделю до Пасхи мы должны постовать. Перед Пасхой мама в луковом пере красила яйца. И в последний день Пасхи, когда все садились за стол, перед каждым лежало по одному окрашенному яйчку.

Некоторые церковные ритуалы глубоко запали в мою душу. В одну из предпасхальных ночей в дома друг к другу приходили жители нашего посёлка с зажжёнными свечами. Эти огоньки как будто обладали какой-то тайной. И по сей день я жду того момента, когда из церкви люди ночью понесут огоньки.

В нашем посёлке Пасху праздновали три дня. Замечу, что до 1920 года рабочие мельницы Горохова не состояли в профсоюзе, но рабочий день у них длился 8 часов. Отпусков рабочим не давали, но вот в Рождество шесть дней и три дня на Пасху были отгульными.

В пасхальные дни молодые мужчины и парни ставили качели. Место выбирали возле дома, где мы жили. В праздничные дни качелями владели парни и девушки. Садились на доску парами, но не более двух пар. Двое парней раскачивали качели, и делали это с такой силой, что качели взлетали высоко-высоко. При таком взлёте и падении дух захватывало, сердце останавливалось, а в глазах крутились огненные круги.

После праздника качели переходили к ребятам. Теперь уже мальчишки раскачивали качели, а мы, девочки, сидели на доске, держась за её края. Мы создавали центр тяжести, — без этого опасно. Мальчишки из озорства поднимали доску с нами до перекладки; мы визжали, кричали и даже плакали, просили больше не раскачивать. Иной раз мальчишки на обоих концах доски крепко брались за веревки, и доска перелетала через перекладину. Это был высший класс качельного соперничества. Бывали случаи, когда с качелей в таких случаях ребята падали.

Когда мальчики раскачивались, девочки разбивались на две группы болельщиков и выкрикивали:

— А ну, зыбай! Дам пирог с рыбой!

Другая сторона отвечала:

— А ну, качай! Дадим дедушке на чай!

В первое воскресенье после Пасхи (этот день в народе называли Радунницей) бердчане шли на могилы своих родных и там устраивали поминки. Кладбище располагалось в центре Бердского на улице Казанской. Это было так: вначале все шли в церковь на богослужение, и жители заказывали панихиду по умершим. После службы все шли «на могилки».

Это было в 1920 году. Мама утром рано испекла блины, сварила риса, перемешала его с сахаром, сварила яиц и отправила нас в Бердск. Строго наказала, чтобы на могилке нашей умершей сест-

рички Вали мы раздали всё нищим для помина души. Такое легкое решение — отправить на могилки детей — было принято и другими женщинами посёлка. И мы целой ватагой отправились в Бердск. Пока шли — баловались, садились отдыхать, и все предназначенные для раздачи продукты съели. После службы в церкви побежали на Обь, встречали первый в этом году пароход и так проголодались, что сели на паперть вместе с нищими. Нам тоже подавали блины, яйца и пряники. Затем мы пошли на кладбище и всё, что подали нам, отдали тем, кто попросил, или оставили на могилах. Мы обратили внимание, что у каждой могилки были люди. Кто плакал, кто молился, а некоторые просто сидели на траве у разложенной еды и поминали своих близких. Бутылок с водкой мы не заметили, пьяных не было. К концу дня все разошлись. Едва-едва мы, усталые, добрались до дома, и нас скосил сон.

2.

Ночью 1 января 1919 года, давно мысленно похороненный и оплаканный своей женой, вернулся к семье в рабочий посёлок близ Бердска из немецкого плена солдат первой империалистической войны Никита Адоньев. Ночной стук в дверь разбудил нас, и незнакомый настуженный мужской голос спросил:

— Здесь живет семья Никиты Адоньева?

Вопрос насторожил и маму, и нас. Мама накинула на плечи пальтишко и открыла дверь, зажгла свет. В комнату вошёл мужчина в длинной зеленоватой шинели, на ногах ботинки, ноги опоясаны какими-то тряпками, на голове башлык. Борода и усы обледенели, за спиной мешок на лямках.

Так в морозную новогоднюю ночь вернулся домой наш отец. Не только мы, ребяташки, но и мама не узнала его. Он странно не походил на того отца, которого мы запечатали в нашей памяти. Был худ, лицо обморожено. Но вдруг мама охнула, покачиваясь, оперлась на стену и тихо сказала:

— Дети, это ваш отец.

Мама затопила печь, нагрела воды. Отец вымыл голову, грудь, ноги. Мама достала из ящика свежее бельё, передела его.

На следующий день пришли брат отца Макар с женой и детьми, тётка Поля с ребятами. Макар, не успев переступить порог нашего жилища, с упрёками набросился на отца:

— Видно ты, Никита, плохо дрался с германцами, раз попал в плен?!

Отец, замученный издевательствами и унижением в плену, преодолевший многие кордоны белогвардейцев, не раз задержанный ими по подозрению в шпионаже, измождённый от голода, тихо от-ветил брату:

— Оставь, Макар, эти глупые разговоры.

Не помню, чтобы в последующие дни кто-то подошёл к отцу с такими расспросами. Властями его приход остался незамеченным. Только через два дня вызвали в контору с документами.

А что увидел Никита в своей семье? Потрясающая бедность. Жильё ужасное. Когда кормильцы ушли на войну, прислужники хозяина выселили семьи солдаток в тот дом, где находили приют приезжавшие на мельницу крестьяне-помольцы. Раньше здесь останавливались только на несколько часов, скрываясь летом от дождя, зимой — от мороза. В доме было пять небольших комнат, правильнее сказать, каморок — по одной на семью. Дом без фундамента, рамы одинарные, двери не утеплены. В нашей комнате не было печи. Печка стояла в соседней каморке, а к нам не выходила ни одна печная стенка. Дети разуты и раздеты. Питание — один хлеб, оставленный сердобольными крестьянами, по старой привычке заходившими в этот дом на постой. Иногда постояльцы задерживались, просили оттаять продукты, согреть самовар, а в благодарность за это делились харчами.

Отец, войдя в комнату, сосчитал нас глазами и спросил мать:

— А пятый ребёнок где?

— Умерла, — услышал в ответ.

Девочка, которую нарекли Валентиной, родилась в день ухода отца на войну — 5 апреля 1915 года.

Когда вернулся с войны и из плена отец, в нашем посёлке стоял белогвардейский карательный отряд...

3.

В школу меня записали почти в восемь лет. В нашей трёхклассной школе была одна учительница — Александра Ивановна Белорусцева. Хотя в школе имелось четыре больших и светлых класса, занятия проходили в двух смежных комнатах, а две пустовали. Стены класса были увешаны таблицами. В одну смену занимались первоклассники, в другую — второй и третий классы. Широко открытые двухстворчатые двери позволяли учительнице вести уроки одновременно в двух классах. Объяснив что-либо одному классу, она переходила в другой. Занятия длились четыре-пять часов.

Александра Ивановна всегда ходила в чёрном платье с глухим воротом. На её шее на шнурке висели маленькие часики, для удобства она клала их в кармашек, пришитый слева на платье.

Учительница наша была очень строгая. Я не слышала, чтобы она громко рассмеялась. Была она среднего роста, худая, тёмные волосы были собраны в пучок на затылке. Пышность причёске придавали два заколотые у лба гребня. Нос прямой, губы тонкие, тонкие густые брови. Ей в ту пору было уже более сорока лет. Жила она на верхнем этаже школы, в узкой длинной комнате с одним окном, выходящим на восток. Маленькая кухня без окна выходила на лестницу.

Меня считали одной из первых учениц в школе. Если оценивать по-теперешнему, то я отлично училась по арифметике, грамматике, географии, «хромала» только по чистописанию. Уроки я никогда не учила, — все знания получала в школе. Мне легко давалось всё, даже церковнославянский язык.

Раз в неделю в школе проводились уроки Закона Божьего и Нового Завета. Надо было усвоить религиозные трактаты о сотворении мира, о жизни Сына Божьего Иисуса Христа и его апостолов, знать наизусть одежды, в которые облачаются попы, архиепископы и митрополиты во время богослужения. Надо было знать наизусть молитвы. Уроки Закона Божьего вёл у нас бердский священник отец Александр. Был он человеком мягким, к детям относился хорошо.

В школе имелась, хотя и небольшая, но хорошо подобранная библиотека. Были в ней книги Пушкина, Некрасова, Никитина, Кольцова, Толстого, Островского, Лермонтова, Фета и других писателей. Мы читали много сказок и былин, заучивали стихи. Может быть, тогда у меня появилась любовь к поэзии. Читать художественные произведения я пристрастилась в 1921 году.

4.

К нам часто приходили женщины и девушки посмотреть на необычные в посёлке вещи. Набитая соломой катушка, или валик, большая коробка булавок с головками, на некоторых булавах бусинки из цветного стекла — красного, жёлтого, зелёного, синего, голубого, розового. Рулончики с чертежами и рисунками (их мама называла сколками), коклюшки — звонкие деревянные палочки с намотанной на них нитью.

По просьбе гостей мама садилась на ящик и начинала плести — свободно, быстро. В комнате появлялся новый удивительный звук.

Все молчали и слушали, а затем подходили почти вплотную к маме и видели, как она быстро перебирает коклюшки и, снимая булавки с уже готового кружева, закрепляет ими новые, созданные в эти минуты узоры: звёздочки, жучки, паучки, решётки, снежинки. Всё это элементы кружев, — и такие симпатичные названия!

Мама научилась кружевоплетению в родительской семье: их деревня находилась в центре народного промысла близ города Ельца. Елецкие кружева славились тогда во всей России и на мировом рынке — тонкие, с большим многообразием элементов, отличающиеся от произведений других центров кружевного мастерства.

Сколки мама делала сама, — на толстой глянцевой бумаге, в которую заворачивали головки сахара (литой сахар, фунтов 8—10). Отец этот сахар обязательно покупал по просьбе мамы. Сахар разворачивали аккуратно, бумагу разглаживали утюгом. Бумага была цветная: жёлтая, синяя, голубая. Её разрезали на полоски нужной ширины. Для косынок и шарфов мама сшивала бумагу и на этих широких полосах булавкой накальвала узоры. Иногда я сама срисовывала узор снежинки, причудливые узоры с заснеженного окна комнаты, с цветка, с колосьев.

5.

Сложная была в стране обстановка. Народное хозяйство поднималось тяжело. А тут неурожай в Поволжье усугубил положение. 1922 год был в нашей Томской губернии неурожайным. Мельницу, где работал отец, остановили, 80 процентов рабочего коллектива уволили. В нашей семье было принято решение: братьев Александра и Андрея отдать в батраки. Отец увёл их в деревню Нижний Коён и отдал в наймы богатым крестьянам.

Меня отец увёл в Новониколаевск, — шли пешком. Ночевали у земляка из Бердска — у Чернова на улице Томской¹. Шла последняя неделя поста, хозяйка готовилась к Пасхе и подключила меня к работе. Я выстирала бельё, выставила и помыла рамы, побелела кухню. В общем, дня три работала в полную силу. А за день до Пасхи пришла женщина нанимать меня себе в прислуги. Она жила недалеко от Черновых — по той же Томской улице, дом 26.

---

¹ Ул. Томская в Новониколаевске располагалась в районе нынешнего вокзала Новосибирск-Главный, средняя её часть сохранилась в виде ул. Салтыкова-Щедрина.

Это была Анна Михайловна Скрытина, жена мелкого торговца (нэп тогда был в полном разгаре). Жена Чернова показала ей выстиранное и выглаженное мною бельё, провела её по квартире, — в общем, товар показывала лицом. Анна Михайловна спросила:

— Пойдёшь ко мне в работницы?

Я понимала, что у Черновых остаться не смогу: жили они бедно, еле сводили концы с концами. Меня отец научил: если будешь наниматься на работу, то обязательно скажи, чтобы тебя записали в школу. Я и поставила это условие хозяйке. Она согласилась, и я стала домашней работницей.

Семья Скрытиных жила безбедно. Двухэтажный дом, - вверху жили хозяева, а в нижнем этаже две комнаты занимали квартиранты. В ограде был большой фангель, там тоже жила большая семья, по-видимому, очень состоятельная. Все прекрасно одеты, на женщинах украшения из золота. Парикмахер приходил на дом еженедельно, делал красивые причёски. Торговцы привозили продукты. Убирала и стирала специально нанятая женщина.

У моих хозяев были корова, лошадь, кошёвка на железном ходу, телега, сани, во дворе имелась рублёный сарай и баня. На городском рынке стояла небольшая лавка, где хозяин торговал. Из его семьи никто больше не работал.

Притеснений хозяева мне не чинили. Ела я с ними одинаковую пищу, которую сама и готовила. Стирала, гладила, починая, убирала квартиру, занималась с хозяйскими малолетними сыновьями. Работы было по горло, сильно изнурял их образ жизни. Днём они были в своей лавке, а вечером, если не уходили к кому-нибудь в гости, то гости собирались у них, сидели часов до 12. Я им прислуживала, а после их ухода должна была перемыть посуду и убрать столовую. А утром часов в 5 встать и отогнать корову в стадо (корову хозяйка доила сама). Когда я возвращалась, хозяйка уже спала. На лавке стояли бидоны с молоком, которое я должна была продать пассажирам на железнодорожной станции, две пустые бутылки и воронка. И я шла торговать. Молоко раскупали быстро.

Скупость была поставлена хозяйкой на самую высокую планку. Иногда я видела, как она разливала молоко и при мне разводила его водой. Хотя я работала с раннего утра до позднего вечера, она не дала мне ни обуви, ни одежды. С мая по сентябрь я ходила босиком. Платье, в котором я приехала, скоро износилось. Однажды хозяйка сказала:

— Пострирай мешок.

Я выполнила приказ.

— А сейчас, Нюра, я сошью тебе платье.

Вырезала в этом мешке горловину, стачала плечи, обметала их и преподнесла мне «платье» как великий дар. А когда стало совсем холодно, выдала мне лапти, сплетённые из верёвки. Никаких денег Скрытчины мне не платили, работала я ради хлеба.

Раза два в лето приходил ко мне отец. Он всё ещё был без работы. Когда он пришёл в первый раз, хозяйка сразу же повела его во двор, где лежала большая гора напильных чурбаков, и принесла топор. Отец начал колоть дрова. Нет, не накормила вначале голодного, а дала работу! Когда он закончил работу, то вместе со всей семьёй пообедал. Отец был страшно стеснительным, — я знала, что он не наелся досыта.

Второй раз отец *пришёл* в полдень. Он приходил в город пешком, сначала заходил на биржу труда, а потом на Томскую — повидать меня. Хозяйка посадила отца за стол и подала ему стакан чая и два маленьких пирожка с яблоками. Причем извинилась, что больше угостить нечем.

Мне так стало жалко отца, — даже за мой труд не могут его накормить. И я показала свой характер: пошла в погреб, налила полную миску щей с куском мяса. Печь была еще горячей, — разогрела щи, нарезала полную тарелку хлеба и под изумлённые взгляды хозяйки подала на стол. Пока отец ел, я настряпала полный противень пирогов с яблоками, благо тесто и начинка остались. Когда отец стал собираться домой, положила пироги в мешок, подала ещё булку хлеба — подарок от меня ребятишкам и маме.

Когда ушёл отец, Анна Михайловна стала меня ругать: мол, они не могут кормить каждого. Я сначала молчала, а когда она замолкла, сказала, что требую уважения к отцу, и если этого не будет, то и в следующий раз поступлю, как сегодня.

Не знаю, откуда в руки хозяев попадали театральные билеты. Эти билеты вручались мне с условием, чтобы я взяла в театр хозяйских ребят. И мы шли в театр «Красный факел». Всех спектаклей я не помню, но врезалась в память постановка «Бравый солдат Швейк». Ходили мы и в сад «Альгамбра». Он располагался там, где сейчас пожарное депо по улице Сибирской. Здесь мы смотрели выступления иллюзионистов и видели, как посетители играют в рулетку и карты.

Убогий костюм меня не смущал, я не обращала внимания на косые взгляды публики и контролёров. Ходили мы и на централь-

ную площадь смотреть живые картины, которые показывали поздно вечером.

Комсомол города Новониколаевска не раз проверял, есть ли у меня с хозяевами договор и платят ли мне. Хозяйка внушала, чтобы я говорила: живу у родственников, и они ко мне хорошо относятся. Конечно, вид мой говорил обратное. И я догадывалась, что комсомольцы приходили не сами по себе. В одной из квартир на первом этаже жила семья железнодорожников, был у них сын Коля. Он уже работал в депо и видел, сколько я работаю. Но я упорно настаивала, что живу по-родственному.

Запомнился такой случай. Иногда хозяйка наказывала принести им обед в лавку. И вот однажды, когда я пришла, хозяева сказали, чтобы я посидела в лавке, а они куда-то стремительно ушли. Окно лавки было открыто. На верёвке поперек окна для рекламы висели сапоги и валенки (обувь привозили на пароходе из Барнаула). И вдруг ватага беспризорников, усмотрев, что я осталась одна, сорвала несколько пар и помчалась прочь. Я выскочила из окна и — с криком за ними. Из соседних лавок выбежали торговцы наперерез ребятам, подоспели мои хозяева. Мальчишки бросили ворованное и рассыпались по рынку. Хозяин Степан Иванович стал меня увещевать, что я неправильно поступила: беспризорники взяли четыре пары, а в лавке их было более пятидесяти. Всё могли утащить.

В доме не было книг, газет не выписывали и не покупали. Я иногда читала газеты, которые давал мне Коля. Ребятами хозяева не занимались, — мои младшие братья и сёстры были значительно развитее их. И когда мы вечерами оставались одни, я рассказывала хозяйским детям разные истории, стихи. Заставляла их учить стихи, и они ходили за мной по пятам целыми днями.

Хозяева меня обманули. Хотя я записалась в школу (она называлась Андреевская), учиться не пришлось. Не в чем было ходить на занятия. И хозяйка принимала все меры, чтобы помешать мне учиться. Её муж настаивал, чтобы она меня одела и отпустила в школу. Она мне сшила из своей юбки сарафан и отдала кофточку (эта вещь ей самой была мала). Такие дешёвые кофточки в город привозили китайцы. Но у меня не было ни обуви, ни другой одежды.

И так я дождала до весны. Весной приехал старший брат со своим товарищем Петей Новиковым и увёз меня домой. Да, перед отъездом они повели меня на базар и купили мне туфли. Мои братья,

отданные в батраки, оказались умнее меня: уже через неделю ушли от хозяев домой.

Месяца через полтора к дому, где мы жили, подъехала лошадь, правила ей Анна Михайловна. Она приехала, чтобы уговорить меня вернуться к ним в Новониколаевск. Но наша семья сказала: «Нет!» И я была рада этому решению. Отец уже работал, жить стало легче. На всех нас выдавали муку, масло и даже сахар. Помню, как отец принёс первый наш паёк — полный таз жёлтого сахара, 8 фунтов масла и мешок муки. Жизнь налаживалась.

Е. П. Косякова

«Я С ДВЕНАДЦАТИ ЛЕТ ПОГИБАЮ...»
НЕДЕТСКИЕ ИСТОРИИ Н. П. РУБАКОВОЙ

Н. П. Рубакова прожила такую тяжёлую жизнь, что слушать её воспоминания временами было просто страшно. Родная сестра моей бабушки Евдокии, она родилась в 1925-м, а ушла из жизни летом 2001 г. Надежда Павловна была сложным человеком, не особенно расположенным к общению. Но в последние годы у неё была потребность рассказать о своей жизни, особенно о детстве и юности, трагические воспоминания о которых долго оставались под запретом. Она рассказывала по памяти и делала собственные записи. Уделено в этих воспоминаниях внимание и деревенскому детству, и Новосибирску, куда мемуаристка попала при таких обстоятельствах, о которых прежде не говорили вслух, и где осталась навсегда.

Здесь помещены наши совместные записи 1999 г., публикацией которых Надежда Павловна, несомненно, была бы обрадована.

Екатерина Косякова.

Начну я с истории моих предков - дедов-прадедов. Бабушка моя, Сергеева Акулина, и дед Григорий Сергеев (у бабушки была поговорка «Горе, горе — муж мой Григорий») жили в нынешнем Красноярском крае, в деревне Малый Ададым, куда приехали из-под Курска, из села Крутое. Вместе с другими переселенцами они и основали деревню. Ехали переселенцы наугад, до этого посылали в Сибирь ходоков, но неудачно. Крестьяне ненавидели царя и в Сибирь бежали от податей. Множество семей приехало на простых подводах. Обосновались они быстро там, где нашли хорошие паши, покос и реку, и были довольны переселением. Местные прозвали их «крутовскими».

У бабки с дедом было шестеро детей: Марья, которая умерла в детстве, Аксинья, Анастасия — высокая девица, мать моя Анна (родилась в 1903 году) и два сына — Василий и Иван. «Крутовские» девки были здоровыми, красивыми, полными, фигуристыми, хорошо пели, плясали, имели красивые голоса и густые волосы. Они умели

хорошо прясть и ткать. У них были собственные ткацкие станки, так что нательное бельё и полотенца в доме были самоткаными.

Хлеборобы Сергеевы были очень работающими, имели хороший новый дом, держали овец, коров. Они торговали в Ачинске и Назарово, катали валенки и отдавали кожи на сапоги. Однако в городе редко что покупали, жили своим хозяйством. Девиц лет в 16—17 отдавали замуж.

Мать мою Анну засватали и увезли в Назарово, когда ей исполнилось 16. Вышла она за Павла Рубака. Но это имя не настоящее, звали его на самом деле Порфирий, — имя потом изменили, когда бежали из тайги со спецпоселения. Дед мой - Афоня Рубак - родился в Назарово, там и жил. Был он кабацким пьяницей, немало горя доставил Катеньке Борзаковой — своей жене. Катенька лежала при смерти, а он заметил, что свинья, оставшись без присмотра, сожрала новорождённого ягненка, одну голову оставила. Так он эту голову Катеньке в постель кинул как упрёк. Когда она умерла, Афоню никто не хотел принимать, но потом папа пустил его к себе в баню. Про деда Клементия - отца Афоню — говорили, что он разбойником был. И Катенька была женщиной непростой, её сослали в Сибирь из-под Смоленска на каторгу, — она топором зарубила первого своего мужа, голову ему снесла за издевательства над семьёй.

У Катеньки был сын Герман от первого брака, которого она привезла с собой в Сибирь. Герман Борзаков был полицейским урядником. После революции он скрывался, его не поймали. Но в первые годы советской власти его пытались переманить на свою сторону революционеры. Он к ним не пошёл и пострадал за то, что высказывал своё мнение. Большим человеком он не стал, а позже и вовсе спинул.

Афанасий и Екатерина были середняками: держали лошадей, коров, имели соху. В Сибири от Афоню Катенька родила Дарью, Ирину (она же тётя Ариша) и моего папу Павла в 1896 году.

Мой папа был на Первой мировой войне, где его ранили в ногу. Афоня же воевал с Колчаком под Новониколаевском, в тех местах, куда позже волей судьбы приехали мы. Он говорил, что в годы гражданской войны были сражения на южной окраине города, на речке Камышенке. С тех пор там остались две большие братские могилы красных. Белые тогда двигались из Новониколаевска, а красные пришли со стороны Матвеевки. Афоня, конечно, был красным.

Мои родители Анна Сергеева и Павел Рубак поженились в 1921 году. У них было своё хозяйство: сеяли пшеницу и продавали в Ачинске. Земли у них было около трёх гектаров. Году в 25-м Павел

построил новый дом для своей семьи. Тогда гадали старинным способом на то, как будут жить хозяева в новом доме: вешали литровую бутылку с водкой к центральной балке. Бутылка у Павла упала и разбилась. Это был недобрый знак, Павлу сказали, что не жить ему в этом доме. В новом доме прожили мы только шесть лет. За эти годы у меня родились сестры Зоя, Дуся и брат Пётр.

Беда пришла в 1928 году. Павла не взяли в колхоз. Мы попали под разнарядку, и в двадцать девятом году папу «забрали». Мы оказались «кулаками». В мае 1930-го, в Троицын день, выгнали всех назаровских «кулаков» (из многих деревень) на площадь. Всего набралась 1000 семей: таков, говорили, был план по раскулачиванию. У каждой семьи было по две подводы, то есть по две лошади.

Павлу и Юргатову Егору дали знать, что их семьи едут в тайгу. Тогда они бежали из тюрьмы. Когда они бежали, их дорога пересекала Чулым - реку быструю, горную, ледяную. В них стали стрелять, тогда они пошли по дну Чульма и потерялись в реке. Пока они до дома добрались, там уже никого не было. Догнали они своих родных уже «на залах». Многие женщины ехали в тайгу без мужчин. Деда Афоню никто не отпиривлял вместе с нами. Мне было семь лет, и я помню, — подводы уже тронулись, когда прибежал Афоня:

— С вами поеду, кому я здесь нужен.

Мы три месяца ехали в тайгу. Это был страшный путь. Дороги не было, пробирались по болоту. Рубили деревья и стелили брёвна, прокладывая путь. Грязи было по колено. Тут-то мы всякого насмотрелись. Помню рыженького дохлого жеребёнка в канаве. Родила его кобыла, он не выжил, его и бросили. Не знали ещё, что в тайге будет подыхать лошадь, её будут хоронить, а потом раскапывать и от голода скирять! В дороге умирали дети. У Бонимовой их было трое - умерли все, а сама она заблудилась в тайге. В пути родился у кого-то ребенок; не успели оглянуться, как уже торчит из земли маленький крестик. Шёл старик за телегой, за сундук держался - ему места в телеге не хватило. Он помер по пути, его в этом сундуке и закопали.

На станции Крутое у нас отобрали лошадей, - сказали, что для нужд государства. Пошли пешком. Там, куда нас пригнали, находился посёлок Киселёвка, в котором жили киржаки¹. Посёлок был маленьким — всего шесть домов. Киржаки бежали дальше в глубь

---

¹ *Киржаки* (кержаки) - название части русских старообрядцев в Сибири и на Урале. Они старались жить обособленно и потому уходили в малонаселённые места.

тайги и продавали свои дома. Назаровские купили один дом на восемь семей и сделали к нему пристройку. Благодаря этому дому мы и выжили. Киселёвка находилась в Тегульдетском районе современной Томской области. Селенья здесь были крайне редкими, и в здешней глуши мы даже видели северное сияние.

На станции Крутое у нас отобрали лошадей, — сказали, что для нужда государства. Пошли пешком. Там, куда нас пригнали, находился посёлок Киселёвка, в котором жили киржаки. Посёлок был маленьким — всего шесть домов. Киржаки бежали дальше в глубь тайги и продавали свои дома. Назаровские купили один дом на восемь семей и сделали к нему пристройку. Благодаря этому дому мы и выжили. Киселёвка находилась в Тегульдетском районе современной Томской области. Селенья здесь были крайне редкими, и в здешней глуши мы даже видели северное сияние.

В Киселёвке начался голод. Богатые киржаки оставили пасеку, так её съели вместе с пчелами и сотами. На взгорье мы нашли амбар, где киржаки хранили пищевые припасы. А когда они узнали, что едут ссыльные, стали сушить сухари и прятать дома по углам. Мы потом эти сухари искали и ели.

Ссыльные построили барак на два хода. В каждой половине поселилось по четыре семьи. Кто-то вырыл землянки, кто-то из берёзы построил тонкостенный домик, — все эти люди зимой померзли, а было их немало. Люди умирали от голода и холода. Из тысячи семей уцелел десяток. Многие не выдерживали артельных работ. Мужики вешались. Юргатов уехал на золотые прииски, но это обернулось бедой. Сам-то он выжил, но при переплытии через Енисей дети его утонули, — лодка перевернулась.

В тайге была тяжёлая работа. Ссыльные освобождали землю под поля, собирали смолу, корчевали пни. Женщины заготавливали пихтолапку, гнали из неё пихтовое масло, — это был тяжёлый труд. Также гнали дёготь. Работали и дети. В берестяные коробочки мы собирали смолу, трудились на прополке. Мужики ездили в ямщины — привозили обратно муку и сахар. Но голод не прекращался. Я видела, как родители замуровывали золото в косяк, много золота. Но оно пропало к моменту нашего бегства из тайги.

В тайге росла черемша (колба). Её солили, варили из неё суп. У меня была медная тарелка, когда я из неё ела, меня мучило, но сказать об этом я не смела. Папа не допускал жалоб. Один раз Петя спел за столом песенку, так папа так ему в лоб кулаком залепил, что тот из избы вылетел. Тут-то мать взревела, пожалела Петю.

Мы ходили за кедровыми орехами, сбивали молотками шишки. Однажды блудили по тайге и нашли амбар с киржацкими запасами орехов, а в другой раз нашли амбар пушнины. Шишки мы от голода грызли вместе с кожурой. Я все зубы «съела». Шишки не так просто было достать, и птицы-кедровки выклёвывали орехи. Ели мы и кедровый цвет. Рыбы в реке не было. Доводилось есть медвежатину. Но если медведя охотники завалят, — съедали на месте. Охотники были родом из Зырянска. Они ловили косачей, глухарей, тетеревов. Собирали грибы, конечно. Мама имела на них особое чутьё. Нам давали паёк — сахар и муку. Но этого было очень мало. Зимы стояли в тайге лютые, всё время по сорок градусов, и многие погибли от холода.

Мы росли дикими, в нищете. Платья из половинок носили. Видели страшных зверей. Медведь-шатун однажды зимой залез на крышу и топтался по ней всю ночь. Как мы его боялись! Другой раз ел медведь малину в кустах, — то-то мы оттуда бежали. Зимой лущёные орехи стояли в мешке в углу избы. Мы играли — кто глубже руку засунет, и рассыпали орехи. Нам попало, потом это много раз повторялось. На люльке качались, пока мама не видела, роняли эту люльку.

Мама в тайге родила ещё двоих детей — Васю и Варю. Варю нянька до смерти напугала, когда та ещё была совсем маленькая.

Тогда пели вот такие жалобные песни:

Уж бедные, бедные крестьяне!
Пострадали в тридцатом году —
У вас хлеб и скота отобрали,
А самих посадили в тюрьму.

Заброшен судьбой в далёкие края,
Лишён драгоценной свободы.
И так пропадает вся юность моя,
Пропадут мои лучшие годы!
В неволе сижу, на волю гляжу,
А сердце так жаждет свободы.
Товарищи, друзья, не смейтесь надо мной,
Быть может, и с вами случится!
Сегодня герой, а завтра с семьёй
Быть может, придётся проститься!

Я с двенадцати лет погибаю,
Пролетают весёлые дни.
Верю: даст Бог, вернусь я на волю
И верну свои красные дни.
Я не знаю, за что я страдаю.
Пайка хлеба с горючей слезой.
Глухари, вы, таёжные птицы,
Унесите меня вы домой.
Ты скажи мне, тайга дорогая,
Сколько лет я с тобой буду жить?
До земли ветер ветки склоняет,
А тайга всё шумит и шумит.

Так прожили мы в тайге шесть лет. Нам говорили, что ссылка всего на пять лет, и по истечении этого срока выжившие засобирались домой. Но людей обратно не пускали — ловили и возвращали. Тогда родители решили бежать тайно.

Любимым ребёнком у них была Дуся. Она была красивая, толстая. Ей уже исполнилось восемь лет. А мне было двенадцать. Летом мама и папа взяли Дусю и вместе с ней пошли в Ачинск, а меня с Петей (семи лет) и трёхлетним Васей бросили в тайге с условием, что потом я с ними сама выберусь из тайги. По глупости родители возвращались домой. Я же через некоторое время со старухой Сохачевой и детьми тоже отправилась в путь.

По дороге нас ловили и возвращали дружинники. Мы врал, что идём в больницу, и снова шли, шли целое лето. В одной из деревень остановились. Петю и Васю уже зимой через милиционера Иванова мне удалось сдать в детский дом. Так с Петей мы расстались на долгие годы, а Васю потеряли навсегда. Потом, добравшись до Ижморки, сели мы на паровоз и поехали в Ачинск. Там мы узнали, что родителей уже поймали и посадили. Было это в 37-м году.

На окраине Ачинска находился еврейский колхоз «Равенство». В этом колхозе Дуся, когда родители оказались в тюрьме, стала работать подпаском. Они вместе со старым евреем пасли баранов и овец. Я мыла полы. Когда кончились сезонные работы, я получила деньги и пошла купить гребень от вшей, но деньги у меня украли. У Дуси тогда появились розовые носки и чёрные ботинки, но их тоже скоро украли.

Мы ходили смотреть на родителей, которые тут же сидели в тюрьме. Мы знали, что людей там расстреливают, и они падают

прямо в Чулым. В 1937-м мы видели отца в последний раз на прогулке. Он успел сказать матери, что их «гонят на Новую Землю». Совсем недавно мы узнали, что в действительности его расстреляли в том же тридцать седьмом как врага народа. А по похоронке он умер в тюрьме в войну. Мама говорила, что во дворе тюрьмы рыли большие ямы и туда бросали тела расстрелянных.

Заключенных жестоко пытали, зажимали дверями руки, били, обвиняли людей в том, что они шли против советской власти. Отец был безграмотным, не мог прочесть приговор и подписал его, не вынеся пыток. Мать спаслась от смерти. Она прочла приговор и не подписала его. Пытки её не страшили, — у неё ужасно болели зубы. От этой боли она ничего не слушала, сидела в камере и выла. Но и для неё нашлось суровое наказание. Матери дали семь старух и отправили всех их во вторую таёжную ссылку, в Берлюсы. Берлюсовский председатель взглянул на этих ссыльных и сказал:

— Куда мне вас девать? Вы раздеты, разуты, кормить вас нечем, жилья нет, работы тоже.

И отправил мать со старухами восвояси, пешком. Они отправились обратно по тайге. Местность была болотистая, старухи падали и тонули. Все семеро старух погибли в тайге, мать одна вышла. И направилась обратно в Ачинск, где оставались мы — её дети.

Тем временем нас, как сирот, советская власть стала «пристраивать». Дусю определили в детский дом, а меня — работать на мясокомбинат. Мы в тот день отправились по местам своего назначения, переходили мост, и вдруг Дуся закричала:

— Мама!

Нам навстречу — и правда — шла мама. Это было чудо, что мы встретились. Сколько было радости! Но мама должна была скрываться, ведь она якобы находилась в ссылке.

Тут и начались наши новые скитания. Вместе с мамой мы поехали в родные места, надеясь устроиться няньками или прислугами. Родственники, которые жили в Назарово, помогли нам: накормили, отмыли, приютили. Дусю пристроили жить к тёте Арише. Она в те годы работала сиделкой в больнице. Её муж Парфён был лодырем, жили они вместе плохо. У Ариши было четверо детей, и она вовсе не по-доброму относилась к Дусе. В школе Дусе, как бедной, дали пальто, так Аришины дети его отобрали. Из школы пришли разбираться, когда заметили, что сирота ходит в старье. Начались скандалы. Ругались всю зиму. Я пристроилась нянькой к учительнице. Её в Назарово прозвали бабей Ягой, — была она злая и ленивая. Меня она

заставляла полоскать бельё зимой в ледяной чулымской воде, после чего я простыла, у меня начался ревматизм. Так мы скоротали зиму.

А летом мы поехали в Крутойярский зерносовхоз и все трое работали на прополке пшеницы. Наша средняя сестра Зоя избежала ссылки. В момент, когда нас угнали в тайгу, Зоя гостила у тети Настя. Там она и осталась на несколько лет. Когда объявилась мать, Настя выгнала Зою. Вчетвером мы поселились в совхозе, в вагончике, - думали, что здесь нас не найдут. Мама устроилась работать дояркой, и всё бы ничего, но тут появился Миша - пьяница и побирושка из Назарово, наш бывший батрак. Он стал свататься к маме. Мама совершенно не хотела с ним связываться, но это было очень опасно, ведь он мог «сдать». Пришлось нам снова бежать.

На этот раз мы отправились к Аксинье — маминной сестре, которая жила в Новосибирской области около Черепаново. Мы просто прыгнули на поезд и тайно уехали. В селе Никоново пристроились работать на мельнице, потом пожили на хуторе, а вскоре нам помогли перебраться в Новосибирск, точнее, на Кролятник¹.

Кролятник — маленькое хозяйство на окраине Новосибирска, за бывшей деревней Инюшкой — жило птичником и клубничкой. Нам здесь негде было остановиться. Измученная мама решилась на отчаянный шаг: пошла к председателю и выложила ему всё начистоту о своем происхождении и горькой судьбе. Он мог запросто нас выдать, но сжался и предоставил место в «общежитии» - домике на три «квартиры» с ужасными бытовыми условиями.

У нас ничего не было, мы были просто нищими. Дуся в школе писала обломком карандаша, который нашла на улице. А ведь наш папа мечтал, что его дочери станут учительницами! Мы подделывали документы, меняли имена и фамилию. Наша настоящая фамилия — Рубак, мы же переписались на Рубаковых. Из Настя я стала Надей. Поменяли мы и отчество, стали не Порфирьевны, а Павловны. Дусины метрики так запортили, что ими нельзя было пользоваться. Без документов она не могла зарегистрировать свой послевоенный гражданский брак. Только по причине позднего срока беременности Дуся им с Василием выдали свидетельство о браке, а по нему сестра получила паспорт.

---

¹ *Кролятник* - пригородное хозяйство, располагалось в районе современной ул. Вилюйской. Возникло в 1925 г. как пос. Китайские Бахчи. Первопоселенцы — китайцы, занимавшиеся разведением кроликов и садовой клубники. В конце 30-х гг., по воспоминаниям старожилов, китайцы были изгнаны.

Мы приехали на Кролятник 6 июня 1940 года, успели посадить и вырастить картошку, и началась война — новое испытание судьбы.

Мы тяжело работали всю войну. Нас с Зоей определили на завод «Сибсельмаш», туда с правого берега ходила только электричка. Приходилось вставать слишком рано, мы изматывались. Утром полусонная Зоя падала на кровать и качалась, — ей чудилось, будто она трясётся в поезде. У меня по дороге несколько раз воровали паспорт, когда я засыпала. В 14 лет Дуся устроилась работать в военную швейную мастерскую на улице Большевикской. Праздник был, когда она приносила обрезки ткани.

Мы были на грани выживания, однако держались: надеялись на лучшее, не стали развратницами, не запились, как многие. Война закончилась, и кое-что изменилось. В 46-м все мы вышли замуж, — я за Алексея Каплина, а Зоя с Дусей за братьев Саченко из Инюшки, но это — уже другая история.

В заключение в двух словах скажу, как мы нашли младшего брата Петю. После детского дома Петя попал в тюрьму, стал рецидивистом. Куда исчез Вася, Петя не в состоянии объяснить, — может быть, потерялся, может, умер. Но на потере брата Петя помешался, стал выдавать фантастические версии его исчезновения. Когда он увидел фильм «Ночевала тучка золотая», заплакал и сказал, что это кино о нём и Васе. В Красноярске, где Петя устроился на стройку после тюрьмы, его по внешности опознали наши назаровские родственники (Петя очень похож на отца). Ему рассказали, что он вовсе не Рыбаков, как в детском доме записали, а Рубак, и написали маме письмо. Так мы нашли Петю, встретились.

Мама жила со мной в Новосибирске, но, когда Петя нашёлся, уехала на родину в Красноярский край. В Назарово она пошла посмотреть на свой дом. В нём располагался детский сад, а одно время была какая-то контора. Надо было прожить мамину жизнь, пройти через все испытания маминной, судьбы, чтобы понять, о чём она думала, когда стояла под крышей родного дома, а незнакомка её спрашивала:

— Женщина, что вам нужно, и зачем вы пришли?

Мама тогда молчала. Что ей было сказать? Несколько лет назад нас реабилитировали, но если бы не эта ссылка, всё в жизни могло быть иначе.

Меня спросят, ненавижу ли я советскую власть? Советская власть отняла у меня родителей, погубила моё детство... Но уже при новой власти погибли мои дети... Мы никогда не высказывали плохо-

го отношения к власти. Пели революционные песни, но в то же время знали и много всего антисоветского. У каждого поколения были свои войны, свои бедствия. Из всего этого и состоит история жизни. Одни люди рождаются, вырастают, живут, другие умирают.

Впервые опубликовано: Косякова Е. П. «Я с двенадцати лет погибаю...»: Коллективизация детскими глазами // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII— XXI вв. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. техн. ун-та, 2007. - С. 164-173.

С. А. Добровольская
«КАК ЭТИ РЫЖИЕ ЖИВУТ?!»
ВОСПОМИНАНИЯ А. В. ФИЛЮШИНОЙ
О ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ

Получив задание по этнопедагогике — записать воспоминания родственников, знакомых об их детстве, юности — я сразу же подумала о своей маме, Августе Васильевне Филюшиной. Жизнь её (как, наверное, и большинства людей её поколения) была не из лёгких. Мама родилась 26 февраля 1934 г. в с. Кругликово (ныне — Болотнинский р-н Новосибирской обл.). Она всегда много трудилась, не сидела без дела. Последнее место работы — старший инженер-технолог на Бердском радиозаводе. Вырастила двух дочерей.

И сейчас, выйдя на пенсию, мама удивляет людей своей жизненной активностью, молодостью духа. Она любит огородничать, нянчиться с внуками, отгадывать кроссворды; любит природу, лес. До сих пор не теряет связь со своими одноклассниками, учителями (две маминих учительницы до сих пор живут в Бердске). Несмотря на жизненные трудности, у мамы потрясающее чувство юмора!

Приведённые ниже воспоминания были записаны в октябре-ноябре 2004 г. По моей просьбе мама сначала делала записи в тетради для памяти, а затем я записала её устные воспоминания на диктофон и почти дословно расшифровала запись. Много из рассказанного я уже знала от мамы и раньше, о некоторых эпизодах жизни услышала впервые. В примечаниях с маминих слов я объясняю некоторые незнакомые выражения.

Копии записей, письменные и на кассетах, хранятся у меня дома.

Светлана Добровольская.

«Сейчас это кажется удивительным...»

Родилась я в селе Кругликово (оно старше Бердска)¹. Очень красивое село на берегу Оби, и окружает его речка (очень извилистая,

---

¹ Село Кругликово - один из первых по времени возникновения (1695 г.) русских населённых пунктов на территории современной Новосибирской обл.

как синусоида) Икса, необычайно чистая, прозрачная. Места, окружающие село, богаты природой и её дарами — кедрач, бор, согра¹, поляны. Грибы — всевозможные, ягоды — брусника, черника, клубника, смородина, малина, черёмуха, ежевика, клюква!

Сейчас кажется удивительным поведение деревенских женщин. Но это было, было так. Никогда никто не пойдёт в лес, бор, согру в одиночку и раньше времени. Только в пору настоящей спелости ягод, и гурьбой. Помню, как ходили за черёмухой. Только с багром, по очереди наклоняли им ветви черёмухи, и боже спаси, чтобы обломить ветвь! Вот такое бережное отношение ко всему.

Ягоды не варили (не было сахара) — сушили. Бруснику заливали водой, черёмуху мололи. Кедровых орешек хватало надолго.

О детских играх. Самая любимая игра у младших была «дойка коров». Находили (с большим трудом) обломки кирпичика и тёрли их друг о дружку. Получался порошок, его разбавляли водой до разной густоты и «пекли» оладушки. Ещё любили собирать различные стёклышки, расставляли их во дворе на полочках. Собирали кулаечки — так звали лоскутки ткани, и тоже на «выставку». Потом ходили друг к другу любоваться этой прелестью.

Играли на елани² в лагту (со взрослыми), в «лунки». А какие у нас были качели! Дух захватывало, когда на концах толстенной доски стояли взрослые и раскачивали. Казалось, что вот-вот коснёмся неба. На доску вмещалось человек 8—10. А уж сколько нами, детьми, было съедено всевозможной зелени! И медунки, и «калачики», и побеги сосен, и пучки, и саранки...

Потом отец устроился матросом на пароход «Сибиряк» (дразнилка наша была: «Сибиряк, сибиряк, с печки бряк, растянулся, как червяк!»). Мама, папа и я жили на пароходе. Он всё лето «колесил» по Оби, таскал брандвахту³. Впечатлений и приключений — уйма. Падала с рулевого мостика в трюм, тонули с мамой, оставили нас однажды на острове одних — нечаянно.

Зимой пожили в Томске, где появился у меня братик в 38-м году. Подходило время идти в школу — и мы переехали в Новосибирск. Отец работал на бричках возчиком, строили «Сибсельмаш». Жили

---

¹ *Согра* - здесь - заросли ягодного кустарника у реки.

² *Елань* - здесь — поляна на окраине деревни.

³ *Брандвахта* - принцип к судну, используется для очистки реки, углубления фарватера.

в деревянном бараке очень бедно. Здесь впервые в жизни я увидела гроздь винограда и боялась его есть. Папа откуда-то привёз его.

Отца помню очень добрым и чистопоптым. Мама тоже любила чистоту и украшала нашу комнатку, как могла. Шторки на окна сделаны были из марли, окрашены хиной в жёлтый цвет, промережены. На деревенском сундуке лежал самодельный коврик, самовышитый толстыми нитями. На кроватях, как у всех, подзоры, прошвы на наволочках, красивые вставки под них, много подушечек и пр.

Здесь, в бараке, у меня появилась подружка Нина Воронова, завшаяся мне принцессой — красивая, из почти обеспеченной семьи, а главное — она в то время ходила в детский садик, недосягаемый для меня. И ещё - у неё было много крошечных цветных карандашей (огрызки), которыми она иногда позволяла что-то раскрасить. Боже спаси, их послужить!

Началась самая страшная пора жизни — война. Отцы ушли на фронт, матери на работе, мы одни. В этот же год мы с Ниной пошли в 1-й класс в 27-ю школу в Кировском районе. Школа - длинный деревянный барак — начальная.

Да, запомнила, как провожали папу. Сбор уходящих на фронт был на месте, где сейчас сквер и памятник погибшим, в Кировском районе¹. Тогда это было пустынное место с кочками, с маленькими кустарниками. Потом — вокзал станции Кривощёково с дощатым перроном, по которому я долго бежала за поездом, — он увозил от меня *навсегда* моего любимого папу.

Годы войны - наверное, знают все, что это такое. Есть нечего, надеть нечего, печь топить нечем. Потом нам разрешили брать опилки на тарном заводе (далеко). И однажды эти опилки разворотили печь в комнате: попал патрон (на заводе делали ящики для патронов).

В школе нас подкармливали солёной мягкой морковью (бр-р!). И ещё — с первого класса нам очень часто (почти каждые 10 дней) делали какие-то прививки. Теперь мне кажется, что на нас что-то опробовали. Такие были болючие уколы, и некому было нас пожалеть. Бывало, подходим с Ниной к бараку своему и начинаем громко плакать: вдруг мама чья-то увидит, погладит, пожалеет, — вот так хитрили. И жалели.

---

¹ Сквер Славы, мемориальный комплекс в Ленинском р-не Новосибирска.

Однажды у соседней одна девочка упала на раскалённую плиту пошкой (грелась на «приступочке»), так весь барак встревожился за неё: плакали, советы давали, лечили всем населением барака — спасли девочку.

Потом помню, как переживали за нас, когда кто-то снял с верёвки наше бельё (главное, моё платье шёлковое, красивое, с белым бантом, и спортивный костюм — подарки из Америки за отличную учёбу).

Сопереживание, сплочённость, помощь друг другу помогли, наверное, многим нашим бараковцам. Сначала оплакивали всей барачной семьёй все похоронки, потом ревели ещё больше, когда о конце войны услышали.

Учились, учились, учились. И возили (или водили) нас постоянно, уже с 4-го класса, на уборку турнепса, с приключениями, конечно. На поле грязь страшная — ноги затыгивало, и вот однажды у меня где-то стянулось галош со стезонки. Я боялась появляться домой — что-то будет. Обошлось.

Но иногда было весело в бараке. Жила у нас одна взрослая девушка — Проня, балалаечница. Весь барак восхищался её игрой и песнями, когда она выходила на крылечко повеселить народ. Как она играла!

Вязали варежки из ваты, шили кисеты для воинов. Ходили в госпитали, стирали бинты.

Однажды около станции Кривощёково сошёл с рельсов товарный поезд. В вагонах была пшеница, и почти всё зерно ушло в болото (вдоль железнодорожного полотна). Мы — голодные дети и взрослые — бегали к этому болоту и, стоя по колени в холодной грязи болотной, руками вытаскивали это зерно, а нас гоняли и даже стреляли. Обошлось. А зерно так и сгнуло там.

Собирали вдоль железнодорожного полотна комочки угля — печь топить. Мальчишки пошустрее забирались на вагоны с углём и кидали оттуда (для себя) его. Один мальчик остался без ног — попал под вагон.

Жили мы в ту пору на улице Дюканова — бульжная была улица. Так вот по этой улице ежедневно утром и вечером шли пленные немцы мимо наших окон. На ногах у них была деревянная обувь, от которой был стук о бульжники такой, что мы, ребяташки, выбегали на улицу, чтобы посмотреть на немцев. Конечно, с ненавистью и презрением, хотя и тошно было видеть их - измученных, худых,

плохо одетых, в этой деревянной обуви. А однажды я видела, как немец, глядя в нашу сторону, на нас, сирот, таких худых и оборванных, плакал и утирал слёзы рукавом шинели, а потом незаметно помахал рукой. И так мне стало жалко этих солдат, что тоже разревелась и убежала в дом.

Может, повлиял пример хорошего, доброго, тихого нашего учителя (это был 4-й класс) Грюнвальда Конрада Карловича... Он так нас любил, так хорошо к нам относился — всех мог обогреть своим горячим сердцем. И мне стало казаться, что немцы все такие. Потом куда-то увёз чёрный «ворон-воронок» нашего любимого учителя.

В эти года буйствовали банды «Красный петух», «Чёрная кошка», и в придачу к ним — милиция. Как мы, ребяташки — запуганные, затюканные — боялись их! А если видели милиционера, идущего в наш барак, то убегали сломя голову, залезали почему-то под кровать.

В пятый класс пришлось ходить уже в другую школу — № 67 (женскую), далеко от дома. Школа стояла на пригорке, а у подножия было болото. Нам приходилось его огибать. А однажды мы с подружкой торопились и решили пойти через болото (была ранняя весна). И, конечно же, на середине болота нас стала засасывать топь. Несли мы много веток тополиных на урок ботаники, стали их подкладывать под ноги — не помогало, конечно. Спасибо людям, шедшим на работу по тротуару, вытащили. И вот такие грязные, замёрзшие, без веток тополиных явился на урок, опоздав намного. А больше всего страдали от страха, что погубили ветки тополей.

Про папину родню я ничего не помню. Уже позже рассказывали. Папин отец жил тогда в Томской области, в каком-то селе... И, якобы, называется сейчас то ли Филюшово... Вот они жили в этом селе, были первые поселенцы — [село] ихним именем назвали. И вот они были довольно-таки богатые. Даже в своё время, когда мама-то замуж выходила за папу, эти родственники (Филюшины) не хотели, чтобы она выходила за него, потому что бедная семья, а те-то вроде как богатые были. Во-первых. А, во-вторых, папа-то был до этого женат с кем-то: они сами его поженили. И у него-то от первой жены даже дочь Тоня (она к нам приезжала, мы с ней общались). Его поженили по расчёту, а он не хотел. Он маму сильно любил. И вот он бросил всё-таки ту семью и женился на маме. А они-то держали

ямщицкую (отец папин и его братья), или как это называется. И потом их вроде как раскулачили, разбросали кого куда... Я больше-то ничего и не знаю, это мне уже родня двоюродного брата что-то рассказала про это.

А где папа с мамой познакомились, я не знаю, то ли ездили куда? Я знаю, что мы, кроме того, что в Кругликово жили... Вот я ещё маленькая была, помню, мы жили тоже в Томской области — село Курлек. А как мы там оказались?

Даже я помню, у нас там корова была, бодучая страшенно! Такая была корова! Она была «лидер» стада, как сейчас бы сказали. Вот у неё рога были не вверх, как обычно, а вперёд. И такие высокие! И такая была красивая корова! Тёмно-рыжая. Здоровая! Давала очень много молока, и жирность была — четыре [процента] с чем-то (это я уж потом узнала, стала понимать). Но была такая бодучая! И меня как-то даже на рога подняла. В ограде я играла, а она со стада идёт... Я на завалинке сидела, тогда были завалинки — так забраны и землёй засыпаны у дома. И она меня как рогами подцепила, как на вилы, и давай меня куролесить по ограде. Отец был тогда дома, слава Богу. И меня каким-то путём сняли. Сильно она не повредила, что-то у паха проткнула рогом, не сильно, обошлось. А потом, вскоре, она тоже как-то шла со стада и вдруг забрела на базарчик (был в этом селе) и тётеньку сильно поранила рогами, прямо проткнула ей щёку. И нам приказали её уничтожить, корову. Её, помню, закололи. Ой, мама так плакала, помню! Закололи «лидера»! Вот она была такая большая, больше всех! Стадо идёт, её издалека видно — корова наша идёт, такая крупная, и шерсть блестит.

Я рыжая, а так-то у нас в семье больше никого, вроде, не было рыжих, со стороны Филюпиных. А дед-то (мне потом кто-то говорил) был рыжий, кудрявый, как лев. Волосы были кудрявые, огненные. И всё у него была присказка: «Ну, как эти рыжие только на белом свете живут! Удавился бы сразу, если бы я был рыжий!» Это мне кто-то из ихних родственников сказал, что такой был шутник.

«Августа». Имя мне бабушка дала. В деревне живут, и откуда только такое имя выкопали?! Сами то: одна бабушка была Клеопатра... имена такие, да?! А меня назвала папина мама, а её как звали, я уже не помню. А жили-то в деревне, откуда она это имя взяла, я не знаю. Вот, Августа.

Бабушку Анастасию, мамину маму, хорошо помню. Часто к ней ездили в деревню, когда уже в Новосибирске жили. Дом её большой, пятистенный, высокий, стоял на берегу Иксы.

У бабушки жили мы, дядя Митя, дядя Ваня со своей семьёй, дядя Федя (потом переехали со своей семьёй в Новобибеево), бабушка... И ещё за стенкой квартиранты жили, выделена была им комната, кухня. А как спать ложиться, так — у-у-у! — кто на полу, кто на лавке, кто на полатах, кто на печке на русской... А на русской печке спать тепло, хорошо! Всякие ведь болячки лечили на ней: простыл человек — раз туда, и прогрелся. И как кто-то рожал, всё говорила бабушка: «Давайте-давайте! Стелите на печке!» И вот роженицу укутают, и лежит на русской печке, вся в теплоте. А вот у нас родит сейчас женщина, и ей лёд на живот, все органы, наверное, застужают.

И вот у них за стеной жили какие-то ссыльные, мать с дочерью. А отец был в ссылке. А вот по какой линии — не знаю: то ли как революционер в ссылке был, то ли как белый? Знаю, что только говорили — «в ссылке». А мать с дочерью жили за стенкой, какие-то из интеллигентной семьи. Это ещё до войны было, мы ещё в деревне жили, я совсем маленькая была. И вот запомнила только, что у мамы ихней волосы были (ужас!) — до пола! Никогда в жизни больше, конечно, таких волос я не видела. У неё волосы были до пола, и у дочери. И она всё время болела из-за этих волос. И ей остричь нельзя было их. Они всё говорили: «Ей, бедняжке, ведь обрезать нельзя их!» И вот она так мучилась из-за того, что голова сильно тянула. Такая красивая, помнится, женщина.

И мне всегда помнится, что у них стоял комод, и как-то же это в деревне интересно: придёшь к ним, допустим, на комод красивая там салфетка, и всякие там флакончики, фигончики... И пудра! Тогда пудра была «Кармен», в картонной коробочке. Мне казалось, так она пахнет вкусно! И какая-то была, как вазелин — не вазелин, в маленьких железных баночках, розовая такая... Откроешь — а она там, ну, прямо, голимая земляника! Земляничкой пах вот этот крем. Маленькая такая баночка зелёнькая, крошечная.

Или приду там к ним... Ещё даже мама говорила: «Маленькая придёшь к ним, смо-о-тришь там что-нибудь». А они уже знали мою привычку. И говорят:

— Ну, что, Гутенька, тебя покормить?

— Ага, только вы мне дайте хлебушка и чесночок.

— А что, тебя дома не кормят?

— Нет, не кормят. Мне вот только надо хлебушка и чесночок, и ещё простоквашки!

А у самих-то корова была, а у этих никого не было. И вот: «Дайте, пожалуйста!» Мама так рассказывала.

И вот потом этот-то их отец освободился. Вот помню тоже этот разговор. Освободился и прямо уже шёл... Вот уже прямо околица, наш дом... Ну, метров сто не дошёл до дома — его кто-то пристрелил. Они столько лет его ждали! Так ждали! И вот, помню, я-то не понимала, но всё равно заодно со всеми плакала. Вот прямо ужас! Мне казалось, это было таким ужасом! Там елань, поляна, ни деревьев уже, ничего не было, где он подходил. И вот потом кто-то его нашёл.

О ругательствах. У бабушки курицы разгребут грядки там или что в огороде, она: «Ма-а-ай! Май! Расшиби тебя гром! Расшиби тебя *паларич!* Куда, бляди, опять залезли?» Это они не считали за матерок. И вот начинает так ругаться. А я думала, что их так зовут. (Они там без конца так говорят, и я не думала даже, что это ругательство какое). И вот помню, прибежала к бабушке, запыхалась:

— Бабушка! Там бляди опять по огороду ходят!

— Какие?

— Ну, курицы-то, которых зовут...

Они потом так хохотали, — мне мама рассказывала. А мне было-то четыре года.

Картошку, помню, ходили на речку мыть, особенно молодую. Придём на реку и в корзине — шур-шур! И бабушка говорила: «Вы песочку насыпьте прямо в эту корзину, и потом вот так делайте — и песочек отмоет всю эту шелуху картофельную». А её опускаешь сильно в воду - и шелуха поднимается и уплывает, а картошечка чистенькая, как яички.

А рыбачить ходили - мне никогда рыбка не попадалась, я чуть не плакала, завидовала. Братишка нарыбачит пойдёт, только знай вылавливает: рыбёшку за рыбёшкой! А я... Но я сильно боялась червяков, им передавалось, наверное, это!

Когда с папой жили на пароходе, с нами всякие приключения случались.

...Падала с рулевого мостика в трюм. А там брёвна, лес только что выгрузили, и внизу были щепки, всё. А я вертелась на мостике и упала в трюм. Столько у меня было заноз!

...К какому-то острову причалили, мама стирала. Трап лежал с острова на пароход, и мы на трапе с ней этом полоскали. И шёл матрос какой-то пьяный, и нас как-то толкнул нечаянно: повалился и мы свалились. Как, помню, всё повалилось: корзина с бельём, и всё это поплыло, почему-то под пароход потянуло. Белья же и так мало было. Сарафанчик особенно, помню, мой тогда пропал. Всё потянуло под пароход, и нас потянуло. А я, что, плавать тогда умела? Я ж тогда ещё маленькая! Да и мама не умела. Ну, нас тут быстро как-то спасли.

...А оставили на острове. Пароход тоже остановился на острове, ну, а мы с мамой пошли ежевику собирать. Столько много ежевики было, ужас! И мы вдоль берега, берега... и куда-то далеко уже ушли. А они про нас забыли и уплыли. Мы приходим на место стоянки: мама дорогая! — парохода нет! Представь наше состояние! Уже и ночь становится, а мы одни с мамой, все раздетые, голодные, холодные. С ягодой одной. А потом, видимо, там хватились, что нас нет. И папа, помню, на вёсельной лодке за нами приплыл. К нам-то плыл нормально, а обратно — втроем и против течения!

Когда в лес ходили, у бабушки были специально спитые из самодельной кожи глубокие, типа калош резиновых, только именно из кожи мягкой. А по краям была пришита плотная ткань, и в неё шнурочек был вдёрнутый. Этот шнурочек затянешь вокруг ноги, и они не спадывали. В них ходили по ягоду. Они очень удобны чем были? Нога в них прямо спит, не устаёт. Во-первых. А во-вторых, даже если утром идёшь по росе, они намокнут, а потом моментально (солнышко только пригреет) просыхают. Их звали «обутки».

В Новосибирск когда переезжали окончательно жить, плыли на пароходе. И помню, как раз под мостом мы проплывали (пристань выше была [чем сейчас], на Большевикской), и в это время мама дала мне кусочек хлебushка и пилёный сахар. А мы пилёный сахар до этого нигде не видели, не знаю, где они взяли... Это такое было блаженство! И я подумала тогда: «Ой! В городе как будем мы питаться!»

Как узнали, что война началась, я совершенно не помню. Я только отлично помню, как много-много народу было около «Ме-

таллиста», а там была такая площадь, задрипанные берёзки крошечные, все кривые (там когда-то раньше было болотистое место и осталось что-то такое). Площадь большу-ущая! Тогда всех-всех от туда, видимо, собирали, кого на фронт, и у них было тут сборище. А потом шли на Кривощёковский вокзал, оттуда их на поезд садили и везли. Вот, что тут народу было много, и что мы сидели тут в карликовых берёзках, на пенёчках всяких, на кочках — это я хорошо помню (даже сейчас перед глазами вся эта картина). А как война началась, я даже и не помню...

Я хорошо помню, когда она закончилась. Кто-то сказал в барак: «Ой, война закончилась!» А вот уже подружка-то моя, Нина Воронова, они дом кушили далеко от нас, далеко-далеко жили. И я почему-то как полетела, глаза выпучила, к ним. До них идти километров пять, так я все пять километров бежала, как угорелая, и всё орала: «Война кончилась! Война кончилась!» И все, как сумасшедшие. Где кто тоже бежит, кричит:

— Что? Девочка, что?!!

— Война кончилась! Война!..

И вот до самых Вороновых кричала. Как силы хватало?!

В войну нас крестили: крадучись-крадучись, - я даже не помню, в церкви или где. Мамина подруга была, Лиза, и она у меня крёстной стала (жила на Большевистской в Новосибирске). И дядя Митя, мамин брат. Вот они были у меня крёстными. А у Юрки, брата, мама сама была крёстная.

Когда-то косили сено, ещё в Кругликово, братья. Покосили-покосили и легли отдыхать. Мамины братья — дядя Ваня, дядя Федя, дядя Митя. И подползла змея и укусила дядю Федю за палец, в палец ужалила. А он не растерялся (или, наоборот, растерялся), схватил эту литовку, которой косили, и отрубил палец себе этот, чтобы яд не пошёл дальше. И вот эта кровь для него была смертельным случаем: увидел, что кровь течёт — и потерял сознание. С тех пор он кровь вообще не мог видеть: чтоб кто-то там палец порезал или что. Для него это уже всё — беги, закрывай глаза! И вот, когда его на фронт взяли, он сказал: «Ну, всё, дети, прощайте, я не вернусь с фронта: там столько крови...». И он быстро погиб, даже ни одного письма не было.

Дядя Ваня вернулся с фронта, дядя Митя тоже был на фронте, вернулся. В Чехословакии был, это младший-то брат. Там ещё одна

чешка была, «умирала» — сватала его за себя (так он рассказывал). Ревела, — влюбилась... А он симпатичный был у нас. Мамины братья были такие вот прямо красивые, особенно дядя Федя: глаза синеголубые, волосы кудрявые, чёрные, здоровый такой! Дядю Ваню я плохо помню: ну, светленький такой был... А эта! Дядя Митя приземистый, тоже волнистые волосы. И вот она влюбилась в него, и прямо его не отпускала, оставляла. И вот он, помню, привёз три будильника, — она ему в подарок дала. А мы тогда же вообще не видели, чтобы такие маленькие будильнички квадратные... И нам дал один такой.

А зато, когда они ещё на Украине были, воевали, - тоже дядя Митя рассказывал. Говорит:

— Немцы окружили (в каком-то они там селе были). Куда деваться: ни убежать, ничего! А одна хозяйка говорит: «Прячьтесь в подвал!» А там подвалы большие, не как у нас погреб. И много людей (чуть ли ни рота), спрятались, она их западнёй закрыла, там закидала... Тут немцы приходят: ползали, поорали, повозмутились. А она взяла и выдала нас. Мы через западно-то всё слышим: она им говорит! Прямо обалдели! Как [немцы подвал] открыли, как пулемёт наставили на нас...

И всех их расстреляли. А дядя Митя остался живой: упал под трупы, придавили его...

Помню папино последнее письмо. Я уже тогда училась в первом классе. Я такую свинью тоже подкладывала, нехорошую. Ну, грамотная, ну, отличница! Куда там, к чёрту! Я-то. А мама же у нас нигде не училась, тогда ж безграмотные... Так, самоучка, научилась буквы читать, писать сама. Ну, конечно, безграмотная сама, ошибки [делала]. Она, помню, написала письмо папе, а я его увидела, — ну, и давай его читать. А там — ошибок, ошибок! И я как эта... (прям такая грамотная) всё поисправила — исправила все ошибки. Сколько ошибок, посчитала и написала ей (тогда же не писали «единица», «двойка», а писали «плохо», «очень плохо»)... И я написала ей: «Очень плохо». И, помню, я так оскорбила этим маму! Она так плакала! До меня даже не дошло, что могла обидеть её, дура такая! А она, помню, так расплакалась и говорит: «Вот как ты! Думаешь, я не хотела учиться?! Я так хотела учиться!» А тогда же их было, детей-то, много у бабушки. «А они, — мама говорит, — хотели всё дядю Митю выучить» (младшего маминного брата). Средств не хватало, чтобы её куда-нибудь отправить, а он всё-таки мужик... «А меня, я

как ни просилась, не отпускали учиться. Я и не выучилась — так написала...». (А дядя Митя так и не стал учиться, как-то так халтурил-халтурил и не выучился.)

И вот это помню письмо. На серой бумаге пришло от папы письмо. Такая серая, немножечко как бы лохматая, шершавая бумага... И написано было химическим карандашом. Что [-то] там ещё было, но запомнила, говорит: «Лежим уже третьи сутки на снегу. У меня сломано бедро и отморожены пальцы на ногах. Голову поднять нельзя». Похоже, что это Сталинградская битва была, то ли он упоминал, то ли я сама потом догадалась: 42-й год был. «Три дня уже лежим. А завтра идём в бой. Останусь ли я живой — не знаю». И вот это было последнее письмо. И я всегда удивлялась (даже ещё и маленькая была), ну как так: бедро сломано - страшно ведь, нога вся обморожена... Ну как же? Конечно, он погиб! Там, наверно, не шевельнуться, ничего.

Вот у нас чемодан был такой деревянный, фанерный. Большой чемодан. И там были все фотографии мамы молодой... Все письма эти лежали, всё хранилось. А потом мы жили на Дюканова в бараке, а переехали напротив прямо, — побольше нам дали комнату. Переезжали, и пока таскались, кто-то украл у нас этот чемодан. Так жалко! Фотографии, помню, папины, мамины, бабушки, дедушки - всех! Ничего там особо ценного не было, — только для нас. И вот все письма папины погибли. С фронта. Там были.

«На рубль — досыг!»

Папа погиб. Мы тогда в бараке жили, и нам этого подсадили подлоку, Сорокина-то. В 43-м где-то году. Тогда ведь нас не спрашивали никого, подселани и всё. А он комсостав. Вот простые солдаты (были отправлены на лечение или что, откуда они появлялись в Новосибирске?), их у нас селили на чердак, там немножечко его оборудовали... А комсостав, отец же был политруком, второй-то отец. А здесь его поставили зам. коменданта. А у нас она комнатка! Подсадили мужика и всё. Нас трое. Ну что, маме было 30 лет, а отец уже погиб... Ясно, что они тут познакомились. Тридцать лет женщине, такие трудности: двое детей — ни одеть, ни обусть, ни дров, ничего нет... а он комендант. Давай, вроде, я буду комиссарский паёк получать, буду вам помогать...

Ну, такой подлюка оказался: выпивоха да драчун! Не приведи, Господь, никому таких придурков! Он только меня одну слушался, а я его терпеть не могла! А у него же пистолет был. Как придёт с работы выпивший... (Прощали, потому что коммунист! Да таких надо, наоборот, наказывать в десять раз больше. Спрос должен быть. А его всё прощали!)... А он как приходит пьяный, так всё начинает в пол стрелять. У нас пол был, как дуршлаг, весь истрелянный. Как он идёт — скорее кто куда прячется. Гадость какая! А мама скажет: «Гутя, иди уговори его...». А я уже пересилю себя, начну что-нибудь: «Папа, папа!» Тогда успокоится. Он нам всю посуду перебил!

Как праздник, соберутся, на столе капуста, картошка, винегрет, что там ещё-то было... Плохо жили, но у мамы посуда была какая-то красивая! И вот он всё переколотил! Как собираются гости, он обязательно устроит скандал. Обязательно! Начинает придираться, потом начинает скандалить, берёт какую-нибудь вещь, кидает... В конце концов его силы покидают, он берёт стол и переворачивает. И вот всю посуду заменили, стала алюминиевой: чашки, кружки вместо бокалов. Вот такая гадость была.

В 44-м году Шура родилась. Мама сначала хотела её Розочкой назвать, а я её Шурой назвала. У меня сестра была двоюродная, маминого брата дочь — Шура. Я её так любила, она такая хорошая была, добрая! Вот в честь неё и назвала.

Ольга родилась уже в Бердске. Я заканчивала восьмой класс, в Бердск переехали. И тут уж я роды принимала. А вызвали врача. И что-то нету, и нету. А мы жили в лесничестве на кордоне. Мама поставила, вода у неё как раз стояла на печке... И уже роды начались, а врача нету. Мама мне говорит: «Давай, что я тебе буду говорить, то ты и делай». На пол легла, помню, постелила одеяло, простынь. И вот самое страшное для меня было - это обрезать пуповину. Мне казалось — это так больно! Я думала, как я могу обрезать: маме же так больно! Ой! Она: «Режь, тебе сказала! Режь скорей!» Я так и сделала, но оказалось, что я сильно длинную пуповину от Ольги оставила. Потом приехали врачи, так отрезали. Мама мне как говорила там, помыть там её да всё... Но уже в ванну не стала класть и говорит: «Тряпочкой её там оботри...». Я сделала всё, запеленала, положила... А со стыда пропала! Это ж стеснялись как, ужас!

И вот потом врач приехала, а я в угол встала, как наказанная, лицом в угол встала и стою. А врач говорит: «Кто же у вас тут роды-то принимал?» А я маме показываю рукой, чтобы, Боже спаси, не го-

ворила, что это я. Мне стыдно, что я роды принимала! А она: «Ну, давайте посмотрим, что там... У-у-у! Пуповина-то какая!» Посмотрели, в общем, всё нормально. В больницу, конечно, не забирали.

А Вовку (не помню) она, наверное, в больнице родила. А Шурку, Шурку она тоже дома рожала. Тоже, помню, ещё мы в Новосибирске жили. Сидели, помню, ели. Лапшу-у! Такой казалась вкусной! Лапша-а! Сидим - едим лапшу. А мама, у неё уже, наверно, схватки начались, а я даже не понимала этого ничего (ой, ну такие дураки!)... Отец, помню, сидел, Юрка, я. А она подошла к нам и таким тоном:

— Да наедитесь вы сегодня, в конце концов, а?!

И вот прямо болезненный такой тон... Я думаю: «Она что? Что такое случилось? Ничего себе!» Вышла из-за стола со слезами, думаю: «Ни фиги себе! Не дают даже покушать!» Потом ушла на улицу, сижу, помню, на крыльчке в бараке, думаю — что случилось-то? А потом отец позвал Филь, мамину подругу, она роды приняла у неё, всё сделали... У нас уже качалка стояла. Качалка стояла — и я ничего не понимала: к чему эта качалка. Даже нисколько в голове не было, что скоро у нас там кто-то будет... Качалку отец сделал, заказал на «Сибсельмаше», привезли качалку, всё... И вот какое-то время ещё прошло, меня кто-то (или Юрка, или кто) позвал. Я зашла в комнату, а мама говорит

— Ну, вот, посмотри: у тебя сестрёнка появилась!

А я думаю: «Откуда она?», подошла к кровати. Ой, как мы были наивны, сейчас вон уже в 14 лет рожают! Подошла, смотрю: ни фиги себе, откуда она взялась?! Ничего не пойму! Спросить, конечно, не спросила, а сама вот так думаю: «Интересно...».

В младших классах. Писать не на чем было, газет даже не было. И нам выдавали, помню, какие-то листочки типа грифельной доски, такие тоненькие черные, и какой-то стержень был, такой вот, писать. Допустим, в классе мы пишем, а потом домой приходим, прочитали там, выучили или что — стираем, пишем домашнее задание. Домашнее задание принесли, проверили, потом опять классную... Вот так долго-долго пользовались этим. А уж если кто находил газетку (кто-то, допустим, на газетке писал, делали листочки из газеток), так ой, прямо завидовали.

А чернил-то тоже не было, разводили-то их сажой: сажу чёрную размешивали водой...

Была одна, наверно, что ли, тетрадь. Может, пробовали на ней и только давали на ней учиться. Почему-то помню, что мы именно в тетрадях писали прямую и (как называлась она?) жирную линию, потом волосяную линию, загиб там такой и так, чтобы уголок был свободный в косых клеточках.

А вот в третьем классе училась, тогда же трудно было в пионерский лагерь попасть... И вот дали путёвку мне: в Кудряшовский бор, помню, ездила. Ой, это было что-то! Я никогда не забуду вкус пшённой каши с тушёной. Ну, до того это было вкусно! Почему - не знаю. Ну, натуральное какое-то всё было.

Мы с девочкой одной заблудились. Понесло нас (чёрт нас понёс) куда-то по лесу. И заблудились — нас двое суток искали. Мы в какое-то болото... А болото оказалось так далеко, так далеко! (Меня всё к болотам несёт!) И вот мы к нему вышли. Ну, конечно, что мы там — третьеклассники задрипанные. Нас комары всех изъели там, паузы, всё... Мы голодные-холодные. Вот я не помню, то ли лагерные нас нашли, то ли какой объезчик-лесник...

Был у нас учитель Конрад Карлович, немец. Как он пришёл, я почему-то совершенно не помню. Он такой был добрый! Класс-то мы сами белили, это же барак был. И вот он с нами, нам белит, всегда помогает там. Белим: он там сверху, а мы внизу что-нибудь. И вот, помню, весь обрызгался этой извёсткой, все свои валенки, а мы ему говорим: «Конрад Карлович, Вы...». А он: «Да ничего! Как будто снег, как будто снег!» А потом он у нас исчез. Его куда-то забрали, за что, про что — не знаю. Ну, хороший был мужик.

А как нас [учителя] наказывали. Провинились если в школе мы, так они нас что делали... Лестница вела к школе (в 67-й я уже училась, а в каком классе — уже не помню). И вот нас, весь класс (а за что — наверное, за какую-нибудь ерунду)... лестница чёрная туда вела — не в подвал, а как чёрный вход, и вот туда нас всех загнали, в этот чёрный вход, весь класс, закрыли нас. И мы в этом крошечном пространстве, о-ой, наверное, часа три сидели. И что попало болтали. Холодно, помню, грязно там — сидим болтаем. Ну, ничего: образумились или что, но нас выпустили.

А потом нас вдвоём с подружкой наказали. За что? На уроке мы что-то увлеклись, какие-то записки друг другу пишем зашифрованным языком. На литературе Евгения Ивановна, помню, учительни-

ца. Ничего, главное нам не говорит, а сама видит, что мы-ы-ы... Вообще не от мира сего, сидим, друг другу записки пишем, она - мне, я — ей, а с обратной стороны — шифр, цифрами или как... И сидим. Там у нас были две подлизы, так мы на них, ой, «Люда Гулак - дура». Вот «хи-хи-хи! ха-ха-ха!», что к чему? В четвёртом классе я уже училась. Ну вот, всё в таком роде — нехорошем, конечно. «Люда Гулак — дура, Вика Барковская ещё дурней!» Только прозвенел звонок, учительница на меня говорит: «Гутя! Дай записку сюда!» А я прямо обалдела, как схватила эту записку, а она меня прямо к доске вызвала. А я думаю: «Не дам!». Вот так, между ног зажала! А она говорит: «Дай мне записку!». А её в рот, раз — и зачихала, прямо как партизан! Короче говоря, нас тоже наказали с ней. Наказали, заперли нас в кабинет завуча, а он вёл у нас географию, и много у него этих карт-то висело в кабинете... Ну, и закрыли нас в этом кабинете и, видимо, забыли: уже ночь на дворе, а мы всё там сидим. Есть хотим, и не выйти, ничего... И уже спать хотим, уже ночь на дворе — и никто не идёт, не ищет нас. Мы с ней карты собрали, одна на одном столе постелила их, другая — на другом, и спать улеглись. А как мы домой потом попали — не помню.

В четвёртом классе мечтала стать балериной. Мы же ходили в какой-то записываться при Оперном театре, там то ли кружок был, то ли секция, то ли что... И вот мы должны были (ой, нищета, куда лезли в балерины?!)... И у меня даже чулок не было. Я помню, чулки выстирала (простые чулки, тут с резинкой...), и они ещё не высохли. Нам надо уже ехать туда, на занятия, а у меня чулки не высохли. И вот я этот утюг... (а печки большие же были, там не кружки, а такая плитица чугунная) и я потянулась за утюгом-то — он стоял, нагревался — и обожгла живот! А была что-то раздетая уже, что-то так, ещё не одетая, и прямо прижгла живот. И вот не состоялось из меня балерины. А подружка моя (с кем это, я не помню, хотели по ступить-то?) сидела, меня ждала. А он, видимо, вздулся, пузырь-то, а я руками схватила, прижала, а он как хлопнул, треск такой вот был!.. Я как кричу: «Ой, Люба! (Люба, что ли, была?) Живот лопнул! Сейчас у меня кишки выпадут!» Как заревела! Четвёртый класс.

Галстуков-то в войну не было. У нас было стежёное одеяло, красное. Из одного атласного одеяла мама (распорола) сшила мне сарафан, и он весь потом был в дырочку: видно, где стежёнка-то была. Был, помню, атлас болотного цвета. А красное одеяло она

распорола, отрезала мне на галстук такую косынку (а потом на это место пришила какой-то другой клочок). Это у меня был пионерский галстук такой.

В войну это было. Посылали нас за мякиной. А мякину брали в Новосибирске на Мелькомбинате. А очередь там занималась с пяти утра. Я, наверно, ведь в четвёртом классе училась только. А тогда на поездах были такие давки! Я мёрзла до ужаса! И столько народу, что всегда висели: идёт эта так называемая электричка, и на ступеньках прямо висят люди, столько было народу много... И как вот отпускали за этой мякиной?! Мешок мякины, представь, девчонка десяти лет тащит... Я помню, залезла на этот вагон, на ступеньки, — я уже была последняя, на последней ступеньке стояла... А впереди меня, около живота — мешок, провалился он пропадом! И вот руки стали окоченевать. И как раз на мосту (железнодорожный-то мост в Новосибирске), я ещё подумала: «Ой, я, наверно, в речке утону, прямо там на лёд упаду!» Руки застыли, а варежки страшные — из ваты были связаны, а они ведь не греют ни фига. И то ли я заорала, то ли что, не знаю, чувствую, что я падаю. И дяденька стоял там повыше, схватил меня прямо за ворот и за ворот держал. Ужас! Но всё-таки доехали, полумёртвые...

Потом ездила летом. Мама меня отправила с соседкой в Камень-на-Оби за яйцами, а то не было ничего в городе! Отправила она нас на пароходе, денег мне дала. Помню, сатиновые штаны у меня были, спортивные, карман сзади. Мама туда мне эти денежки положила, булавкой заколола. Дала мне корзинку для яиц. Поехали мы. В трюме. В трюме на железном полу лежим, помню, плавём по Оби... И вдруг я слышу: кто-то мне карман растёгивает потихонечку - деньги вытащить. Я напугалась и слышу, что это соседка та самая, с которой мама меня отправила. А мне так стыдно! Мне стыдно до ужаса! Как сказать, что я слышу-то? Думаю: «Ой-ёй-ёй! Соседка лезет!» А сама боюсь ей сказать: «Ты что делаешь?» Потом я так заворочалась, кашляю... И она руку убрала, не вытаскила деньги. Потом уж я как-то стала следить за ними, за деньгами.

Когда мы ещё в младших классах учились, ходили на базарчик: то продавать сыворотку, с этого молокозавода, то воду... Кружка у нас, ведёрочко. И бегаем кричим: «Кому воды? Кому воды? На рубль - досьята! На рубль — досьята!» (А что там тогда этот рубль-то? Копейки!).

И брали ведь люди: дадут рубль и выпьют на него всё ведро («лосы-та» ведь!). А мы счастливые - опять бежим за водой.

А ещё на базаре у нас какой-то дяденька ходил, деньги как зарабатывал. Мы — то водой, то блины делали из овсяной трухи-то. Ой! Сколько волокиты! Привезём мякину, её замочим, а она стоит ночь, потом так жмакаешь-жмакаешь, седишь. Эту снова замачиваешь, опять седишь, потом в третий раз замачиваешь, седишь, потом вода отстаивается, и на дне останется как кисель вроде, а это всё сливаешь потихонечку. А этот кисель уже потом... ну, делаешь уже вроде как блины. А они такие горько-кислые. А потом продавали стопочкой по пять штук.

И вот этот дяденька толстый был, даже не толстый, а пузо у него большое было. Чем зарабатывал? Выставит живот голый, и мужики — деда там, парни или кто — разбегутся и со всей силы по животу били кулаком. И за это платили деньги ему.

Весной, помню, есть нечего, так мы пойдём собирать картошку на поля: чёрная, гнилая, весенняя картошка... А потом из неё стряпали на печке, тогда же печки чугунные, большие плиты были, и на них прямо (масла-то не было никакого) стряпали драники. Стряпаем, стряпаем, шкурку снимаем... И называли их не драники, конечно, а тошнотики. Ой, такая гадость, сейчас вот вспоминаю, это прямо ужас! Тошнотики... Чёрные, страшные! А ели всё равно, нечего же было есть.

Такая вот маленькая была, худенькая... Ну, всё по каким-то конторам ходила, всё в каких-то очередях сидела, всё какие-то документы хлопотала. Мама мне скажет: вот туда-то надо идти... И мы в так называемый Соцгородок идём. Мы жили на Дюканова, далеко, а в Соцгородке все были вроде бы конторы. Всякие там взрослые сидят, и я. Всё что-то оформляли... Детям, а давали какие-то справки! Может, всё тогда же по карточкам было, может, для карточек? Даже материал, ситчик задрипанный (два метра, три метра) надо было выхлопотать! Нам же всё давали по карточкам.

А продукты?! Есть-то совершенно нечего было. Так как мама [из положения] выходила? Вместе с женщинами покупали где-то в городе краску, красить хлопчатобумажное бельё или что. В пакетики расфасовывали и потом эти пакетики везли куда-нибудь в деревню и обменивали на продукты. Например, на сало кусочек, картошечку, морковочку, свёколку...

Спички тоже были по карточкам. Я один раз тоже пошла за хлебом. А получали не в любое время, а по баракам. Сегодня, допустим, получает 36-й, 37-й, потом 40-й, 43-й барак... В барак заходит старший, кричит: «За хлебом!» И бежим в магазин.

И вот один раз я потеряла карточки. О-ой! Орала!!! Спряталась за водокачку. Такой холод! Ветер заносит меня. А я сижу там и реву, и реву, слёзы замерзают на щеках. Боюсь домой идти. А у нас в доме жила женщина-дурочка, молодая такая. Она была дочь учительницы и вот тихая такая была сумасшедшая. Пойдёт, бывало, по воду, возьмёт воды и стоит, аж вода в ведре застынет. Всё песно одну пела: «Я не вижу красно солнце, белый свет! Я не вижу красно солнце, белый свет!..» Одна и та же фраза. И тут вот она меня увидела... А как-то сообразила, что я-то маленькая, а она уже взрослая... Подошла ко мне, молча за руку взяла и тянет. А мы-то её боялись! А она ничего, мирно, прямо вот насильно, ничего не говорит, — и затащила меня в барак, прямо в нашу комнату. Ой! А я потом рассказала, плачу! Мама меня хотела побить (а что, хоть бей, хоть не бей), а потом начала расспрашивать, где я шла. И мы пошли с ней, пошли — и ведь нашли в снегу! Три карточки: на меня, на маму и на Юрку. Вот Боженька пожалел нас! Ой, прямо сейчас плакать охота!

В войну мама с тётей Марусей, соседкой нашей, мамой Нины Вороновой, работали. Пищекомбинат он назывался или что? — они пекли там пирожки для военных, для солдат. До чего же вкусные были эти пирожки! А им как-то давали, то ли вместо зарплаты, понемножку — два пирожка. Потом давали — ливер когда варили, салото наваривается, — и вот этот жир застывший тоже им выдавали. И когда мама принесла первый раз эти два пирожка... Ой, ну какие вкусные! За всю жизнь лучше не ела. Да ещё голодные!

А потом не знаю, где тётя Маруся работала. Они в конце войны переехали, у них дядя Сапша вернулся с фронта. А они были, в общем-то, были хорошие. А тут они, конечно, подлость сделали. У неё, у тёти Маруси, сестра была, тоже недалеко от нашей деревни от той жила. Она умерла, а у неё осталось две дочери. И тётя Маруся взяла как бы под опеку этих дочерей и дом забрала. Потом его [дом] продали, и на эти деньги купили здесь, в Новосибирске. Немножечко пожили они, и этих девочек она выгнала. А была такая порядочная, хорошая женщина! И они потом жили где-то в детдоме... А мы так были удивлены, все осуждали тётю Марусю. Надо же такое сделать, надо же?!

Мы картошку сажали, нам давали участок... Мы жили в Кривощёво, а давали участок в Чике! Чик! На поезде ехали. Ой, помню, мама оборвалась, упала! Уже домой ехали. (А картошка в войну рождалась — прямо несколько, наверное, десятков в кружку входило. Такая была мелкая!) Ой, ужас! А сколько народу! Не сядешь, не вткнёшься, все вечно висят на подножках, как гроздь. Всю жизнь тогда было так. Электричек-то не было, пригородные были. А на картошку — вообще в каком-то телятнике. И вот столько было народу. Мама, видимо, как-то зацепилась и упала. Но вот как она добиралась до дома, я уже, правда, не помню — орала, как угорелая. А что? Никто не прыгнет, никто ничего... Поезд идёт. Потом как-то добралась. Может, отец ездил за ней?

В кинотеатр никуда мы не ходили... Рядом у нас был клуб имени Покрышкина. Не знаю, показывали в нём или нет что, да и тогда в него у нас денег не было... А у нас кино привозили редко и показывали на чердаке, у нас в бараке. Там сколько-то, часть, жили солдаты раненые (поправлялись или что — не знаю), и какую-то часть отводили под кино. И вот мы туда бежали, как угорелые. И кино нам показывали какие? Трофейные. «Серенаду солнечной долины», там, «Рим — открытый город», ещё что-нибудь такое... Трофейные фильмы. Помню, как-то на чердак залезли, и доски строительные валялись, и я гвоздём проколола ногу. Гвоздь аж прямо так высунулся! Босиком же! Ой, не могу ни бежать, ничего... Потом, не помню кто, кто-то встали с двух концов на доски, а меня как рванул! Вырвали из этой доски. Ранка осталась, как оспочка, на ноге.

В бараке у нас жили Вышегородцевы, фамилию у них помню. И вот у них два брата и старшая сестра, они все состояли в этой шайке - «Чёрная кошка». А младшая, Дуня, в нашем классе училась. Ой, так мы её так боялись из-за этих братьев! В конце концов, они совершили убийство своего же члена шайки. Они хотели обворовать там квартиру у нас. И на крыльце прямо убили своего же: башку разрубили топором! Они взяли топор, у соседей попросили, вроде как дрова [колоть]... А на самом деле вот этот-то парень из их шайки должен был залезть в комнату, а что-то струсил в последнюю минуту, и они ему прямо вот... Ой, крыльцо было такое, с прихожкой как бы, в барак заходить. И они прямо вот в этой прихожке, в тамбуре в этом, ему разрубили голову. И там частица черепа валялась около крыльца, а тогда лужа была, грязь какая-то. И вот в грязи, с

волосами... Это ужасно! Ой, наш барак оцепили, никого не пускают, милиция приехала. А мы всё равно тут глазеем, смотрим. А потом милиционер поднял так прямо голову из грязи, увидел лицо, говорит: «Одним жуликом стало меньше!» Это его слова были.

А они без конца... Этих Вышегородцевых братьев посадят — они сбегут. Посадят, они сбегут. Их так боятся в бараке все, шепчутся: «Ой, Вышегородцевы вышли! Вышегородцевы вышли!» Мы их так боялись! Ужас!

А к нам как лезли?! Мама уезжала в деревню к Юрке. Брат мой заболел. Я помню, говорили тогда: «Сглазили». Он что-то весь вечер бесился тогда (бабушка потом рассказывала), хохотал. А он такой хорошенький был маленький! Любили его так! И вот хохотал, бесился, песни пел, плясал... И все бабки, которые приходили в гости, говорили: «Ой! Ой! Ой!» И, короче говоря, вечером с ним плохо сделалось: его тогда парализовало, как бы покосило, и глаза прямо вот так сделалась...

И вот маме дали телеграмму, и она уехала. А мы остались. Шурке было сколько-то месяцев, а я одна, дома никого не было. И вот к нам лезли жулики. Я, кого там, была, наверное, в четвёртом классе ещё! Но у нас не страшно было: три окна хоть, цо решётки на окнах были. А мне мама сказала: если в дверь будут ломиться (господи, какие там двери!), ты стучи Шапкиным — соседи рядом были, он работал в охране где-то на «Сибсельмаше». Ну, я знаю, что в окно не залезут, уже ничего. Но, помню, свет включила, сама с ног до головы вот так укрылась одеялом, а они тут лезут, дверь скрипит, слышно там: дверь стараются оторвать или что... Ляс ног до головы укрылась, руку высунула. Шурка плачет в качалке, а я её бум-бум, бум-бум, качаю одной рукой. Да ещё и свет горит - смотрите! А что там воровать? Нищета! Не знаю, прямо, зачем они лезли? А потом я этим Шапкиным стучу, стучу... А они сами там, наверное, струсили до потери пульса, никто и не пришёл. Потом они, короче говоря, отступились от нас, эти жулики. Может, даже Вышегородцевы?

У кого я увидела тарелку эту чёрную, так это у тёти Маруси. А потом, когда мама вышла за Сорокина, он тогда принёс этот приёмник — тарелку чёрную. Во-первых. А во-вторых! Нас такая цивилизация коснулась! Он был помощник коменданта охраны «Сибсельмаша». И у нас, когда на Дюканова жили, нам поставили телефон! Представь! У него был револьвер и телефон. Вот когда жули-

ка-то убили, и позвонили быстренько по телефону. Телефон был у нас, у одних во всём бараке.

И был револьвер. И вот у него [у отчима] однажды жулики хотели отобрать револьвер. А он, хоть и был такой худосочный, рука раненая, он не дал. Не дался. У него из кобуры вытащили, а он успел его как-то схватить. Ему всю руку искусаили-изодрали, а он мёртвой хваткой как взял этот револьвер!.. Потом кто-то ещё увидел, так помогли.

Ой, какие были снежные заносы! Сколько было снегу! У нас были сараюшки, так их вообще не видно было. Выкапывали проход туда - там же у нас дрова были. И играли мы на этих снежных холмах, всё в войну играли. А в школу когда ходили, я в пятый класс пошла. У нас же далеко была школа, и шли мы из частного сектора с подружкой Любой. Какие ветра! Вот мама даст нам какое-то суконное одеяло, мы укроемся этим одеялом: она с этой стороны держит, я с этой. А нас с этим одеялом как на парусах поднимает! И вот мы всегда с одеялом ходили в школу. Ни улиц, ничего видно не было, так всё снегом перенесено было. Идём — о, труба какая-то вот, саму не видно, только дырка. Идём, где улица, вроде, должна быть. Увидел: колодец в снегу выкопан, а-а, это они, значит, тут заходят в свой дом!

Какие-то морозы были, холодища, как назло. Или потому что мы такие были, бедно одетые? Улицы, естественно, никто не чистил.

И вот однажды так идём, в какую-то трубу заглядываем. А из трубы какой-то вой, что-то такое... И люди вылазят, вылазят, где прокопан к двери проход. И тётенька рассказывает, что оказывается, сын соседей всю семью порубил. Он проиграл этим всяким «Чёрным кошкам»! А денег у него нету, и его заставили семью... И братика маленького, потом ещё одного, мать, бабушку... И вот их соседи-то и собрались — причитают, ревут.

У нас была своя швейная машинка «Зингер», старинная. А потом наступило такое тяжёлое время, у меня не было ни пальтишка, ничего. Мама шила мне пальтишко из такой хэбэшной ткани, как мужикам штаны шили, страшная такая диагональ серая. И оно было мне уже короткое, малое. И она решила мне купить пальто другое или материал. Она решила продать машинку! А ведь это для неё была кормилица! Я не знаю, как она продала?! Кормилица. Она нас так выручала! Она же хоть что шила: хоть шёлк, хоть шерсть, хоть

кожу! И вот она её продала. На базар съездила, продала... И ехала в трамвае домой, и у неё вытащили все деньги! Ой! Я помню, как она редела! И как мы ревели около, глядя-то на неё!

Шишковали мы в деревне с дядей Митей, маминым братом младшим. Мы уже жили здесь, в Новосибирске, а всё равно ездили каждый год в деревню. Он шишковать ездил, и нас брал. Вот я и дяди Федаина дочь, он там бьёт эти шишки, а мы собираем, в кучи собираем. Потом тёрли валиками, тёрли, чтобы много было. И вот как это он (ни коляски, ничего не было), как это он нёс мешок орехов, как на себе тащить 60 километров? Ведь мы не на машине, мы ж пешком шли. С ночёвкой в Карасево. Дошли до Болотного, билет-то не на что покупать, и я продавала эти орехи — 10 копеек стакан, шелушённые уже орехи. Это ж сколько надо было стаканов продать, чтобы два билета купить! И вот продали, купили два билета и поехали дальше.

Однажды мы с ним поехали шишковать в двоём. В обласок¹ сели. И вот поехали. И ни с того ни с сего на середине Оби... (А в нашей-то деревне тоже был кедрач, но он такой был маленький, просто для повседневной... немножко, чтобы поесть, пощелкать. А чтобы мешок наколотить, всегда ездили на противоположную сторону через Обь. А Обь-то широкая, вот... Назывался урман, туда мы уезжали за шишками.) Ну вот, плывём с дядей Митей (а он служил в Морфлоте, так-то моряк он)... И вот поднялся какой-то шторм, волны как начали!.. Мы в обласке — как в спичечном коробке, как начало нас качать. А на мне были ботинки фэззушные (раньше носили мы) — тяжёлые, грубые, толстенные такие! Свиные, грубые. Он говорит: «Снимай ботинки!» — на меня. (А я в шестом или в седьмом классе была.) И давай меня учить. «Если, - говорит, — будем тонуть, ты не теряйся. Я-то выплыву, а ты старайся (ни плавать, ничего не умела; да и разве там одолеешь пол-Оби?!), старайся зацепиться за лодку. Она обычно переворачивается, а ты за дно вот так вот зацепись и держись за неё, и тебя всё равно к берегу или какому-нибудь острову принесёт». Объясняет, а я реву, а я реву от страха, прямо зуб на зуб не попадает. Волны качают, ветер! А он мне рассказывает. Я ботинки снимаю, а руки трясутся, он мне помогает. .. Ещё какая-то была одёжка на мне, снимает («чтобы тебя не

---

¹ *Обласок* - у народов Севера - маленькая лодочка-долблёнка, вырубается из цельного дерева.

тянуло вниз»). В общем, слава тебе, Господи, обошлось. Как-то Боженька нам помог, не перевернулись мы.

А один раз за нами медведь гнался по реке. К берегу уже стали почти что подплывать. А потом он что-то глянул и говорит:

— Посмотри, медведь за тобой!

А я-то сижу в конце этой лодки. Медведь, ага. Плавает, оказывается, хорошо! Но потом уплыл, нас не тронул.

Потом, однажды, мы тоже с Ниной были, он шишковал.

—Вы, — говорит, — никуда далеко не уходите, вот здесь пособирайте...

А там малинник был прямо рядом.

— Поешьте, малину пособирайте. А я напишкую, тогда придёте, будете собирать, а то шишки летят в голову, везде там...

И мы с Ниной ели-ели малину, а она же лесная, прямо как вино! До того сладкая! И мы, наверное, опьянели. Опьянели и заблудились. Рядом ведь где-то тут — и не можем найти! Ужас! Потом догадались: к речке, прохлада веет... мы с ней пошли туда, пошли. И кричали, и кричали. А дядя Митя, наверно, чувствует, что что-то долго нас нет, и давай искать нас. А мы там с ней валяемся почти пьяные. Вот от малины так опьянели! Плохо сделалось — ничего не соображаю, голова кружится, всё плывет — натурально пьяная! Вот он нас не предупредил, не сказал нам, что малины нельзя много кушать.

Сорокин-то на заводе работал, и нам разрешали пасти корову прямо на территории «Сибсельмаша», отвели место. И там шла узкоколейка к тарному заводу. По этой дороге я как-то иду... Уже в пятом классе училась, и надо было нам сдавать немецкий язык - завтра экзамены. А меня мама послала посадить брюкву или редьку (какне-то семена были в стакане), огородик у нас там, что ли, был... И вот я иду вдоль этой дороги, иду. А сама плачу: к экзаменам надо готовиться, а мне обидно — был бы у меня папа родной, так они так бы не делали, не заставляли меня перед экзаменами садить что-то. И вот идёт сзади поезда: паровоз да два прицепа-платформы. Гудит, гудит, гудит! И вдруг у меня созрела мысль — глупая, вредоносная: не сойду, пусть он меня раздавит! Всё, я решила. А он гудит! А я такая настырная: иду, никуда не сворачиваю. Потом он не остановился совсем, а медленно пошёл. Выскочил оттуда помощник машиниста. Как меня догнал, как меня швырнул в сторону насыпи, чтобы толь-

ко поезд не успел меня раздавить! Мы с ним оба кубарем покатились. Все семена разбились. Все коленки разбила! Потом встала, а у меня все руки в крови: я стакан-то не отпускала ни за что, все коленки в крови. Ещё тошней того! Теперь дома попадёт! Этот дяденька как заорал на меня, как заругался! Я конечно, ничего не рассказывала ему, ничего. Повернулась, домой пошла.

Была у нас одна учительница... Экзамены мы сдавали. С четвёртого же класса мы тогда сдавали... А что мы понимали тогда эту Конституцию? Мы её вообще ничего не понимали! И вот, помню, девчонка (плохо училась) и говорит:

— Нас вырастил Ленин на верность народу, на труд и на подвиг (что-то там) нас Сталин вдохновил...

И ещё что-то про Конституцию было там же, в этом же стихотворении. А учительница говорит:

— Расскажи мне, что это значит?

Она стоит. Откуда мы что знаем? Ни радио не было, ни телевизора, ничего. Были какие мы там — прибитые, пришибленные. Она стоит так. А учительница как схватила её, помню, за ухо, и в ухо как закричит, какое слово там надо было сказать. А ухо прямо, даже помню, так далеко-далеко оттянула! А та как заплачет! Это вот учительница так ей сделала ухо.

«Были дали голубы...»

Семь классов вот когда закончила я, мы начитались книг... Я тогда прочитала, как же? «Снежный пик», что ли? И прямо все захотели, ой, в геологоразведчики. А я-то была худенькая, малюсенькая ростом. Вот мы с Любой (другая у меня подружка после Нины стала) обе такие крохотули были, и почему-то нас обзывали... совершенно не похожи были... Ну, мы однажды явились в одинаковых платьях из ситчика в полоску, и нас прозвали с тех пор этими, близнецами.

И вот мы поехали потом вот с этой Любой, поехали в Семипалатинск поступать в геологоразведочный техникум. Ну, мы там малюсенькие были, как не знаю кто, как детсадники. Приехали, ну поступили, всё... А там какие-то более взрослые были люди, и давай нас обзывать:

— А эти детсадники с какого детсада сбежали?

Ну, до того, помню, обидно стало! А есть нечего. Мама дала полмешка крахмала самодельного и всё, больше ничего не было: ни

денег, ничего, крахмал один — будете стряпать там лепёшки эти, блины из крахмала.

Как вот можно отправить с таким вот, да? И вот мы ж поехали! Чемодан здоровенный, один на двоих, и полмешка крахмала. И вот мы поехали, поступили с этой Любой... Правда, я за неё экзамен сдавала по математике: она похуже меня училась. А потом вот: «Это что за детсадники? Это что за детсадники?» Нам обидно стало, мы собрались — да домой. Кругом эти казахи, такая убогая местность, кругом эти степи — ни одного деревца, кругом одни пески, пески... А сам Семипалатинск какой страшный! Ужас какой-то! Сейчас вот вспоминаю: прямо казахи эти на верблюдах, едут везде по городу: «Тям, тям». Ну, убожество, конечно, было, после войны-то ещё...

Собрались домой, а ехать-то не на что, денег-то нет у нас. Мы с ней пошли, немножко продали (кто-то нам подсказал) этого крахмала. Чуть-чуть продали крахмала и ещё какой-то маленький баульчик, и поехали. Нам ещё кто-то подсказал: «Да вы попроситесь у этих, машинистов паровоза, вас бесплатно довезут». Вот ты скажи, тогда ведь паровозы же были... Ну, правда попросились, в Семипалатинске сидели, говорим:

— Довезите нас, пожалуйста, до Новосибирска - у нас денег нет, то да сё...

И вот, правда, какие-то смиловивились, посадили нас прямо в паровоз туда. И вот тут тонка, а мы вот тут с краю, где перила. Тут в спину дует, а тут вот жерло, они кидают, а мы сидим, трясёмся. А сами как раз слышали или что, что в тонках [людей] сжигали. До того страшно было потом, когда уже поехали! Думаем: сейчас нас бросят — подумают, что у нас большой чемодан, да что-то там такое...

Короче говоря, ехали-ехали, до Рубцовска доехали, помню, и вдруг их расформировывают, состав машинистов: их отправляют назад, в Семипалатинск, а здесь другая бригада садится вести этот поезд дальше. А у нас-то денег нет, а эти пошли просить другую бригаду, а они ни в какую нас не берут. Ой, что делать? Чужой город. Там бы мы ещё остались хоть учиться, а тут вообще ничего не знаем... Да ещё ночью где-то выгрузились, в какой-то ров упали, не поймёшь что. Ну, что делать? Ну, ладно, потом дождалась утра, пошли продавать опять этот крахмал. Продали крахмал. И кое-как насобирали денег, в общем, всё до копеечки. Пришлось только купить один билет. Один кушали билет — ну, как-нибудь на одном поезде. В основном-то получилось, что это мои деньги, а Любка-то похитрее меня, конечно, была, и вот в вагон-то сели, а она:

— Ты, вроде того, пока ревизор пройдёт, на ступеньках там вроде того, что...

И вот я опять на ступеньках, зацепилась за эти вот, и еду, вся мёрзну. Потом слышим, что ревизор идёт проверять билеты, они там всех собирают, кто где, и нас... Я прибежала вся, ни жива, ни мёртва, ну что там — девчонка-детсадница, прибежала, помню:

— Ой-ой, что?

А тут какие-то дяденьки сидели военные.

— Что, — говорят, — без билета?

Да нет, говорим, у нас есть один на двоих. А он говорит:

— Ну, быстренько лезь тогда под скамейку!

Представь, грязь такая — и под скамейку! И вот я под скамейку залезла, они чемодан так поставили... В общем, обошлось.

Так мы доехали до Новосибирска. Доехали, а домой идти боимся. Пришли домой, потом залезли (мы жили где?, на Станционной, там трёхэтажные дома)... И, что к чему, полезли на крышу и давай клясться с ней, с Любой этой, в верности и дружбе. (Какой-то читали там... Где Печорин на скале, клялись-то они...) И вот мы наподобие этого давай, залезли на крышу, помню, на самой макушке, не где-нибудь там... Вот прямо на шифер стали — и, как дураки (вот разбились бы!) давай клясться, что мы будем верными до конца. И вот потом всё прятались, прятались на этой крыше. Я боялась домой идти, думаю: у меня отец-то неродной, прогонит и всё прочее. Ну, Люба насмеллась, домой пошла и ничего, её мать там приняла, у неё отец погиб тоже. Потом про меня, наверное, рассказала, меня там стащили с этой крыши. И у Любы ещё, наверное, дня два прокантовалась, потом мать Любина, что ли, нашим-то сказала...

В общем, я как-то дома оказалась. Они сказали: «Люба пошла в восьмой класс...», а меня ни в какую не пускают учиться. А я же училась-то на пятёрки! Ой, не пускают, — я слёзы лью! А этот Сорокин:

— Давай вон, иди работай, не хотела учиться - иди вон работай, я тебя устрою в какой-нибудь там... будешь этим, разносчиком (или как там называют, забыла).

Месяц прошёл. Месяц! И всё из школы ходили всякие представители, просили, чтобы меня отпустили учиться. И дети, и учителя приходили, помню, и наши одноклассники. И в конце концов смиловались, отпустили меня. Я целую четверть пропустила, но такая была счастливая!

В конце восьмого класса (после третьей четверти) мы переехали в Бердск. Мама как раз что-то заболела там... И мне кажется, что он (ну, мне не говорили, а это я так почему-то думаю), что «отец» наш, коммунист задрипанный, что он там, наверное, опростоволосился на комбинате, и его просто попросили, что ли... Или от того, что мама заболела, и что надо корову, молоко... Не знаю, была такая версия. Ну, мы переехали сюда, записали меня в восьмой класс в 1-ю школу. И вот, помню, только пришла в восьмой класс на урок - и как раз немецкий язык. Роза Антоновна, учительница:

— Ну, давайте послушаем, чему вас там научили, - и меня первую вызывает.

А я так стесняюсь, думаю — ничего не знаю. И она меня что-то спросила, я всё отчеканила, отчеканила, прочитала, что-то перевела. У неё глаза на лоб, пятёрку выставила.

— О, дак это что, — говорит, — так хорошо!

Я говорю:

— Да, мы это уже прошли.

В общем, так вот встретили.

А классная руководительница у нас была Нина Яковлевна Бадина, тогда была Голубева. Мы её так полюбили, так любили! Когда за ней будущий муж ухаживал, мы так переживали, прятались по кустам — следили за ними. Ревновали.

Мы, когда переехали в Бердск, у нас ничего не было. Мы сняли дом на улице Советской. У Бурмистровых. Сняли домик и жили в нём. Потом отец, видимо, хлопотал (такая семьяца же!). И вот нам дали разрешение. Вот где тубсанаторий, и там жили немцы в бараке земляном. И нам там дали комнату. Я помню хорошо: мы ходили смотреть, какую там нам комнату дали, сходили в этот земляной барак. Немцы смотрят так на нас — ну, эти, из Поволжья. И что поразило меня, так это чистота. Вот пол земляной, а всё выметено. Всё кругом. Где, если можно, какой-нибудь ковричек там, ну, такой, самодельный. Всё так чистенько! У нас тогда сроду не было, а мне запомнилось, что у них на стенке где-то - то ли в коридоре, то ли где, висел большой белый эмалированный таз. Висит прямо на гвоздике, так акkuratненько. И какая-то полочка, и на полочке всё какая-то посуда, и всё чистенько, всё красиво так!.. В общем, мы должны были там жить.

Стали свой скарб перевозить на лошадке, на телеге. Сколько мебели там, на телеге-то, поместилось?! И не было там никакой мебели: может, железная кровать там, что ли... И не доезжая вот этого кордона, у нас сломалась телега. Сломалась телега перед самым этим

лесничеством. Ну, и как-то отец там пошёл, видимо, хлопотал там, говорил... Его пригласили там работать, и дали нам комнату в этом кордоне. Так мы оказались на нём, не доехали до того барака и вот жили на кордоне. Тут у нас потом огородик был, мы садили уже под окошком всё. И тут тоже ягоды были, помню. Корова была у нас ещё. Мама скажет:

— Девчонки, ну-ка, идите, землянички собирайте, с молочком!

Пойдём за огород: раз, раз, раз — нащиплем, и вот тебе с молочком, ешь сиди...

В десятом классе ездили в Оперный театр. А тогда же электрички плохо ходили. И у нас была классная Нина Яковлевна, Бадьина-то. Мы её так любили, прямо ужас как! Ну, и поехали классом. Поехали на машине, а машина была прямо открытая! В кузове там каком-то сидели, прикрывались, какой-то брезент... Десятый класс! 52-й год! Ну, нищета до невозможности! А у меня были (шик-модерн!) босоножки тряпочные, красные, матерчатые, а каблук — то-о-астый, широкий, из дерева, покрашен... Это я их с собой взяла, эти босоножки. А когда мы вышли из машины, в Оперный пошли, и я забыла свёрток этот в машине. А у меня валенки стра-а-шные были, какие-то подшитые да растоптанные — старьё! Ой, думаю, ну всё! Слезы на глазах: в чём же я пойду?! А тогда же переобуваться строго надо было, в Оперном-то. Соблюдали всё: Боже, спаси! Да и сапог тогда не было... В общем, были — не были, всё равно переобувались! И, помню, мне Нина Яковлевна свои валенки дала, а у неё катанки - чёрненькие, красавицы! Самодельные эти валенки. Я была на седьмом небе! В десятом классе! Дура дурой. Ну не было же ничего хорошего... Надела валенки, а сама думаю: «Слава Богу, что я эти босоножки потеряла!» А сама прямо хожу!.. Разрешили в них, рассказали, видимо, что такая ситуация... Хожу в них и думаю: «Неужели не видят, что у меня такие валенки красивые?!»

А потом за нами эта машина не пришла вечером, из Бердска. А электрички уже не ходят — тогда же не было таких электричек, может быть, один там рейс, да и то не электричка... Машина за нами не пришла. Ждали-ждали, ждали-ждали... А потом, видимо, Нина Яковлевна договорилась с администрацией, и нам разрешили в первом фойе там ночевать. Там банкетки были такие. И — кто где. Ну, как ночевали — болтали всю ночь да хихикали, что-нибудь смешное рассказывали, и Нина Яковлевна тут с нами... А потом вдруг умолкли (или уже устали), кто как прилёт там. И вдруг слы-

шим какой-то чих! Как чихнёт кто-то! Мы напугались, а потом стали разбираться, оказалось - жулик притаился в батарее (там же было ограждение батареи), он туда залез. И что он там хотел в Оперном этом украсть? Не знаю. Может... Там костюмерная была. Нас водили на экскурсию в костюмерный зал. Так всё там интересно казалось! Всё-всё показали, пока мы тут весь вечер околачивались.

Потом Нина Яковлевна побежала, дежурному всё сказала. Он вызвал милицию, милиция приехала. А он там притаился - наверно, услышал шебутню. А потом отодвинули решётку, вытащили его, забрали в милицию. А нам так чудно было: ужас, ужас! Жулик!

Не помню, как обратно уехали. Наверное, машина приехала всё-таки на другой день...

А выпускной был вечер в десятом классе, так, Господи! Мама купила мне шёлковое платье, бордовое, с бантом, а босоножки были куплены ещё раньше, те, тряпочные с каблуком деревянным (их тогда вернули мне). И вот это красное платье, бордовое, босоножки... И я, помню, иду по Бердску, а мы жили же в лесничестве, далеко было идти до школы, очень далеко. Ну вот, иду на выпускной, иду, и думаю: «Господи, наверно, все с ума сходят: видят, как я красиво одета!» Бордовое платье, а оно... плечики такие толстые были (звали почему-то еврейские подплечники). А они вот здесь так далеко спадали, так я бантом здесь стянула и иду.

А как выпускной? Родителей никого не было — учителя и мы. Ну, просто в коридоре выставили столы. Конечно, шампанского не было, я даже не помню, что там было. Ну, конечно, что-то было. Даже не помню, конфеты были или нет. Только помню, что когда иногда приходили к Нине Яковлевне (она же классная была), они богато жили. И вот как-то пришли к ней домой, а у них на столе стоит ваза, полная конфет, и что-то — яблоки, по-моему. Для меня, например, это было так удивительно! Так красиво всё было, так чистенько, всякие салфеточки, всё... И ваза стоит с конфетами, прямо обалдеть можно. А у нас в классе учились такие вот дети, элиты городской. Вот Втюрина отец был председатель горисполкома, потом у одних там мать была врач (это же тоже в то время считалось...), там ещё какие-то... Ну, а вот как мы: Люба Дранишникова да я, какие-то были такие — ницета. Чуркина Валя, такие вот... А Двурядкин Борька — у него отец был полковник какой-то. И у него единственного часы были. А я всё сидела и говорю:

— Хочешь, я сейчас отгадаю, сколько время?

(Что была за забава отгадывать, сколько времени?!) И вот сижу недалеко от него, скажу какое-нибудь время, а он: «Да, точно!», или: «На минуту всего ошиблась».

Ну, вот выпустились мы, и я должна была получить золотую медаль. И меня обидели до потери пульса. Вот была первая моя обида, прямо просто ужас, несправедливость. Взяли - незаслуженно поставили четвёрку по литературе; но даже если одна четвёрка, все равно серебряную бы должны были дать. А мне ничего не дали, ни-че-го. Даже грамоту похвальную не дали. Вышла я из школы, обиженная на всю жизнь. Не то, что мне эта медаль нужна, а вот всё равно как-то... Надо же, думаю, какая несправедливость! Никогда не думала, что может быть такая. А они сами, наверное, ужаснулись, что у меня все пятёрки вышли. Может быть, училась бы я у них всё время там... А то потом взяли вот свидетельство за седьмой класс, и тут как я училась, и смотрят, а у меня все пятёрки. Как мне потом кто-то из учителей говорил:

— Мы не рассчитали, не заказали золотую медаль, поэтому так...

Я даже и не спрашивала, девчонки что-то ходили. Ой, ну мне сильно обидно было! И всё.

«Специалист с широким профилем»

Мечтала учиться в мединституте, хотела врачом быть. А пошла в техникум учиться. Конечно, из-за денег, потому что там надо было учиться мало, что-то два года, что ли, или полтора ли как — с десятью классами. А стипендия была... Вот в институтах была 100 с чем-то рублей, а у нас тогда была — 350, в три раза почти больше. Из-за этого ещё. Мы же бедно жили, тут мама болела, и всё. И вот, думала, быстренько закончу, а нам потом прибавили ещё год учиться, какую-то «Обработку металлов» ввели (на чёрта она нужна?). А мы письмо техникумом писали Ворошилову: зачем нам станки, мы же радиотехники, и зачем нам станки и обработка металлов, технология металла? А нам пришёл ответ: «Стране нужны специалисты с широким профилем». А у нас ни широкого, не узкого профиля не получилось!

Учителя, правда, хорошие были в техникуме. Только один был по математике, ой, какой сердитый! Ой-ой-ой! Экзамены когда сдавали, он нас закрывал на ключ, чтобы никто ничего там... Запустит кучку, все сдадут — их выпустит, потом опять. И после каждого руки всегда мыла с мылом, у него полотенце было в портфеле. Всегда вы-

тирал руки. За ручку возьмётся и всё, помоеет. Он у нас такой был брезгливый. А такой был злой! Оценки у него, четвёрку получить было... это я не знаю, все равно, что, наверное, Нобелевскую премию. А пятёрку он вообще никому не ставил. Пал Палыч. Забыла как фамилия, но мы его всё звали Палкин. Ой, боялись! На экзаменах, ужас, чуть ли не обыскивал, с чем заходишь в класс.

А жили мы в общежитии, на Станиславского сейчас, угол-то, и Титова. Деревянные дома. Жили на первом этаже в этих деревянных домах: женское общежитие, потом мужское общежитие рядом. И вот кое-как (я так мечтала [иметь] сервиз — у мамы-то была посуда красивая)... и кое-как я на первые стипендии (не знаю, как я собралась?) и купила сервиз. Не знаю, может, он в то время дешёвый был, какой-то уж не такой шикарный, но всё-таки — сервиз. Купила, а домой-то в Бердск на каникулы ехать. Ну, у нас там кастрюлечки, всякие там поварёжечки, всё, вот этот сервиз, совершенно новый. Ну, и что ты думаешь, не повезла я его домой. Ну, такие наивные! Там нашли — в полу дырка такая, открывается для слесарей.

—У-у, девчонки! Давайте туда всё поставим, потом приедем, и всё. Что мы будем всё таскать? Кто возьмёт?

Конечно, «кто возьмёт?!» Приехали, а там ни-че-го нету! Какие мы наивные! Верили людям как-то.

В общежитии мы жили весело, конечно. Шутили, дурачились много. Мы же на первом этаже жили, и однажды мы устроили панику. Что-то взбрело в голову... А-а, я как раз воду несла, а одна девчонка говорит:

— А что ты воду таскаешь?

И спровоцировала. Я говорю:

—А ты что, не слышала, что ли, воду же отключают на несколько дней!

— Да ты что?!

Я говорю: «Да!» И вот пришла, поскорей девчонкам своим эту версию рассказала, и давай мы воду таскать: таскаем, да в окно выливаем, весь коридор уже залили. А кто-нибудь увидит там: «Вы что?» — «Так воды же не будет!» И все давай с плошками, с кастрюльками всякими таскаться! Все заготовливают, а мы — в окно, а мы — в окно выливаем! Ну и всё, потаскали уже, потаскали, всё вылили. А потом оказалось... Вот так совпал дикий случай! Мы-то её всю вылили, а девчонки, ну, натаскали и натаскали, кто во что мог, и стоит. А потом мы пошли, хватились — и правда, воды нету. Ни-че-го себе!

Ой, я, помню, пришла к Катьке, рядом жили: «Кать...». - «Да, а вы же...». Ой, потом уже сознались, было смеху на всё общежитие: думали, всех обдурили, а сами — себя в первую очередь!

Да, весело было. Весело было, ужас! В техникуме учились, а, как дураки, играли в «третий лишний», в салки, в лунки... Выходили на улицу, а рядом были общежития сельхозтехникума, вот мы с ними тогда объединялись, игра-а-ли! А вот так, чтобы пить, курить или что-то там — никого у нас даже не было таких.

А однажды мы пешком шли из техникума с подружками [в Бердск]. Второго мая, как сейчас помню. Не на чем было уехать. Голодные, холодные! Да ещё поначалу храбрые были. Дошли, помню, до Инской, там эти горы... Тогда модно было, мы их называли пыльники, из саржи, помню, сшитый был, как халат чёрный — шик-модерн! И вот у меня был этот сшитый «халат», я приобрела, сшила сама, помню. Я, Валентина, Люба и Витька — дружок Валентинин. А он жил в Обьгэсе (тогда уже Обьгэс был). И вот мы пошли. Шли до изнеможения, устали до потери пульса. Представь, это мы из Кривощёково вышли, дошли до этой, потом повернули тут по дороге, Инская тут... Ну, пошли: Матвеевка, Ельцовка, всё... А люди-то уже гуляли, а мы голодные идём, умираем — есть хотим, пить хотим! Ужас! И компания навстречу. А Витька насмелился и говорит:

— У вас ничего нет покупать?

А они говорят:

— Да нет... Ну есть, вообще-то, редька только.

И, помню, нам редьку дали (сырую редьку!), а мы идём и грызём её, ужас! А потом как желудок давило! Редьку сообразить наестся на желудок голодный!

А потом мы дошли кое-как до Обьгэса, дальше сил бы у нас не хватило, до Бердска бы не дошли: уже было темно. Подходим к барaku, где Витькина мать жила, он стучится — никого дома нет: а мать тоже ушла куда-то гулять. А он говорит:

— Стойте пока тут.

А мы по дороге фотографировались, у Витьки был фотоаппарат. Валька держит тут фотоаппарат, всё... А он полез через форточку домой. А высокое тоже крылечко! И вот он лезет, и мать идёт — и подумала, что жулики: темнота же голимая! Как заорала! А Витька как от страха упал оттуда, с форточки! Потом кое-как разобрались. Мы у них заночевали, а утром встали, пошли дальше. Сначала меня довели, потом Люба дальше пошла: они за мостом Шаринским жили.

Боже спаси, чтобы про религию сказать в то время! Были настолько затюканные! Никогда ничего про религию не говорили, ничего не делали. То ли боялись, то ли что? Это мы уже в Бердске жили, на кордоне, в лесничестве. И было какое-то чудо! Я пошла в бор, корова у нас была — погнала её пастись. И вдруг прямо в глухом-глухом бору (там же только наш кордон — несколько домиков, жили лесники там всякие, а потом далеко-далеко от нас по берегу, жили... санаторий там, туберкулёзники лечились. Ну, а мы тут, на окраине). И вдруг я нахожу в бору складень. Из бронзы, что ли, или из латуни, наверно. Красивый, прямо, складень! Я прямо обезумела! И, помню, его нашла — ну, новый, совершенно новый. Вот как он оказался там — я не знаю... В лесу, в бору... Главное, там ни дорожек нет, чтобы кто-то проходил бы да потерял... Ну ничего. Так я этот складень, помню, сложила, спрятала. Тащила где-то, чтоб никто, Боже спаси, не узнал, что я нашла! Ой, какие вот дураки забытые! И вот я до сих пор жалею. Когда я поехала в техникум-то учиться, дома оставила где-то, спрятала, а потом, видимо, Сорокин нашёл... Какая дура, нет, чтобы взять с собой! Боялись: комсомольцы, куда потащишь с собой иконку-то?!

И Юрка на этом же месте (пошёл в следующий раз корову пасти) нашёл крупную денежку! По тем временам сотенная, что ли, была? Помню, что самая большая денежная купюра, и он её нашёл. Новая, совершенно новая, и на этом же месте. Домой принёс, говорит:

— Я деньги нашёл.

Рассказал где, а я говорю, что и иконку там же нашла. Прямо вот чудо какое-то! Откуда деньги взялись? Новые купюры... Жалко, один раз только!

53-й год. Я уже в техникуме училась. У нас был урок какой-то... А я в то время была комсоргом. И вот Сталина у нас портрет висел на лестнице, в проёме. Лестница у нас широкая была. И вот площадка, и от одного этажа до другого полностью вся стена была — портрет Сталина в полный рост. И вот преподавателя с урока кто-то вызвал, в дверь. Потом он идёт такой грустный, мел положил на доску, руки отряхнул, не поворачивается к нам... Потом повернулся и говорит:

— Сталин умер.

Таким тоном... Мы все, прямо, замерли, сидели на уроке. И почему-то все встали и куда-то пошли, неизвестно куда. И он пошёл, и мы пошли: зачем, куда, чего? Потом в эти же дни кто-то чернила-

ми обила портрет Сталина. Ой, ну кто такой смелый тогда оказался, за что?.. Ну, в общем, обили. И особенно комсоргов, нас, помню, ну, затаскали:

— Выискивайте, кто это сделал!

Всё обошлось, никого не наказали.

Потом была траурная линейка. И я повела себя нехорошо, это всё мои подружки-юмористки. Я стояла в первом ряду. Новый портрет Сталина поставили на сцену, и около портрета с двух сторон кто-нибудь нёс вахту. Мы в зале все стоим, нам тут траурные всякие эти рассказывают.. А эти молча меняются: с одной стороны станет ученик, с другой. И всё это так траурно, так трагично... И все такие серьёзные... Ну, всё было нормально, пока не встал в этот самый траурный пост Гилёв. Ой! Ну, этот Гилёв — наверное, метр росту, худенький, нос у него длинный, весь такой худощавый, нос острый... Ну, на него только смотреть!!! Буратино-Буратино! И, главное, до этого, до них, стояло два парня высоких таких, здоровых! А они сзади подходят и вот так вот рукой по плечу постукают, и вот этот-то в сторону отходит, а другой становится. И вот этот здоровый в сторону отходит, ещё не ушёл, а этот Гилёв встал рядом. Ну, это была такая юморная картина, прости меня, Господи! Такая траурная линейка, а нас как одолел смех! Это ужасу подобно! Я думала, меня в тюрьму посадят после этого. А Валька-юмористка за моей спиной стоит, а Любка рядом... А Валька ещё что-нибудь вставит, прокомментирует! Это кошмар прямо! Я стою, уже не знаю, куда деваться: точно, меня уже в тюрьму посадят! Так переживала, ужас! Ну, кое-как эта кончилась линейка, всё обошлось благополучно, не посадили.

Маму грыжа беспокоила всё, болела. Она надсадилась: всё что-нибудь косили, сено... Всё она сама, с огородом с этим, всякие тяжести таскала. И заработала себе грыжу паховую. Я в техникуме первый год отучилась, приехала на каникулы в дом. Дом как раз новый построили, из барака ушли. И вот мама говорит:

— Ну, теперь летом ты тут сама хозяйничай, вот тебе корова, вот тебе всякая скотинушка...

И всё убрала-прибрала, повесила шторочки.

— Пойду, сделаю операцию, а то уже надоела грыжа.

И пошла на операцию она — и не пришла.

Ей сделали операцию когда — всё нормально. Мы с отцом пришли в больницу, её как раз выкатили после операции на каталке, провезли мимо нас. Нам сказали: «Идите, всё нормально», — мы уш-

ли. Бабын делал операцию. А потом вечером, видимо, она пить захотела (а после операции ж нельзя пить!), и то ли новичок была тётка, то ли у неё ум за разум зашёл (нянечка, пол мыла). И мама попросила пить. А стояла не то что вода, а какао холодный, и она маме дала этот какао. И она попила, и у неё началась непроходимость кишечника. И ей ночью стали делать вторую операцию. И, как говорила медсестра (жена нашего лесничего, где мы жили), ей дали лишний наркоз. Наверно, побоялись, что вторая операция подряд, что ли. И она, когда её на вторую операцию повезли, просила, чтобы сказали родным. Но никто нам не сообщил, что такая ситуация, могли бы в контору лесничества позвонить. Сделали ей операцию, - и она уже не очнулась, умерла.

А я в это время... Верь — не верь в эти приметы, вот что это за случай такой был?! В это время у нас бабушка жила, мамина мать. А я, как пришла с больницы, вымыла голову. А жарко было, июль же был. А во дворе бор был и загородка, и брат Юрка спал во дворе - у него там кроваточка была. И он там спал под навесом. Я голову вымыла, все уже спать легли, а я около окна. Темно же, и как будто в зеркало смотрю, голову расчесываю. Было где-то два часа ночи. И прямо в это время — р-раз! — как будто кто-то пригоршню гороха бросил в окошко и пробежал мимо меня в белом в чём-то. Я — раз стерпела, думала, Юрка балуется. Маленько погодя опять такое явление: промелькнуло, и горох будто по стеклу рассыпался. И третий раз. Я тогда уже испугалась: что к чему — ходит, меня пугает! Выскочила на улицу, побежала к Юрке-то, подскочила, начала его тормошить. А он спит беспробудным сном. Я поняла, что это не он.

Пришла домой и говорю бабушке:

— Бабушка, вот так и так. Я думала, Юрка, а это что-то не знаю, кто меня так пугает?

Она сразу как запричитала:

— Ой! Ой! Ой! Это что-то с Татьяной!

Потом она пошла, отца разбудила, он туда поехал - в больницу, и в пять часов утра сказал, что мама умерла...

1955-й год. По технологической части, по механической (забыла) был какой-то инженер с «Сибсельмаша». А нам Гавриил Николаевич — он у нас как бы старший был, говорил:

— Будете защищать диплом, так смотрите, вы же «защищаете» - запомните это слово. Правильно, неправильно, но бейтесь до последнего.

Как он говорил, «стучите копытами». И вдруг (я-то вот как раз диплом уже защищала) на защите чертежи развесили большие, эти ватманы, всё... И сама вдруг чуть не обалдела: увидела ошибку! А вот тот-то консультант по технологической ничего не заметил, ничего не сказал, что у меня ошибка. Мне надо было спроектировать какой-то штамп для высечки фланцев. И я ещё не начала рассказывать, глянула и поняла, что у меня штамп-то будет всё в брак гнать, фланцы-то: чертёж начертили — и получается там, что... Так ведь я ж это заметила, это ж тоже мне надо в плюс, вроде как, да? У меня, конечно, ноги ватные сделались, я стою ни жива, ни мертва. Думаю: «Боже мой, Боже мой! Всё, сейчас не сдам ничего». А потом вспомнила слова этого-то, Гавриила-то... Ну, и рассказываю, рассказываю, так храбро, всё... А один дядька тоже заметил, какой-то из комиссии, и говорит:

— Скажите-ка, милая девушка, а у вас браку-то много будет?

Надо было сказать: «Да все будут!» (ну, это юмор). А я говорю:

— Да нет, вот первые две, когда подаёшь металл, лист металлический, или не настроено... (в общем, какую-то ерунду порола) вот они бракованными будут, а потом — нормально.

Они переглянулись, заулыбались — ну, поняли, что я выхожу из положения. И поставили мне четвёрку за защиту диплома. А потом выскочил этот Гавриил в коридор и говорит:

— Ну, ты молодец! Тебе четвёрку поставили, знаешь, за что? За храбрость! Что ж ты так?

— А что он мне ничего не подсказал? Я, - говорю, — сама обалдела! Я сама же ведь увидела эту ошибку-то, уже у доски прямо.

Вот так и закончила учёбу.

Е. А. Видяпина

«ЛЮБКА, НЕ СПИ!»

РАССКАЗ А. Д. ЧЕПЕЛЕВОЙ
О СВОЕЙ ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ

Парамонова (в замужестве Чепелева) Любовь Даниловна родилась 11 сентября 1932 г. Живёт сейчас в пос. Чаны — районном центре Новосибирской обл., на пенсии. На момент беседы со мной в 2003 г. ей было 70 лет.

Это полноватая доброжелательная женщина, всё лицо которой испещрено морщинками. Всю сознательную жизнь она трудилась, да и сейчас не любит долго сидеть без дела. Рассказывает о себе скупо. Считает, что в жизни её не произошло ничего значительного — обычные, малоинтересные трудности — как у всех. Но на навоящие вопросы Любовь Даниловна отвечает охотно. О людях знакомых, родственниках (многих нет уже в живых) говорит с теплотой. Вспоминает о них, и теплеет в глазах, немного разглаживаются морщины. Она как будто там, вместе с ними.

Рассказ о жизни Любви Даниловны записан мной с её слов, но не дословно. Записанный рассказ ей понравился. Прочитав его, она сказала: «Как будто не про меня, но всё верно». Насчет возможного опубликования долго думала и сказала: «А кому сейчас это интересно? Есть намного интереснее судьбы». Так и не ответила ни «да», ни «нет».

Елена Видяпина.

1.

Есть в Венгеровском районе Новосибирской области село Туруновка. Это очень красивое место — знаменитые сибирские берёзовые рощи, где растут земляника, клубника и грибы. В самом селе протекает речка¹, название которой уже стёрто в памяти, так как ещё совсем младенцем были покинуты эти места. Вот в этом селе и родилась озорная, бойкая девчужка Любушка, Любава Парамонова.

---

¹ Туруновка стоит на речке Каме, притоке р. Омь.

Так как её родители переехали жить в Чаны, когда ей исполнилось всего три года, то воспоминаний четких не осталось о том времени. А и некогда было вспоминать: вся жизнь — сплошные преодоления препятствий.

Врезались в память не очень сытная жизнь, смутные очертания дома, где жила с родителями, лица дедушки и бабушки, которые жили через стенку с молодой семьёй. По рассказам её матери, Люба просила у бабушки через стенку: «Баба, дай молока», и сама же себе отвечала: «Не даст молока». Дея был прижимистым — так по-своему он воспитывал в молодых Любиных родителях самостоятельность.

Отец Любови, Парамонов Данил Петрович, работал в этом селе в сельпо рабочим. Почему он в то время не был колхозником, Любовь Даниловна не знает.

Мама — Мария Егоровна, в девичестве Сиватова, была родом из села Покровка Чановского района Новосибирской области. Ещё совсем маленькой девочкой её отправила мать в Туруновку наниматься в няньки. В семье Марии было шесть детей, отец рано умер, и прокормить столько душ бабушке, бедной женщине, было не под силу. Так и оказалась Мария в Туруновке, где её присмотрел такой же бедный, но красивый местный парень. Самостоятельную жизнь помогли наладить молодые родители мужа, определив им жильё во второй половине своего дома.

Про дедушку Любовь Даниловна помнит плохо — только то, что был суровым, прижимистым, и мог приложиться к рюмочке, хотя запойным не был. Бабушка же, наоборот, запомнилась доброй, так как лечила детей деревенских заговорами, травами и была глубоко верующим человеком, очень трудолюбивым. Она имела свой ткацкий ручной станок, который назывался «кросна». Ткала половики, холст, из которого и шилась домашняя одежда.

Мать Любови Даниловны была домохозяйкой, и очень хорошей. Она прекрасно готовила всю свою жизнь, стирала, умела шить, вязать, пряхать, и до самой своей смерти владела всем этим очень хорошо. А умерла она в 80 лет на руках у своей старшей дочери Любови, с которой прожила последние годы. В своё время Мария Егоровна так же похоронила свою свекровь, доживавшую свою жизнь с ней.

Жила молодая семья бедно. В июле 1934 года у Любови родилась сестра Анна. Жить стало ещё труднее. И в 1935 году семья из четырёх уже человек, продав весь свой нехитрый домашний скарб,

переселяется жить в Чаны, где уже живёт старшая сестра Марии Егоровны, которая и переманила их туда. Начинается совсем другая, необычная жизнь для трёхлетней Любавы.

Первое время семья жила по квартирам. Данил Петрович устроился на пекарню — пекарем, на хлебное место. Был на хорошем счету, и его послали учиться. Потом продолжал работу уже в качестве кондитера.

Жизнь стала немного налаживаться. Купили дом-пятистенок, завели огород, баню. В 1937 году родился брат у Любавы — Александр, а в 39-м — ещё один, Николай. Сформировалась нормальная по тогдашним понятиям семья. Налаживалась помаленьку жизнь. Росла семья, рос, хоть и медленно, достаток в семье.

Так как Мария Егоровна была хлебосольной хозяйкой (хоть и бережливой), у них постоянно останавливались туруновские жители — не забывали своих односельчан. А семья Парамоновых никого не обижала, всех пускала к себе в дом — кого просто переждать время до поезда, а кого и на ночлег.

Жизнь была хоть и трудная, но интересная — на улице, где поселились в основном переселенцы из Покровки, из села, где родилась Мария Егоровна. Сюда же переехали её сестра и сестра Данила Петровича. Жили дружно, помогали всем, соседи — соседям, родичи — родичам. Песни, посиделки, игры — по праздникам...

Весной 1941 года семья Парамоновых решила строитьсь. В помощь взяли к себе двух безработных односельчан из Туруновки. Стали разбирать старый сруб. Уже разобрали его до окон, когда объявили о начале войны.

2.

Война! Это слово для 9-летней Любавы было очень неприятное, если сказать мягко. Первый, старший ребёнок в семье. Отца забирают на фронт, дом наполовину разобран. Ещё трое младших детей и безработная мать. Вот что значило слово «война» для Любавы Даниловны тогда, а сейчас ещё добавляется и непонимание: как можно было всё вынести, пережить.

В первые месяцы войны Данила Петровича забирают в армию. Ему и, конечно, семье крупно повезло — забрали его не на военные действия, а на восток, там он служил поваром. Служить пришлось только до 1944 года. Заболел. Отнялись ноги от непривычного климата, от долгого стояния на ногах (повар — дело ответственное в

армии). Долго лежал в госпитале, а выздоравливать отправили с сопровождающими в семью, домой.

А семья, оставшаяся без хозяина, налаживала свой быт. Дом с помощью соседей и нанятых людей доломали, построили новый и стали жить. Мария Егоровна устроилась работать прачкой в железнодорожный родильный дом. Стирала на дому, так как дети младшие были ещё маленькими. Получала за это какие-то деньги. Да за то, что глава семьи на фронте, и четверо детей, государство платило 75 рублей (это запомнилось Любове Даниловне почему-то до сих пор).

Жили всё равно голодно, еды не хватало. Ели траву, собирали мёрзлую картошку и делали из неё лепёшки. Мария Егоровна ходила на мясокомбинатовскую каньгу¹ — искала «рубашки»², что-то варила, готовила из них. Помогал природный талант в приготовлении пицци. Помогло и гостеприимство: за то, что колхозники из Туруновки постоянно оставались у Парамоновых в Чанах ночевать, колхоз на лето выделял им корову. На ней ездили в поле косить сено, привозили дрова.

Косили вручную, складывали, сгребали всё женские и детские руки. Любове Даниловне запомнилось, как они с матерью на этой корове ездили за сеном. Вставать приходилось очень рано. Накладывали в телегу копну сена, Любаву мать сажала верхом на копну, а сама шла пешком рядом, всё время крича: «Любка, не спи!». Она боялась, что ребёнок, вставший очень рано, наработавшийся на свежем воздухе, уснёт и упадёт с воза. Так всю дорогу и ехали до самого дома.

Ещё запомнилась Любове Даниловне поездка в Туруновку по ягоды на быках. Останавливался у них на ночлег ссыльный калмык из Туруновки, который возил на колхозных быках горючее из Чанов. С ним и отправили туда и обратно 10-11-летней девочку.

На зиму корову забирали обратно в колхоз. Семья лишалась помощницы и кормилицы. Мария Егоровна так же с оказией ездила в деревню обменивать последние вещи на картошку и другие продукты. Одежду шила сама, ткань ткала и давала свекровь. Вот так и жила эта семья — не лучше других.

[...]

---

¹ *Каньга* — место, куда мясокомбинат вывозил не утилизированные внутренности крупного рогатого скота.

² *Рубашка* - один из видов таких внутренностей.

После возвращения отца и полного его выздоровления жизнь потихоньку налаживалась. Данил Петрович устроился работать на маслозавод — завхозом. Мария Егоровна продолжала стирать на роддом и смотреть за своими детьми.

Школьные годы сестёр Парамоновых пришлись на военные годы. Любава успела закончить второй класс до войны, а её сестра пошла в первый класс в 1941 году. Во время войны учиться было трудно. Во-первых, голодно, во-вторых, самая старшая — вся помощь серьёзная по дому на ней, так что на уроки оставалось мало времени. Но дети есть дети. Успевали и к подружкам сбегать, и в любимые игры поиграть. В школу с сестрой ходили по очереди — была одна пара обуви. Для этого Мария Егоровна упросила оставить Любаву на второй год, чтобы девочки ходили в разные смены. Всё это сейчас вспоминается с горьким юмором. Наверное, с этой поры заложено было у сестёр на всю жизнь стремление иметь одежду хоть и из одного материала, но разную, чтобы люди не подумали, что они ходят в одном и том же. [...]

Мария Егоровна по своему складу характера хоть и сильная, домовитая женщина, но как мать была мягкая и не строгая. Вся полнота воспитания детей легла на плечи старшей дочери в семье. Её и сейчас, 70-летнюю сестру, 64-летний брат зовёт «няня». А в детстве и особенно в юности сестра и братья звали «Поцелковной» — за то, что им доставались не только легкие толчки за провинности.

А так ребята очень были дружны, больших разногласий и споров у них не было. Защищали, выручали друг друга, как в детстве, так и в юности. И сейчас братья, которые живут в Чанах, не бросают свою «няню» в беде, всегда помогут и делом, и материально. Поэтому, что помнят заботу в детстве, защиту в юности, и особенно то, что она, самая старшая, не стала дальше учиться. Закончив семилетку, пошла работать, чтобы дать возможность выучиться младшим братьям, которые окончили Куйбышевский сельскохозяйственный техникум на механиков.

В юности, вспоминает Любовь Даниловна, братья применяли такую тактику в клубе на танцах: сами пригласят по очереди сестёр, попросят друзей и, смотришь, пошли «женихи» косяком. Уже будучи взрослыми, раскрыли они перед сёстрами свою хитрость. Да и не очень нужна она была, - если только для самых робких «женихов», так как сёстры были высокие, статные, красивые девушки, работающие, рукодельницы. У Любове Даниловны до сих

пор сохранились наволочки с прошивью из кружев, связанных её крючком. И наволочки, вышитые её сестрой, которая делала это мастерски.

Ребята в юности увлекались фотографией, поэтому очень много снимков той поры (члены семьи и друзья) в альбоме у Любови Даниловны. Хорошо играли на семиструнной гитаре, а Николай Данилович до сих пор прекрасно поёт «под Тропшина».

3.

Трудовая жизнь у Любови Даниловны началась в 14 лет — её взяли учеником лаборанта на маслозавод. Потом, выучившись, она стала пешком ходить по деревням, делать анализы молока. Её предлагали послать учиться дальше, но семье была нужна помощь, а отпускать одну пешком по лесам взрослеющую, хорошеющую дочь Мария Егоровна отказалась.

5 октября 1949 года Любовь поступает на работу в Чановский узел связи почтальоном. Это первая запись в её трудовой книжке и последняя, дальше только переходы внутри этой организации. Отсюда же она ушла на пенсию в 1987 году. Тридцать лет на одном месте — такое бывает в жизни далеко не у каждого.

В трудовой книжке, где сведения о поощрениях и награждениях, не хватило места — вложен вкладыш. Любовь Даниловна награждена медалью «Ветеран труда», медалью «За трудовое отличие», знаком «Ударник 11-й пятилетки».

В 1957 году Любава встретила свою единственную любовь. На вечеринке у друзей ей понравился высокий, красивый, с пышной шевелюрой парень. Он был душой компании, много шутил, пел, танцевал, играл на гитаре. Постепенно завязалась дружба, а затем и любовь. Тем более, что Чепелев Александр Фёдорович работал в том же узле связи — сопровождающим машины с почтой.

Год встречались, ходили в кино, на танцы, вместе с друзьями отдыхали на природе. И в 1958-м сыграли свадьбу — скромную, но весёлую. Подарки были скромные, только тётя Любови Даниловны подарила тёлку. Жених сделал сам себе приданое: стол, три табуретки, этажерку. Невеста принесла в семью кровать, бельё, утварь домашнюю, шторы. Дали им сначала однокомнатную квартиру, а когда родилась первая дочь и взяли к себе жить мать мужа, узел связи купил им небольшой дом — комната и кухня. Потом, когда второй дочери исполнилось 5 лет, переехали ещё в один дом, который тоже купил узел связи, — побольше, с хорошим огородом и садиком.

Жили поначалу трудно, скромно. Да и кто в то время жил в достатке — единицы. Работали, Анастасия Корнеевна приглаживала за девочками, за хозяйством. Это свекровь Любавы, которая прожила с ними до самой своей смерти. Жили дружно, не ругались, не спорили. Любовь Даниловна теперь каждый год отмечает день памяти своей свекрови, до сих пор вместе с дочерьми вспоминает её добрым, тёплым словом. [...]

В семье Чепелевых любили трудиться: и на работе они на хорошем счету, и дома по хозяйству у них полный порядок. А зимними ненастными вечерами слушали музыку — у них был проигрыватель вместе с радио, которое «ловило» много городов. На Пасху ловили пасхальный молебен для Анастасии Корнеевны. Все вставали в 6 утра — разговлялись и слушали церковное пение.

На досуге играли в карты, позже был приобретён телевизор. Анастасия Корнеевна всё не верила, что там показывают настоящих людей. «Это чурки с глазами», — говорила она, а сама часами сидела около телевизора.

Александр Фёдорович и Любовь Даниловна плели салфетки из ниток «Ирис», тогда они были в моде. Анастасия Корнеевна вязала кружева, носки, а себе — особые шерстяные (из овечьей шерсти) длинные чулки. Она и внучек с пяти лет приучила к спицам.

Летом ездили за грибами, за ягодами. Сначала — один Александр Фёдорович на велосипеде, позже купили мотоцикл без коляски, ещё позже — с коляской, и тогда уже к лесу стали приучать дочек.

Если отмечали праздники застольем, то оно всегда было большое - собирались все родственники, друзья, соседи. Всем было весело: песни, пляски, гармошка, розыгрыши. Это был очень гостеприимный дом, сюда съезжались родственники Любови Даниловны из Новосибирска, Казахстана, Украины. С Дальнего Востока приезжала старшая сестра Александра Фёдоровича — всем было место.

Часто в выходные летом на электричке ездили отдыхать на озеро курорта «Карачи». И всех приехавших издалека гостей обязательно возили полюбоваться этим озером и принять на курорте лечебные процедуры.

4.

Сейчас Любовь Даниловна живёт одна в благоустроенной квартире. Дети и внуки навещают, но не часто — у всех свои дела, свои заботы. Но рядом соседи, которые всегда хорошие, всегда отзывчи-

вые. Любви Даниловне в этом всегда везло: там, где приходилось жить, не было плохих людей, все дружили, выручали друг друга. Конечно, самых дорогих людей — мужа и родителей — уже нет в живых. Но есть братья, есть сестра, дети, внуки, друзья, соседи, сослуживцы, которые и сейчас не теряют связь с Любовью Даниловной — звонят, приходят, приглашают в гости.

В подготовке текста к печати участвовала А. В. Ерошкина.

М. А. Баянова

«БЫЛО И ХОРОШЕЕ, И ПЛОХОЕ...»
ВОСПОМИНАНИЯ Р. И. КОРЧАГИНОЙ

Раиса Ивановна Корчагина — очень энергичный человек. Несмотря на годы, она ещё работает по своей специальности птукатуром-маляром. Успевает помогать своим детям и воспитывать внуков. Участвует в художественной самодеятельности, поёт в сельском хоре «Радуга» и ездит с выступлениями по Новосибирскому району.

Раиса Ивановна родилась в 1940 г. Проживает сейчас в Новосибирском сельском р-не, в с. Верх-Тула — это в 10 км от Новосибирска.

По моей просьбе Раиса Ивановна писала собственноручно эти мемуары в конце 2005 г., припоминая рассказы своей мамы Ульяны о её родителях. Написала про годы до и после революции, во время войны и после. Но о своей семейной жизни не написала — это слишком личное.

Март Баянова.

Мой дедушка по материнской линии Даурцев Кирилл и бабушка Быкова Авдотья Прокопьевна поженились в 1903 году. Дед только что вернулся со службы, а служил он в морском флоте семь лет. Они проживали в Верх-Туле, их родители также жили в Верх-Туле (ранее это село называлось Сотанино — почему, не знаю). В 1904 году родилась у них девочка, её называли Нюрой, через год с небольшим появился мальчик (имя его не знаю), а через полтора года появилась на свет ещё одна девочка, её называли Уля, — это была моя мама.

Семья жила небогато, но по тем временам неплохо, дед работал в кузнице, бабушка работала на дому. Семья была дружная. [...] Но счастье их было недолгое. В 1912 году дед подковывал коня, и окалина попала ему в глаз, а через год также подковывал коня, ему в другой глаз попала окалина. Он совсем ослеп, это горе сломало его ... и в 1914 году он умирает. Бабушка осталась одна с тремя детьми на руках.

Чтобы хоть как-то прожить, она в [соседнее село] Ярково отдала богатым в няни старшую Анну, а младшую взяла в Верх-Туле (были

богатые Плотниковы), и моя мать в 7 лет уже нянчилась, зарабатывая этим себе кусок хлеба. А когда у Плотниковых ребёнок маленько подрос, её отдали в няньки в [волостное село] Кривощёково, и так из рук в руки ... так же и старшую сестру Анну.

Когда началась революция, часто менялась власть. Мама рассказывала: спать ляжем, вечером «красные» стоят на постое, а утром проснёмся — уже «белые». Вспоминала мама - «белые» казаки в красивых мундирах, в папахах и чубатые такие. Приносят молока ведро, яиц, муки, и на бабушку говорят:

— Матка, пеки нам блины!

И она готовит, бедная, вся в поту, пока не накормит их. А когда они наедятся, то старший из них вылезает из-за стола, помолится на образа и говорит:

— Матка, корми детей.

Так они не забирали нас, говорит мама. А вот у кого она нянчилась, так малышку затутушкивали¹. Так если они, [хозяйева,] увидят, как казаки идут в избу, они на полати прятали маму и малышку, и та хоть и маленькая, а понимала... А казаки заходят и сразу спрашивают:

— Матка, где малая?

Она им отвечает, что спит. Они не трогали и, не дождавшись, когда проснётся, уходили.

В 1917 году мама жила в Кривощёково, когда начался тиф. Бабушка и паренёк заболели тифом. С посыльным мама сообщила, что её мать заболела, и Уля пошла домой. Вечером добралась до дома, а наутро её «скосил» тиф. Сколько она пролежала, она не помнит, а когда пришла в сознание, то ни матери, ни братишки уже не было. И осталась она с сестрой [Нюрой] одни. Лёлька², как мы её звали, не знала о смерти матери и брата. Она жила в няньках далеко, и ей сообщить некому было...

Когда мама пришла в себя, в посёлке была советская власть. Её забрала к себе дедушкина двоюродная сестра и стала её опекуном. Нашла, кому нужна была няня, и отдала её сапожнику. Семья оказалась очень хорошая, и держали её, как родную дочь. Хозяйку звали Наташей, куда бы она ни пошла, всюду брала с

---

¹ *Затутушкивали* - в данном случае - излишне нянчили, забаловывали ребенка, играя с ним.

² *Лёля, лёлька* - обычное в Сибири обращение к крёстной матери (как и к крёстному отцу); в качестве таковых часто выбирались родные и двоюродные тётушки.

собой маму: продавать ли обувь, или за покупками. Так она прожила у них до 15 лет.

Когда исполнилось 15 лет, за мамой пришла тётка Марья (опекунша). И увела её домой, где её ждал сюрприз. Когда пришли домой, за столом сидел молодой человек — тёмно-русый, с усиками и небольшими чёрными глазами. Ему было 27 лет. Когда вошли в дом, тётка Марья сказала:

— Вот, Ваня, тебе невеста. Если нравится, я вас благословляю.

Мама стала плакать, умолять тётку, чтобы она не отдавала её за муж, но тётка ей сказала:

— Вот так, Ульяна. Или ты выйдешь замуж за Ивана, или твоя нога не переступит больше этот порог.

Мама заплакала и пошла к своей хозяйке. Наташа предложила ей оставаться жить у них, но ослушаться тётку мама не могла. Так она стала женой Ивана, то есть моего отца.

Расскажу про отца. [Он был родом из Нижегородской губернии.] Его родителей звали Корчагин Андрей и Корчагина (Базеева) Дарья Павловна. Бабушку по отцу выдали замуж за вдовца, у которого от первого брака было двое детей. Старшая дочь была почти ровесница моей бабушки, а бабушке было неполных 16 лет. Дед мой был «крепкий» мужик¹. Бабушка родила ещё пятерых: Александру — в 1893-м, Ивана — в 1896-м, Акимью — в 1900-м, Афросяню — в 1908-м...

Деда убил в драке сосед - ударил стяжком за то, что деда хотел заступиться за жену соседа, которую он начал бить. Сосед схватил стяжок и опоясал деда. Его принесли домой, он пролежал сутки и на следующий день умер. Когда схоронили его, у бабушки стало не хватать хлеба в доме. Семья большая, а что были запасы — все вышло. И пришлось ей посылать «по миру» старших детей, в том числе и отца.

Отец при бабушке закончил четыре класса приходской школы. Ему было стыдно побираться, и тогда он нанялся в соседнее село к богатому в работники. А в 1914 году его взяли в солдаты в царскую армию. До революции так и воевал. У унтера был денщиком.

Когда началась революция, он служил у Деникина (вроде). Где-то там. Потом перешёл на сторону «красных». Как-то во время боя они попали в плен. Их посадили в сарай и наутро должны были

---

¹ «Крепкий» мужик - в данном случае - зажиточный, глава достаточного домохозяйства.

расстрелять. Всю ночь молились, а утром напали махновцы и отбили пленных. Потом их переформировали, и он попал в Сибирь, воевал с Колчаком.

В Новониколаевске уже была советская власть. Под Томском их отряд попал в окружение, и почти все погибли, осталась небольшая группа. А чтобы выйти из окружения, они разбились на мелкие группы и стали пробираться в Новониколаевск. Напарника ранили, и он умер у отца на руках. После того, как остался один, стал идти ночью, а днем скрывался в лесу... Этот путь одолел за три дня. На четвертые сутки весь изодранный, усталый пришел в Новониколаевск. Нашел квартиру у маминой тётки и пошел работать кошмовалом¹. Тогда он занимался борьбой, был невысоким, коренастым и сильным. [...]

В кошмовальной артели отец завоевал уважение, впоследствии его поставили председателем артели. Вот тётка Марья его полюбила. Он был вежлив, не курил, не пил и был весельчаком. Вот она и решила его женить на маме, что она и сделала.

Прожили они с мамой пять лет хорошо. Папа жалел маму, не пускал её на работу, она платила ему тем же. Несмотря на свою молодость, она умела всё делать. «Хождение по нянькам» всему её научило: прясть, вязать, шить, стирать. Когда отец уходил на работу, она ходила на базар — что нужно, купить для пирожков. Настряпает, и обед [отцу] несет. Кошмовалы все удивлялись и говорили отцу:

— Ты смотри-ка, Андрей, у тебя жёнка такая молодая, а такая молодец.

Мама была высокая, с большими серыми глазами, курносый носом и с кудряшками. Молодые кошмовалы стали шутить над отцом, что «отобьют у тебя жену». И отец стал её ревновать.

Когда не пил, не показывал свою ревность. А когда его поставили председателем артели, он мало-помалу стал втягиваться и привыкать к вину. То магарычи, то какие-нибудь вечеринки. Стал вышивать, и, естественно, изменять. Где банкеты, там и любовницы. Отец стал обижать маму, потом его сняли с должности. И началась его «гастролёрная» жизнь.

Из Новосибирска поехали в Омск, потом в Томск. В 30-х годах решил съездить поработать в Узбекистан, и мама с ним поехала. Дети рождались чуть не каждый год, но Бог не давал им жизни. В Самарканде у них родилась девочка Галя. Ей уже было два года, они

---

¹ *Кошмовал* - мастер по выделке кошмы, войлочных материалов из шерсти.

переехали в Андижан, и там Галя заболела корью. Отец не разрешил везти её в больницу. Там, говорил, её колоть будут. Мама не осмелилась ему перечить, и через три дня Галя умирает.

Мама, конечно, была в отчаянии, но отцу она не смела сказать и слова. К тому времени он совсем изменился: из доброго, хорошего парня стал деспотом, которому никогда не угодить. А ко всему в Узбекистане начался страшный голод, народ начал умирать. Мама рассказывала: пойдёшь на базар, а на обочине сидят и лежат опухшие от голода люди. Женщина лежит без сознания, а по ней ползает ребёнок. Страшные картины становятся перед глазами. Мама тоже опухла от голода, и врачи отцу сказали:

— Если хочешь видеть жену живой, срочно увози её отсюда.

И они уехали снова в Новосибирск.

Потом у отца случилась парализация центральной нервной системы, а через некоторое время он заболел ревматизмом кости. Откликнулась гражданская война, вся простуда «вылезать» стала. Стали руки болеть сильно. Косточки — фаланги пальцев — стали выпадать, и к 40 годам отец стал инвалидом. На месте сильных рук появились культишки. Он стал совсем сердитым, несдержанным. А мама как нянька была у него, все выпадки переносила молча, не смея возразить ему. Он стал выпивать изрядно, а когда выпьет, становился невыносимым. Несмотря на то, что стал калекой, он изменял маме. А иногда и бил, если она не успевала убежать.

В 1935 году у мамы родился по счёту девятый ребенок, мама снова назвала её Галей. Галя росла баловнем, потому что и у маминной сестры Анны тоже умер ребёнок, а больше детей не было. И Галя в их руках была, как игрушка.

А до 1935 года они успели съездить в родной [для отца] Арзамас. Они прожили там три года, тут и появилась Галя. Пока они жили в Арзамасском районе (село Ваняево), у него произошла вторая парализация. Когда отец поправлялся от парализации, они уехали снова в Новосибирск.

В 1940 году я родилась в селе Верх-Тулге. Мама меня назвала Раей, в честь дочери своей последней хозяйки, которую любила, как родную мать. (Она всегда так тепло о ней рассказывала, как она её всему научила и была к ней очень добра и ласкова.)

Когда началась [Великая Отечественная] война, как и всему народу, стало очень тяжело жить. Нас спасала корова. Несмотря на это, в два с половиной года из пухлой толстушки я превратилась в страшного лягушонка (так меня называли). Откуда-то поя-

вилась большая голова, живот огромный, а руки и ноги — по солонинке. Мама говорила: ляжешь, ноги закинешь за уши — натуральная лягушка.

В то время у нас ночевали беженцы, и женщина научила маму, чем меня лечить. А когда к нам зашли беженки, они меня напугались. И одна сказала маме:

— О, милая, это что у вас с ребёнком?

А мама заплакала и говорит:

— Вот нет на неё ни живота, ни смерти. Хоть бы умерла, что ли!

И одна из них спрашивает, есть ли у нас картошка. «Грите крахмал, и этим крахмалом поите ребёнка», — сказала женщина. Мама так и сделала, стала поить меня крахмалом, и месяц за месяцем я пошла на поправку. Я стала снова ходить и на радость родителям выздоравливать.

В 1946 году я пошла в школу... Доходила до холодов и бросила. А в 1947-м весной у нас родился мальчик, его назвали Володей. Осенью я снова пошла в первый класс, но мне опять не повезло. В октябре меня покусала собака, и у меня пошло заражение, я болела до Нового года. Естественно, я снова пошла в первый класс в 1948 году.

Училась я плохо. Может, из-за того, что отец часто выпивал и гонял нас. А если учитель придёт жаловаться, что я учусь плохо, тут моя задница держись. У нас всегда были ивовые прутья для разбивки шерсти, так вкус этих прутьев я узнала очень рано. И когда в гневе попадёшь отцу в руки, он не знал пощады - бил, пока не устанет. А потом я плачу, и он сидит, плачет. Он не мог владеть собой в гневе. Конечно, мы старались убежать, когда он разойдётся, но не всегда это удавалось. Попадало за всё — за учёбу, за братишку, если не досмотрим, не дай Бог, не уважительно отнесёмся к старшим. Вообще причины всегда находились.

Ко всему этому я росла озорным ребёнком, хоть и боялась отца, как огня. Расскажу из многих случаев один. Мы жили около речки при въезде в Верх-Тулу, и тут шёл охотник и потерял утку, а она оказалась живая. Я её схватила и побежала домой, а соседская девчонка, старше меня, отобрала утку и унесла домой. Разве можно перенести это! Я подкараулила, когда они все ушли, залезла через окно и похитила эту утку. Принесла домой и посадила её в котёл, в котором отец зимой катал валенки. Та девчонка (её звали Верой) обнаружила пропажу утки, пришла и говорит:

— Дядя Ваня, Райка утку у нас украла!

Отец спрашивает, где утка, а я молчу. Он снова спрашивает, а сам уже верёвку в руки взял. Я, конечно, начала говорить, что утку я нашла, а Верка отняла её у меня. Отец уже не стал меня слушать. А мама меня уже отбирала у отца, конечно, и ей здорово влетело.

А ещё один случай (конечно, всего не расскажешь). Володе было пять месяцев, Галина стирала его бельишко, мама в колхозе работала, а папа копал ямы¹. Я стала проситься искупаться, но Галина меня не отпускала, говорила: «Сиди с Вовкой, я стираю». Но я не послушалась и убежала купаться. Галина, недолго думая, побежала за мной. Я в речку, и она за мной. А в это время Володя подполз к ванне, взял мыло и наелся, и в глаза натолкал. Да ладно, соседский парень шёл на обед и забрал мальчика домой к себе. Тут отец пришёл на обед, — никого около барака нет. А сосед говорит:

— Дядя Ваня, Вовка у нас, а где девчонки — не знаю!

Отец на речку, естественно, побежал. Галина издалека увидела отца, выскочила и к соседу за Вовкой побежала, а я себе купаюсь. Когда увидела отца, схватила рубашонку и бежать. Но, как он нам говорил всегда, «сама убежишь, а задницу дома оставишь». Оно так и вышло: побежала домой, а дома уже прут ждёт меня. Отбирала меня двоюродная сестра мамы.

Вот так и шло наше детство, а в 1949 году родилась у нас ещё девочка. Родилась она больная, когда ей было 11 месяцев, она ещё не сидела на попке. Было лето — на улице тепло, мама стирала бельё. Верочка заплакала, и мама меня послала её покачать. Она была в зыбке, я её качала, а она всё равно плакала, и я решила её взять на руки. Когда вытаскивала её из зыбки, она у меня вырвалась из рук, и я её уронила на голову... Но ни мама, ни отец не знали об этом. Я положила её, кричащую, в зыбку, а когда мама пришла и взяла из зыбки её, она стала сразу умирать. До сих пор у меня в глазах эта картина стоит.

Верочку схоронили, а этот год был очень тяжкий: картошка не уродилась, за хлебом мама с отцом ходили в Кривощёково пешком (так же было во время и после войны). Мама дома — отец уходит за хлебом, отец приходит — мама уходит. А зимой на саночках обморозятся все. И вот отец пришлет письмо брату Матвею: можно ли приехать в Арзамас, и как там жизнь.

Дядя по тем временам жил очень хорошо: держал корову, овец, поросят. Он так же катал валенки. Хороший был портной, печник и

---

¹ Ямы - большие ямы.

столяр, вообще был, как говорят, от скуки на все руки. И хотя у него бала большая семья, но трое были уже взрослые, сын с ребёнком, бабушка ещё была жива. В общем, их было десять человек, из них пять работали. И дядя написал, что «приезжай, брат, прожить можно».

И вот мы поехали в октябре. А когда приехали, у нас ни картошки, ни хлеба, ничего нет. Сняли избу, и пришла пора голодать. Сестре было уже 14 лет, и она пошла работать дояркой, мама с отцом брали какие-то подрады. Люди жили там очень бедно, но, несмотря на бедность, были очень добрые. По приезду был какой-то праздник, и вот накануне этого праздника, смотрим, одна соседка идёт, несёт маленькую крыночку козьего молока и говорит:

— Уляшенька, чай, возьми¹.

Потом другая — янчек несёт. Кто картошки, кто муки — и у нас был праздник. Девчонки - мои сверстницы - пришли к нам и стали просить маму отпустить меня с ними гулять.

Вскоре я стала ходить помогать сестре, доить коров. Бывало, приду (у неё было 10 коров), натаскаем воды с водокачки, потом таскаем барду, потом плиточками корм, а потом начинаем доить. Меня сестра посадит под самую слабую и спокойную корову. Она выдоит девятую, а я все ещё одну, ну, зато хоть напыюсь молока. А хлеб был ужасный: аржаная мука, и то маленько, а то тёртая картошка. И когда его ешь, он прилипает к зубам, но зато с парным молоком было вкусно.

А дома мама сварит похлебки пустой, да этот аржаненький хлеб... А белый [хлеб], или, как его называли, из грубого размола (1 сорт) — из него по праздникам пекли ситники. А кто побогаче, пекли из молотого на вальце².

У нас там мельник был, — его дочь училась со мной в одном классе. Принесёт такого хлеба или кокурок³. Сядет в коридоре на окно и ест, а мы её окружим и просим:

— Тонь, чай, дай откусить кокурочки.

А она так важно:

— Цай, идите к цорту.

Если кому и даст, то тот уже у неё в подчиненные попадает.

Когда я перешла в 6 класс, мама и отец взяли подряд в деревне Слизнёво — лить скотный двор из глины и соломы. Из-за того, что

---

¹ Здесь и далее автор старается передать особенности нижегородского говора.

² *Молотый на вальце* - мелко помолотый с помощью специального оборудования.

³ *Кокуроч* — здесь - сдобная ватрушка или бублик.

дешёвый был материал, тогда и лили такие «липухи». Вот и скотный двор они с мамой лили, а я на лошади возила воду. Летом колхоз заряжал таких, как я, девочек и мальчишек полоть поля, мы ходили под руководством взрослых полоть. А так как там покосу мало, всю траву с полей на тачках одноколесных увозили домой, сушили скотине на зиму. А держали [тамошние жители] в основном коз, коров держали только крепкие дворы, как у нашего дяди. Таких дворов в деревне было мало.

В основном люд был бедный, и в будни почти у всех на столе была похлёбка, сушёная картошка, капуста и хлеб аржаной, наполовину с картошкой. А почему сушёная картошка на завтрак? В русской печи в чугунках варили картошку в мундире. Видно, сэкономили картошку. Сварится, её прямо из чугунка на стол, дупили, и этот завтрак был почти у всех. А что не съедали, очистят от кожуры, нарежут напополам, в плошку — и в печь. Она к обеду, родимая, как сухарики делается, её ели после похлёбки на второе с капустой, если у кого сметана есть, а нет — с постным маслом. А когда начинается Великий пост, эта еда все семь недель. И постного масла хватало пол-литра на весь пост.

Ну, зато на Пасху или Масленку, да ещё на Успенье (это престольные праздники Виняево, в других сёлах — другие престольные праздники)... И вот на Успенье гуляли всеми сёлами. Между Виняево, Спепаново и Ветошкино был пустырь, вот там и собиралось массовое гулянье. Веселье лилось — хороводы, игры всяческие. Кучками сидели, играли в карты — в «петушка», «три листика» на деньги.

А на Масленицу ряженые старые и молодые, девчата и ребята собирались на пустыре смотреть, как начинали кулачный бой ребятишки маленькие - деревня на деревню. А уж к обеду выходила молодёжь, и начинался настоящий кулачный бой — стена на стену, деревня на деревню, а по краям бегают зрители-болельщики. Ну, а которые хитрые, те из толпы выскочат, кого-нибудь шлёпнут, и опять в толпу. Получается так: посередине дерущиеся - как ручеёк, бегут туда-сюда, а по краям ручейка бережки с той и другой стороны — болельщики. И кричат, подзадоривают каждый своего. А после кулачных боёв собираются где-нибудь обе стороны, и начинаются дружеские разборки, конечно, с выпивкой. Обе стороны были честные. Если из дерущихся кто-нибудь наклонит голову, того уже не трогают. Но если заметят у кого в варежке закладку, того война садят на колено к одному из бойцов, и тогда уже ему достаётся и со своей стороны, и со стороны противника. (Но в 1956 году бои были запрещены.)

А когда начинаются Святки, вечером на улицу хоть не выходи. Ряженые везде. Для нас, ребятишек, было интересно, как взрослые веселились. Народ был беден, но веселиться умел.

На Пасху люди все наряженные после ночной службы, у всех всё настряпано, наварено, крашеные яйца. У нас братишка был совсем ещё небольшой, говорил маме:

— Когда [наступит] тот день, что на лавку не залезешь?

Люди делали специальные лотки, катали яички. Кто сколько выкатает, а кто прокатает. В карты играют кружками. Гармошки, пляски, песни, — это просто надо было только увидеть, как веселился народ.

В 1956 году мы переехали в Новосибирск; в Верх-Тулу приехали в мае. Отец взял подряд копать фундамент под клуб. Мы его выкопали то ли за месяц, то ли за полтора (не помню), а потом отец взялся окапывать колхозный сад. Мы окапывали его четверо и за месяц.

И так я работала с отцом до осени, а осенью пошла учиться в ФЗО «Росглавхлеб». Закончив ФЗО, пошла работать на хлебозавод, но долго там не задержалась, так как заболела дизентерией и стала бациллоносителем. С завода мне пришлось уйти, а так как мне не было 18 лет, меня не брали ни на какой завод. А вот на стройку взяли. Осенью 1959 года нас направили в командировку в Черепановский район, в Гилёвский совхоз, а в совхозе директор уговорил нас остаться работать у них.

Совхоз был целинный, жить было очень тяжело. Зарабатывали не более 200 рублей, на старые деньги. И нам не хватало даже на хлеб. Жили мы с семейными. Уйдем вечером, бывало, на танцы, а когда придём, есть так хотелось... А хозяйка варила пороссятам с вечера. Вот мы и пристрастились к пороссячьей еде: утром хозяйка хватится, а мы ополовинили у пороссят. Вот она нас давай рутать, а хоть заругайся — голод не тётка. Так мы понемногу стали разбегаться из совхоза по домам.

Приехала из совхоза домой, пошла работать на кир[пичный] завод (тогда он только открылся в Верх-Туле). Поработала год, меня послали учиться на мастера в Черепаново. Когда приехала, нам дали общежитие при школе строймастеров. Мне понравился коллектив. Люди были смешанного возраста, но весёлые. Мы участвовали в художественной самодеятельности, даже выезжали с концертами. И год пролетел незаметно, по окончании училища я приехала домой.

Пошла [снова] на кирзавод, но долго работать там не смогла, — не сработались со сменным мастером. Довели меня до слёз два раза. Я уволилась и пошла в сельхозтехнику шпукатуром-

А в 1962 году приехали к нам в Верх-Тулу осенью на уборку с Толмачевского военного городка солдаты. И я познакомилась с одним, а перед Новым годом он отслужил, и мы поженились. Свадьбу небольшую нам справили у него на родине в Ковернино Горьковской области. Прожили с ним 38 лет, нажили троих детей и троих внуков. В 2000 году его схоронили.

За эти года всё было — и хорошее, и плохое, как у многих таких, как я.

Е. В. Гурова

«СЧАСТЬЕ - В ДЕТЯХ!»

ВОСПОМИНАНИЯ Н. А. КРАВЕЦ

Запись сделана мною со слов автора воспоминаний в 2005 г.

Нина Андреевна Кравец родилась в 1930 г. в Алексеевке - маленькой деревушке Чулымского р-на Новосибирской обл., в семье простых разнорабочих.

Елена Гурова.

Первое, что *я* помню, это когда мне было четыре года, и от нас ушёл отец. Мы с мамой уток пасли, а отец на коне едет с полюбовницей. Мама мне говорит:

— Кричи: «Шара, Шара»! — это полюбовницу его так прозвали почему-то, а звали её Оксюта. Батяка только пальцем погрозился:

— Я тебе дам «Шара»!

Недолго они с ней прожили. Батяка скоро помер от тифа. Мне ещё пяти лет не было, а младшему братику Шурочке годик был. Помню, батяку из больницы мама поехала забирать. Спрашивает, выздоровел или нет наш батяка, а ей в ответ:

— Выздоровел, забирайте!

А он помер, мама его хоронила. Шара эта даже на похороны не пришла.

Потом я подросла, в школу надо было идти. Учиться не хотела, matka меня в школу гонит, а я кричу:

— Опоздала!

В первом классе я санитаркой была, проверяла [у одноклассников] руки, уши, чтобы чистые были. Хлопцы смеются надо мной, мол, не будем показывать, а я ругаюсь, говорю, что учительнице пожалуюсь. Только первый класс и закончила.

Сестра Тоня на десять лет старше меня была, она уж к тем порам замуж, вышла, да на Дальний Восток уехала. Так мы втроем и маялись: мама, я да Шурочка. Matka одна работала, а я как могла ей помогала.

Помню, мы с matкой баню строили, да не такую баню, как сейчас. Вырыли яму, обложили хворостом изнутри, да глиной с наво-

зом обмазали. Сверху матку¹ положили да крышу накрыли. Ох, и много к нам народу ходило мыться! Бани-то не у всех были. А братик Шурочка не любил, когда к нам приходили мыться, взял, да на полки перец насыпал красный, после того, как мы помылись. К нам баба с дочкой как раз пришли, - выскочили, как ошпаренные. Двое суток в тазах с водой отмокали. Мама долго ругалась с братом, а тот хохочет.

Потом война началась. Ох, и страшно было! Есть нечего было, картошку гнилую искали, варили её. Здыхлину ели, много людей болело, животами маялись, а то и помирали. Взрослым мы помогали, как могли. На быках пахали, сеяли тоже на быках. Лошадей-то не было. Скотину кормили тогда турнепсом, да и сами его ели. Сена почему-то не было, а почему, я и не знаю. Ещё трава не родилась? Скотину тогда так не кормили, как сейчас. Клочок сена дадут, и всё. Если у кого коза была или овца - шерсть да пух пряли. Носки вязали, рукавицы, пояса, да на фронт посылали. Всё, что могли, посылали туда. И еду, и одежду.

Развлекаться тогда некогда было. Парней постарше на войну забрали. Я уж подрастала, мне годов 14 было. Кино иногда привозили в клуб показывать. Да денег-то нет! Прибегала, постояла, кричу:

— Пусти, дяденька!

На улице холодно — осень уж, а на мне юбочка да кофточка, вот и вся одежда. Так и не пустил. Под дверьми постояла, послушала, да домой. А за мной хлопцы увязались:

— Пойдем, погуляем, куда торопишься.

Один руку мне на плечо положил, а я как закричу. Мать из хаты со скалкой выскочила:

— Кто мою Нину обидел?! - прогнала их.

А хлопцев за мной бегало... Красавицей я не была, но мама только успевала отгонять их от нашей хаты.

Хата у нас была маленькая — комната да кухня. Да мы втроем жили, нам хватало.

Потом война закончилась, и мужики начали возвращаться в деревню. Я пошла работать кухаркой на бригаду. Мужикам обед да ужин варила. А мужикам-то лишь бы зубы поскалить. То борщ не досолила, то ещё что-нибудь. А бригадиром работал Кравец Андрей. Я его дядькой звала. А какой он дядька, коли [всего] на семь лет

---

¹ *Матка*, или матица - балка, которая при строительстве кладётся поперёк готовой жилой камеры, на неё настилается потолок.

меня старше. Он здоровый такой был, заступался за меня всегда. Бригада в лесу стояла. Я на ящиках с хлебом спала. Накрою их брезентом, сверху фуфайку брошу, и хорошо, мягко.

Проработала так года четыре. У Андрея невеста была, Марией звали. Долго они дружили, пожениться собирались. Он ей с войны подарки слал - чулки шёлковые, кофточки. Она лучше всех одевалась. Тут он на ней жениться собрался, стол наготовили. Поехали её сватать, а она не захотела за него идти, потому что дитя от другого нагуляла. Это мы потом уже узнали.

Стол с угощением стоит, продукты пропадут. Что делать? У него мужики спрашивают, может, мол, у тебя ещё есть на примете какая дивчина. А он говорит, что есть, да не знает, пойдёт за него или нет. Заехали домой, посоветовались с родителями, они сказали — езжайте, сватайте. Приезжают к нам, я сижу, при лучине вяжу. Заходят. Хотим, говорят, тёлочку кушать, нету ли у вас на продажу. А мы и правда тёлочку продавали — есть нечего было. Ну, я и говорю, что есть небольшая, но на племя хорошая.

Тут Андрей заходит. Я чуть с лавки не упала, — дошло до меня, что я сама себя просватала! Спросили у матери. Она и говорит, что неволить не буду, но и посылать не стану. А я подумала, да и согласилась! Приехали мы, а там уже всё готово.

Справили свадьбу, так и осталась я у них. В семье одиннадцать человек детей (Андрей старший), да я двенадцатая, да родители. Все в одной хате. Брачной ночи, как сейчас у молодых, у нас не было. Кинули на пол шубу, да спать легли.

Начали жить да свою хату строить. Я беременная уже была, не работала - так, по дому что-нибудь сделаю. Тяжело первого носила. Потом родила девочку, Людочкой назвала. Да родила неудачно, парализовало меня. С кровати не вставала. Все на работе, а я лежу. Дитё малое, кормить надо, я ципку¹ зубами достану, покормлю её, чтоб не кричала. Андрей комбайнёром работал, сутками дома не появлялся. Жили мы уже отдельно. Одна по дому, да с ребёнком (правда, мама приходила, помогала).

Я помаленьку ходить начала, Людочка подрастала. Два годика доченьке было, когда она застудилась. Грели мы её дома на печке, а ей всё хуже и хуже. Повезли её к врачу, а врач и не знает, от чего её лечить... Так и не вылечили, померла моя Людочка. Потом только врачи сказали, что у неё было воспаление лёгких. Я второго носила,

---

¹ Ципка - в данном случае - соска

когда доченьку хоронили. Родился сын Сашенька, потом через два года родила Лёню, а ещё через два — долгожданную дочку Наташу.

Муж на работе сутками, я с детьми, потом пошла в интернат ночной няней работать. В соседних деревнях школ не было, дети приезжали в Ужаниху учиться. Кто побогаче, те на квартиры шли. А кто беднее, те жили в интернате шесть дней [в неделю], их там кормили, следили, чтобы дети уроки учили.

Ох, и чудили мои дети... Помню, пошла за Андреем (он к кому-то ушёл), дети мои ждали-ждали батьку с маткой, Шуричек одел мальх, да и пошёл нас искать. На улице зима, метель страшная, а они идут, ищут... Замёрзли, стучат людям каким-то, в хату их завели, отогрели. Спросили — чьи, да привели домой. Мы с Андреем всех соседей обежали — нет моих детушек. Потом смотрю, ведут их люди добрые. Андрей Шурику, конечно, всыпал, но это помогло ненадолго. Маленькие детки — маленькие бедки, подросли детки, большие стали беды.

Трое детей дома, да на работе ещё куча, хоть и чужие, а хлопот с ними не меньше. Мамки рядом нет, вот и бежали ко мне: то пуговицу оторвут, то мальчишки обидают. Мальчишков мало было в интернате, всё больше девочки.

Мои дети [выросли] уже большие. Шурик на офицера учился в городе, Наташа только школу закончила, на учительницу учиться собралась, а вот Лёня...

Лёня мой отчебучил. Ему в армию идти, а он с девкой из Михайловки дружил, с Кондрусовой Зойкой. Ну, и подружил: ему в армию идти, а она беременная, пришлось их женить. Поженили, свадьбу отгуляли, ушёл сынок служить.

Наташа с Шуриком в городе учатся. Мы с Андреем и Зоей жили, потом Зоя мальчонку родила, назвала внука Серёжа. Сыну письмо написали, что у него богатырь родился.

Наташа в городе в институт не поступила. Поступала на физрука, да побоялась плавать (это ей сдать надо было на оценку), поэтому поехала она в Куйбышев, что в Новосибирской области. Прочулась, да обратно в город [Новосибирск] помчалась.

Лёня пришёл из армии, забрал жену и сына, и на Север поехал — за большими деньгами.

Старший наш, Шуручка, тоже женился. Немку взял, Вализер фамилия. Саша не так женился, как Лёня. Когда свататься пришёл, ему тесть будущий и говорит:

— А что ты можешь предложить своей жене? Куда ты её приведёшь, на какие средства вы будете жить?

Немцы - они такие, о деньгах никогда не забывают. (Лёнке свадьбу играли весёлую, но небогатую, — какие там богатства! Водки купили, на гармошке поиграли, поплясали, песен попели, и всем весело.)

Отдали всё же Вализеры Лену за Шуричка. Двое деток у них родились — Оксана и Дима. Скитались они по свету (сынок-то военный), пока Лена не сказала:

— Хватит, надоело мне!

Тогда они и осели в Тогучине, [районном центре] нашей Новосибирской области.

А Лёneckа с Зоей так и жили на Севере в Надьме, что в Тюменской области. Потом у них Юля родилась. Ребята выросли да в школу пошли. Когда Зое надоело на севере мерзнуть, она Лёню сговорила уехать на юг. А он работал хорошо, много зарабатывал, машину купили. В общем, поехали они в Краснодар и купили там дом. Стали жить, потом Зоя ещё мальчонку родила, назвали Андрюшей в честь моего Андрея.

Все мои дети переженились, но хуже всех Наташе досталось. Вышла она замуж за городского, родила дочку Леночку, да меньше года они прожили, и разошлись. Вроде и не пил зять-то, а вот же не пожилось. Наташенька в школе работала до декрета, а тут муж ушёл. Ребёнку десять месяцев, пошла она в садик работать. Леночку в ясли отдала. Выдюжила, не заплакала, не опустила руки...

Прожила она одна, без мужика, года четыре-пять. А потом к нам с батькой переехала. Года два Наташа в клубе нашем директрисой работала. Начала она дружить с киномехаником, Юркой Коптевым. А он-то её младше аж на шесть лет! Подумала-подумала она, да и вышла за него замуж. Квартиру им дали двухкомнатную. Стали они жить втроём: Наташа, Юра да Леночка. Прожили они полтора года. Я на пенсию вышла.

Тут случилось горе... Умер Андрюша мой... 38 лет мы с ним прожили. С 1951 по 1989 год. Как я это пережила, не помню. Стала Леночка со мной жить. Родители-то приходят каждое утро — скотину накормить, по хозяйству управиться. А всё равно девчонка хулиганкой выросла: по деревьям лазит, мальчишек бьёт.

Время летит... Лёня с Зоей с юга сюда переехали, в Михайловне теперь живут — 12 километров от нашей Ужанихи. Уже и Серёжа женился — старший внучок-то. Правнуком меня порадовал — Владиком назвали.

У Шурика детки молодцы! Оксана институт с красным дипломом закончила, а Димочка ещё учится. А у Лёни Серёжа 9 классов кончил, Юля тоже, а Андрюша хоть в 10-й пошёл учиться.

У Серёжи двое детей — Владик и дочка Женечка, а Юля без мужа Настю родила. У Наташи Леночка замуж вышла, тоже правнучка мне родила. Чудно назвали — Ярослав.

... Вот и жизнь прошла — не успела оглянуться! Всего богатства и накопила: детей, внуков да правнуков. Вот что главное, — ведь не одна я! Только бы приезжали вы ко мне чаще, мои ребятки!

В подготовке текста к печати участвовала Е. В. Кузнецова.

И. В. Недопарова
«КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА...»
ВОСПОМИНАНИЯ А. П. КУШНАРЕНКО

Кушнаренко Александра Павловна родилась в 1934 г. в селе Мохнатка, которое находится в Доволенском р-не Новосибирской обл.

Этой удивительной женщине с по-девичьи чёрными волосами, ласковым взглядом, который неизменно согревает души её родных, уже 71 год. Она по-прежнему вся в заботах, которые не должны бы её тревожить, ведь она заслужила отдых за много лет, принесших ей и боль со страданиями, и радость с улыбками. Но Александра Павловна не может просто сидеть без дела. Каждый день у неё начинается рано, в 8 часов утра. Она никогда не сядет за стол, пока не накормит своих животных — собаку, кошку и нескольких кур.

Судьба никогда не приносила ей ничего на блюдечке с золотой каёмочкой. Всегда приходилось всего добиваться самой. Возможно, именно благодаря этому она обладает сильным характером, который не удалось сломить ни тяжёлым годам войны, ни неудачно сложившейся личной жизни.

Александр Павловне пришлось пережить многое, но сейчас, когда она рассказывает о годах своего детства, прошедшего в годы войны, о своей юности, когда она трудилась, восстанавливая разрушенное хозяйство страны, улыбка то и дело появляется на её лице. И что это за улыбка! В ней столько добра, огромной любви к своим детям, внукам. Это поистине удивительная женщина!

Казалось бы, тяжести, упавшие на хрупкие плечи Александры Павловны, должны были заставить её сердце очерстветь, но она не унывает. Как и большинство российских женщин, она смотрит телесериалы, горячо и страстно переживает судьбу каждого героя, как будто ей мало своих собственных проблем.

Текст воспоминаний записан мною со слов автора в 2004 г. Он приводится здесь дословно с небольшими поправками и примечаниями.

Ирина Недопарова.

В 1941 году 22 июня ровно в четыре часа утра началась бомбовая атака Брестской крепости. Объявили, что началась война. Эта тяжёлая весть пронеслась по всей стране. Но к нам она пришла позже, так как в нашей деревне [Мохнатке] в те далекие годы не было ни света, ни радио. Мы узнали эту весть тогда, когда стали получать повестку на войну. Стали забирать молодых мужчин и ребят на фронт, но многие шли на войну добровольно, в том числе и женщины.

На проводы всегда приходило очень много людей. Все хотели проводить и попрощаться с каждым бойцом, желали одного: скорого возвращения с победой. Все плакали, целовались, зная, что, может быть, это в последний раз...

Я была семилетним ребенком, на меня все события произвели неизгладимое впечатление. На всю жизнь я запомнила, как может быть страшно одно слово — война.

Когда отец уходил на фронт, то сказал маме:

— Валя, [старшая дочь,] пусть учится, а Саша по дому помогает.

Потому что Валя уже ходила в школу, а я ещё — нет. Но мама, несмотря на все тяготы жизни, выучила нас всех.

В школу ходили, кто в чём: надевали отцовские сапоги, старую мамину кофту подвязывали верёвочкой, шалёнку какую-нибудь старую на плечи накидывали, и шли. Тетрадей почти не было, учебников тоже, в классах было очень холодно, но все рвались в школу, бежали. Самое страшное наказание для нас — если не пускали на уроки. Только там мы немного могли отдохнуть от тяжёлого труда и мыслей, что идёт война.

Мама работала в колхозе за «палочки» (за трудодень давали полтора стакана зерна, а то и меньше). Жили очень голодно, только тем, что выращивали на огороде или собирали летом в лесу. Но все наши летние запасы заканчивались уже в марте. Весны ждали с нетерпением - в мае шли одуванчики и другая зелень. Можно было, наконец-то, выгнать нашу бедную Зорьку пастись. За зиму она худела до того, что можно было по ней изучать анатомию.

Дом у нас был старый, ещё дедовский. Была большая кухня с русской печью и две горницы. Спали так: нам, ребяташкам, кидали тулупы на печь, мы все залезали туда, там было сухо и тепло. Мама спала на большой лавке возле печи, укрывшись старой фуфайкой. В горницах почти не жили, потому что там было очень холодно.

Топили соломой и кизяком. Летом все отходы, которые накопились от Зорьки за зиму, мы стаскивали в ящик большой, добавляли

соломы, перемешивали ногами, затем складывали в специальные станочки, а получившиеся кирпичики мы сушили на солнце. Вместо дровников были закутки, где хранили сухой кизяк. Ценились они у нас на вес золота.

Несмотря на то, что самим есть было нечего, последний кусок старались послать на фронт. Собирали посылки солдатам. Старшие сёстры вязали рукавицы и носки. Как я подросла немного, тоже стала помогать. Мне казалось, что с каждой парой связанных носков я как будто на один сантиметр освобождала нашу Родину от фашистов. В посылку старались положить какую-нибудь добрую записку: хотелось хоть немного согреть солдат своей надеждой, верой. Мы представляли с подружками, как выглядит красноармеец, который получит посылку, что подумает, как улыбнётся, что скажет своим товарищам, понравилась ли ему связанная нами вещь. Когда собирали посылки по вечерам, пели песню:

То ли в Вологде, то ли в Рязани
Не ложились девушки спать.
Много варежек тёплых связали,
Чтоб на фронт их бойцам отослать.

Каждый день ждали весточек с фронта. Почтальона встречали, как бога — караулили на дороге. Читали газеты, из которых узнавали последние новости о ходе войны. Потом всё это обсуждалось, переговаривалось по десять раз до прихода новых газет. Каждый день — то больше, то меньше — шли похороны. Сколько было тревог, слёз, переживаний в ожидании этого дня.

О том, как шли военные действия, мы узнавали не только из газет, но и от демобилизованных по ранению односельчан. Помню, что у меня, 10-летней девчонки, волосы шевелелись от ужаса, когда пьяный сосед дядя Серёжа (ему после ранения ампутировали руку) рассказывал, как они освобождали деревни на Украине. Когда они отбили у фашистов село и вошли в него, у всех потемнело в глазах от злости, потому что в центре вооруженные красноармейцы увидели колодец, наполненный трупами маленьких детей, а сверху ещё шевелили ручками полуживые младенцы. Эту картину он запомнил навсегда. До самой своей смерти на 9 мая он плакал, вспоминая увиденное.

А к одной семье ... приехали эвакуированные родственники из Москвы. Мы тогда старались подружиться с их детьми. С одной

стороны, нам было смешно на них смотреть, что они не умеют полоть картошку, а с другой, они рассказывали про необыкновенные вещи: театр, кафе и многое другое.

До сих пор я вспоминаю страшные годы войны. К нашему счастью, отец вернулся живой, правда, с ранениями, но в то время на это почти никто не обращал внимания. Главное — живой. С того момента, как объявили о конце войны, я постоянно выбегала на улицу в надежде увидеть знакомую фигуру. Отец снился мне во сне, и, как всегда бывает в таких случаях, пришёл он неожиданно. Собралось много соседей, друзей, все радовались, поздравляли, а потом до утра папа с дядей Серёжей говорили о войне, вспоминали бои, ранения, друзей.

Мы все думали, что закончится война, и сразу станет хорошо жить, но вышло не так: по-прежнему не доедали, не было хорошей одежды, обуви. Легче стало только из-за возвращения мужчин — хоть часть работы женщины могли снять со своих плеч.

Всё детство я мечтала о том дне, когда смогу досыта поесть мороженого (о нём рассказывали эвакуированные дети). Это желание исполнилось, только когда мне исполнилось 16 лет.

В 16 лет поехала в райцентр на курсы бухгалтеров. Здесь я встретила свою вторую половинку — Ваню. Это была моя первая любовь¹. Вместе мы мечтали о будущей жизни. Когда Иван ушел в армию, я долго плакала, думала — разлюбит. Писал он часто, а в одном письме прислал две открытки с изображениями мальчика и девочки, сказал, что, как вернётся, сыграем свадьбу, и родятся у нас такие детки. Так и вышло: родились у нас сынок Валера и дочка Света.

---

¹ Да и последняя: после смерти супруга Александра Павловна не захотела выходить замуж во второй раз, сохранила верность своей первой любви

А. Ю. Рудт

«НЕ ПОЖАЛЕЛИ ДАЖЕ ЖЕНЩИН С ДЕТЬМИ...»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М. Ф. РУДТ

Мария Филипповна Рудт, моя бабушка, родилась 3 июля 1929 г. в Донбассе в рабочей семье. На одном предприятии отработала 40 лет. Живёт сейчас в сельской местности (районный центр Довольное, Новосибирской обл.). Всегда держала большое хозяйство, обрабатывала огород, и до сих пор продолжает трудиться.

Записаны её воспоминания были мною в 1999 г. в Довольном. Запись была сделана в ходе бесед, которые состоялись по моей просьбе.

События, описанные бабушкой, происходят в Донбассе с 1929 по сентябрь 1941 г., а затем — в Сибири, куда были сосланы российские немцы.

Анна Рудт.

Родилась бабушка «на Донбассе» в семье шахтёра. Семья состояла из шести человек: мама, папа, старшая сестра Варя, Маша (моя будущая бабушка) и братик Филипп — двойняшки, младшая Катя. Бабушкина мама — Крайс Маргарита Ивановна — родилась в 1900 году в Поволжье (точное место не известно), папа — Басколь Филипп Иванович — родился в 1903 году тоже в Поволжье (точное место не известно). Родители приехали в Донбасс, не зная друг друга, на заработки, здесь познакомились, решили создать семью и остались жить на Украине.

Построили небольшой дом, - отец занимался строительством сам. Работал на шахте имени Карла Маркса забойщиком. Мама работала на той же шахте — поднимала уголь на вагонетках вверх. Соседи жили рядом разных национальностей: русские, украинцы, немцы (их было мало), белорусы. Разговаривали в семье на родном немецком языке, а на работе, улице, рынке — на ломаном украинском. Город был большой, красивый, особенно бабушке запомнился базар. Подсобное хозяйство было маленьким: держали коз, летом бабушка и сестра Варя их пасли. Огорода не было, все овощи покупали на рынке.

Хоть немцев и было мало, но с русскими и другими людьми разных национальностей отношения у них были добрыми и хорошими. Никогда никаких ссор и неприязней не было. И отверженными, подавленными немцы себя не чувствовали. Праздники отмечали вместе с соседями у бабушки в доме. Дети на праздниках не присутствовали, играли на улице (поэтому какие песни пели взрослые, о чём говорили, бабушка сказать не может).

Бабушка в школе училась хорошо, но образование у неё — всего два класса. (В 1941 году их вывезли из Донбасса, и продолжить учиться бабушка нигде не смогла.)

17 ноября 1937 года бабушкиного папу арестовали органы НКВД. Забрали из пахты в рабочей одежде, было предъявлено обвинение: «враг народа». Бабушкина мама часто ездила в тюрьму, возила передачи, но ей никогда больше не пришлось увидеть мужа. С 17 ноября сведений, известий о папе больше не было. (До сих пор бабушка не знает, как и где погиб её отец, при каких обстоятельствах, и где его погребли.) Бабушкина мама часто ездила в тюрьму, пытаясь найти мужа, брала с собой маленьких Филиппа и Катю. Дети сильно простыли (сказывались нехватка питания, ослабленность), вскоре они умерли.

В 1939 году летом старшая сестра Варя и мама поехали к родственникам в Поволжье. Там Варя познакомилась со своим будущим мужем Найбауэром Петром. Поженились молодые и остались жить в Поволжье. Мама вернулась к бабушке в Донбасс, так они стали жить вдвоём.

В 1941 году началась война. Город бомбили, в домах практически не жили, а всё время находились в землянках. В конце августа к ним пришли с предупреждением о том, что всех немцев переселяют, и начались сборы. Оповестили всех немцев в городе и на улице, по которой проживали мама и бабушка. Женщины-немки подняли такой крик, плач, впали в истерику, лепетали на немецком что-то. Этот крик до сих пор стоит в ушах у бабушки.

Бабушкина мама продолжала работать до последнего дня, в тяжёлых условиях. 30 сентября 1941 года бабушку и её маму вывезли на товарняках в Тогучин¹. Там они пробыли до 18 августа 1942 г., а затем их перевезли в Нарым Томской области.

Жили на квартире у русских людей, жили очень дружно, последний кусок хлеба делили пополам. Приходилось очень много

---

¹ *Тогучин* - тогда посёлок, ныне город, районный центр на востоке Новосибирской обл.

работать. Бабушке было 14 лет. Работали на лесоповале: днём валили лес, ночью обрубали сучья. Работа была очень тяжёлая, совсем непосильная для женщин и детей. Было очень голодно и холодно, очень много было комаров и гнуса, но дневное задание выполняли. Бабушку взяли ловить рыбу, ловили неводом с лодки. Рыбы было очень много, но те, кто работали, брать рыбу не имели права.

Бабушку и её маму подстригли, они ходили на мальчишков — худые, ослабленные, с ввалившимися глазами, с торчащим носом и сутулые. Постоянный голод, унижения, оскорбления подтолкнули их к мысли бежать с Нарыма. Между переселенцами шли разговоры, что в Доволенском районе Новосибирской области есть целые немецкие деревни, там тоже тяжело, голодно, но отношения между людьми лучше.

И вот в 1943 году они, можно сказать, сбежали, тайком выбрались из посёлка и полями отправились в дорогу. Шли ночами, днями прятались в стогах или в лесу, так как если бы их поймали, то обязательно бы арестовали: у них не было никаких документов. Кушали то, что подадут люди, или то, что выкопают у кого-нибудь в огороде, ягоды в поле.

В конечном итоге они пришли в Новосибирск. На окраине города был базар. Бабушкина мама решила пойти попросить милостыню, так как они, можно сказать, помирали с голоду. Бабушка осталась у ворот. Мама зашла на базар и (какое совпадение!) там она встретила своего зятя Петра Найбауэра, Варинного мужа, - их к тому времени депортировали из Поволжья. Варя жила на квартире с детьми в Довольном, а Пётр был в трудармии в Новосибирске на обувной фабрике. Мир тесен. И случались встречи родных и знакомых, не видевших друг друга по несколько лет.

Пётр с удивлением встретил их и быстрее поспешил увести с базара, так как они привлекали к себе внимание: худые, оборванные, стриженные, босиком. Пётр привёл их к себе в барак при фабрике. Комната была на четыре человека, все были на работе, поэтому бабушка и её мама помылись, поели и легли спать. Соседи по комнате пошли навстречу Петру и временно пожили в других комнатах, пока у него живут родственники.

Пожили неделю, немного поправились. Зять сшил бабушке ботиночки, купил кое-какую одежду. Купив билеты до Чульма, отправил к своей жене Варе. Пётр сказал им от Чульма идти вдоль железнодорожных путей до Каргата, а затем — на юг по степной дороге до Довольного.

Бабушка и её мама, доехав до Чулыма, пошли пешком. Ночевали в стогу, было очень холодно, был октябрь месяц. По дороге бабушкина мама просила милостыню, чтобы прокормить себя и бабушку. Прошли много деревень: Михайловка, Варшанка, Гавриловна... В Гавриловке сели на попутную машину, познакомились с шофёром: Никита Слюсарь. Он довёз их до начала деревни Довольное. Мир не без добрых людей: водитель посоветовал им устроиться на работу на кирпичный завод.

Дошли до крайнего дома, там жила женщина Нина (фамилию бабушка не помнит), и она отвела их к Варя. На дворе была ночь, все в доме спали. Нина не ушла, пока Варя не открыла. Варя была очень удивлена, когда увидела маму и сестру. Все так были возбуждены — слёзы, радость... Очень долго разговаривали и не могли понять, как их так судьба и жизнь перевернули, почему столько трагического в жизни. Утром Варя с мамой пошли в комендатуру, так как без документов и разрешения на место жительства и работу нельзя было оставаться и тем более подвергать опасности Варю.

В то время в комендатуре отмечали даже грудных детей, рождённых во время войны в немецких поселениях. В комендатуре бабушкину маму арестовали за то, что сбежала с прежнего места работы. Варя со слезами вернулась домой и решила бабушку отправить к их бабушке в село Половинное. Бабушка (Крейс Анна-Варвара-Фрайя, мама бабушкиной мамы) с сыном и его семьёй тоже была депортирована в Сибирь в начале войны.

В дорогу бабушку собрали быстро, кое-что дали из еды и отправили полями. Она прошла деревни: Травное, Беспятово, Петропавловское... Через Петропавловское текла широкая река Карасук. Плавать бабушка не умела, и пришлось идти в деревню через мост.

Навстречу двигалось стадо быков. Быки запряженные, управлял ими мужчина, на быках перевозил солярку. Мужчина остановил бабушку, спросил — кто она, куда идёт. Бабушка рассказала, что идёт к бабушке в Половинное, а здесь живёт её родственник Август Найбауэр (брат Петра). Разговор сначала происходил на ломаном русском, затем заговорили на немецком языке, так как знали его лучше. Разговорившись, бабушка узнала, что этот мужчина и был Август Найбауэр. У него была большая семья, много детей, но он её пригласил к себе в гости, а его жена радушно бабушку приняла, накормила, передела, помыла.

Работа у Августа считалась очень «престижной», он имел дополнительный заработок, на мельнице брали муку, и в этой семье

хлеб ели вдоволь. Когда жена Августа готовила ужин, все дети лежали на печке и смотрели в котёл. И однажды, когда в очередной раз готовили обед, один из детей поскользнулся, когда поднимался на печь, и упал в котёл... Можно сказать, сварился. Бабушка и жена Августа, обернув мокрой простынёй мальчика, понесли в медпункт, но врачам помочь было нечем, лекарств не было. Мальчик умер.

Мария прожила в этой деревне 10 дней, а затем проводили её к бабушке в село Половинное. Пришла она туда ночью, её долго выспрашивали: кто она, откуда... И долго не могли понять, как она сюда попала, что случилось с её мамой. Бабушка рассказала, что мама сидит в тюрьме, а её отправили, чтоб не посадили. У Крайс она прожила два месяца, а в это время в Довольном её маму выпустили из тюрьмы. Определили её работать в швейном цехе швей.

Бабушка вернулась в Довольное к маме, и её решили взять собирать клюкву на ряске¹. Бригада состояла из женщин и девушек, две недели работали, два дня отдыхали. Работать было очень сложно — полураздетые, почти босиком. Руки были изрезаны острой травой, по вечерам не было сил их обработать. Кушали только то, что удавалось выменять на клюкву: картошку, молоко и т. д. Началась зима — бабушку перевели рунить пшеницу на мельницу. Бабушка безропотно соглашалась на любую работу, лишь бы выжить.

Сколько таких исковерканных женских судеб оставила после себя «трудармия», сколько обездолила, остановила в развитии образовательном, навсегда одарив трудом физическим... Только немецким женщинам того поколения это ведомо! Все семьи были разбиты, ни двора, ни кола, ни одежды... Ничего. И была спецкомендатура, которая пресекала любые попытки поехать учиться или даже выйти за пределы «спецпоселения». Да, шла война, но почему лишены прав были женщины, неужели экономика страны и положение на фронте настолько зависели от труда немецких женщин, что их нельзя было оставить со своими детьми? Вот эта боль и память не дают покоя до сих пор.

Бабушка работы не боялась. Вот что значит молодость, и, кроме того, все понимали — ну, значит, так надо!

В 1945 году из трудармии вернулся муж Варвары — Пётр. Весной все дружно семьёй сажали огород, пахали на быках. Картофель и овощи были основными в питании семьи. В 1945 году 3 марта Ма-

---

¹ На ряске - в данном случае - на болоте.

рию взяли работать в пим-цех — катала валенки. Продолжала она здесь работать до 1985 года — 40 лет на одном предприятии.

К концу войны бабушка и её мама построили себе домик — пластынку¹. За дровами они ходили в лес, и однажды обратили внимание на кучу соломы, а под ней яма выкопана, и до краёв — зерно. Бабушка, никому ничего не сказав, по ночам в мешочках перетаскала зерно домой. Его засыпали в закроем и спали на нём. Бабушкина мама брала надомную работу: кому варежки шить, кому куртку, а в благодарность её угощали чем-нибудь.

Зерно перенесли, а ведь его нужно перемолоть. Рядом с ними жила семья, у которой было много детей, у них в хозяйстве была рушилка для зерна. Бабушка с мамой попросили рушилку. Ничего не говоря, они рушили пшеницу в темноте, так как свечи и керосин были очень дорогие. За пользование рушилкой бабушка в знак благодарности уносила соседям плошечку пшеницы. Та семья была рада, ведь много детей, и надо было их кормить. По воскресеньям к бабушке в гости приходил младший ребёнок из соседской семьи - Петя. Его всегда сажали обедать. Что было, то и ели с удовольствием, всё казалось вкусным.

В 1946 году бабушка вышла замуж за Рудт Александра Иосифовича, который родился в 1925 году в Саратовской области и был депортирован со своей семьёй в Сибирь. Работал шофёром в лесхозе в Довольном. Создав семью, они построили свой дом, завели небольшое хозяйство, огород.

Через год родилась девочка Тамара, но прожила всего месяц: врачи ничем не смогли помочь, и народные средства оказались бессильными. Затем родилась девочка Люда (1949 год), потом мальчик Юра в 1952-м (мой папа). Бабушка и дедушка остались жить в Довольном, так как были немцы выселены навечно из своих родных мест указом 1948 года...

Спецпереселенцы — узаконенные изгой социалистического общества. Все — и старые, и малые. И тех, кто только родился, и тех, кому ещё предстоит появиться на свет — всех отмечали в комендатуре.

Жизнь под офицерским сапогом коменданта... Не допуская изменения места жительства и объединения в национальные компактные группы, спецкомендатуры должны были остановить развитие культуры, образования, рост интеллигенции. Спецпоселенцев не

---

¹ *Пластынка* - распространённый ранее в Барабе и Кулунде тип постройки из пластов дёрна, уложенных слоями друг на друга.

принимали в партию, комсомол. Самое страшное, что маленькие дети отмечались в комендатуре (моя бабушка отмечала своих детей, моего папу Рудт Юрия Александровича). Но не унывали, хоть в душе была боль за себя, за детей. Так и жили, работали в Довольном.

4 марта 1960 года дедушка умер, — сердечный приступ. Произошло это в рейсе, в лесу, поэтому ни о какой помощи речи и не шло. Бабушка с двумя детьми осталась одна. Возле дома решили выкопать колодец. Помогали соседи, и потом всей округой приходили за водой.

Время шло, в 1968 году умирает бабушкина мама. Дети росли, закончили школу. Люда со стройотрядом уехала в Туркмению, где и доживает до сих пор. Юра пошёл в армию, а после службы переехал в Новосибирск.

Бабушка сейчас на пенсии — уже 14 лет. Воспоминания о прожитой жизни ей даются тяжело: перенесли много тягот, обид, лишений, считались отверженными, детей обзывали «фашистами», «фрицами»... Всё вынесли и пережили. Мир не без добрых людей...

Сейчас, когда читаешь газеты, создаётся впечатление, что местное население на Волге считает не существующими людей, отправленных в годы депортации в Сибирь... Российские немцы, пережившие в годы Великой Отечественной войны трагедию депортации, когда в лагерях Гулага, в трудармии от недоедания и непосильной работы погиб каждый третий, все годы после её окончания жили с неослабевающей верой в то, что доброе имя народа, так много давшего своей родине — России, будет в конце концов восстановлено.

В подготовке текста к печати участвовала А. Ф. Осинных.

И. М. Бузверова
ТРИ КРЕНДЕЛЯ НА НОВЫЙ ГОД
РАССКАЗЫВАЕТ А. А. ВАРАКСИНА

Всю жизнь моя бабушка Вараксина Анна Афанасьевна живет в селе Кривояш — в Болотнинском р-не Новосибирской обл. Каждый год осенью мы приезжаем к ней в гости. Получив задание преподавателя, я стала расспрашивать бабушку и скоро поняла, как, оказывается, мало знала о своих предках.

Бабушке было бы трудно прожить без оптимизма — так получилось, что на долю пришлось годы тяжёлые. На своих плечах вынесла каторжный труд во имя Победы, и в послевоенное время воспитывая дочь одна. Любимое её выражение, с которым она идет по жизни: «Всё хорошо, помоги Боп».

По вечерам мы сидели за столом и беседовали о жизни. Я спрашивала, что мне интересно, и записывала бабушкины рассказы, часто своими словами. В октябре 2004 г. работа была закончена.

При подготовке к публикации свои записи я в нескольких местах сократила. Текст был разделён на четыре части и озаглавлен.

Приня Бузверова.

Детство.

Я родилась 1 января 1924 года. Мать по отцу — украинка. Отец по матери — русский. Была сестра немного старше меня, рано умерла от чахотки. Я — младшая, была болезненным ребенком.

Всё, что было до 4—5 лет, не помню. Когда мне исполнилось пять лет, мать во время вторых родов умерла.

Отцу тяжело было одному справляться с хозяйством и воспитывать дочь. Он всё чаще подумывал о женитбe. Нельзя сказать, чтобы он был выгодной партией: бедный вдовец с ребёнком. Но судьба распорядилась по-своему. Вскоре его женой стала одна из самых красивых девушек в селе — Елизавета Георгиевна. Этому способствовали неприятные для Елизаветы и её семьи события. Уже была назначена её (Елизаветы) свадьба с офицером, который приехал в гости к своей сестре, но свадьба расстроилась, и она приняла пред-

ложение моего отца, который позвал её замуж. Моя мачеха была хорошей хозяйкой, но очень строгой и требовательной. Когда мне было около 8 лет, мачеха родила от моего отца двух близнецов, которых назвали Василий и Михаил.

Я имела свои обязанности по хозяйству. Мачеха с утра и до вечера работала в поле, а отец бился из последних сил, чтобы хоть как-то прокормить семью. Он вынужден был отпраиваться по сёлам батрачить, а я оставалась за старшую в доме: вела хозяйство и присматривала за Василием и Михаилом.

Вставала очень рано. Все работы мачеха распределяла по дням недели. Например, в понедельник — стирка, во вторник — уборка во дворе, в среду — починка одежды. Часто я плакала, потому что одежды, требующей починки, было много, и я не могла пойти на улицу поиграть с детьми. В четверг ставила тесто и пекла хлеб. В пятницу собирали в поле зелень, пригодную для еды, например, крапиву, щавель, лебеду.

Ещё тяжелее вышло в холодное время года. Отапливали дом в основном шишками, палками, иногда найденными брёвнами. Хорошо запомнился такой случай в детстве, когда мачеха меня сильно избивала из-за того, что мне хотелось пойти с подружками поиграть, а братья были маленькими. И я напоила их отваром мака, чтоб они спали, и проспали они целые сутки.

Помню, часто приставала я к отцу с просьбами купить что-нибудь. Отец никогда не отказывал, а обещал, что купит, когда созреет черешня. Когда наши шесть кустов черешни созревали, отец продавал ягоду торговцам. Но выручка обычно была небольшой, и планы на покупки переносились в надежде на следующий урожай.

И ещё выращивали табак. Ухаживали за посевами с утра и до вечера. Затем табак сушили и перетирали. Отец тоже отдавал его торговцам.

По субботам отец топил баню. У него была своя наука, как топить баню. Топил только берёзовыми дровами. Он колол их аккуратно, с наслаждением. Накальвал дров большой ворох. Потом стаскивал их в баню, аккуратно складывал возле каменки. Наносил воду для бани — наливал до краёв в котёл, который находился в каменке, и ещё в большие тазики, где купались близнецы и я сама. Всё приготовив, разжигал в каменке огонь, и топились маленькая баня. Отец парился берёзовыми или словыми венниками. После бани всегда пил квас.

В 1931 или 1933 году отца во время жатвы арестовали. Отобрали у нас землю. Несчастья на этом не закончились. Братья сильно за-

болели, мать их увезла, и больше я ни мачеху, ни братьей никогда не видела.

Приют.

Аксения Васильевна, которая жила на окраине деревни, взяла меня к себе. У неё был сын Николаша.

К Аксении Васильевне часто приносили маленьких детей. Она им лечила грыжу. Спасала от желтухи — купала детей в отваре повилки. Высокую температуру у детей лечила так: 1) собирала сено, делала из него отвар и купала в нём больного; 2) давала ребёнку сок свежего и зелёного овса — по ложке три раза в день; 3) смазывала грудь, спину, шейку, руки, ноги больного смесью из мёда и хинина. Ребёнок потел, затем его передевали в сухую одежду.

Также к ней обращались родители, у которых дети долго плакали. Аксения Васильевна рано вставала, расстилала простынь на траву и хорошо пропитывала её росой. Затем укутывала в простынь ребёнка, шепча что-то, он спал полтора часа и больше не был так беспокоен.

Лечила новорожденных от «щетины». Брала древесную золу, смачивала руки в воде и окунала в золу, быстрыми движениями растирала спинку ребёнка, пока не выпадут все волоски.

Тётка Аксения меня отправила в няньки к соседям. И я водилась с маленькими ребятишками за кусок хлеба, кувшин молока. Очень редко давали деньги. Сын Аксении, Николай, учился в школе в Другом селе. Вставал рано и возвращался поздно. Именно он научил меня писать и читать.

Новая жизнь.

Новая жизнь захватила меня. Незаметно пролетели три года, и мне уже исполнилось 17. Дом Аксении Васильевны помог мне обрести спокойствие и почувствовать радость жизни. С Николаем мы часто общались. И мне хотелось чаще слышать его приятный голос и бывать с ним. Я не могла понять, что со мной происходит. Когда слышала, как он говорит, то сердце начинало быстро биться, а щёки горели огнем.

Время, которое нам удавалось проводить вдвоём, было самое счастливое, а потом снова ожидание этих чудесных минут...

Однажды Николаша признался, что любит меня, и просил стать его женой. Тогда я просто лежала от счастья. И строила планы, какая чудесная будет наша свадьба.

7 января 1942 года я обвенчалась с 22-летним Николаем Кулаковым и стала хозяйничать в доме. В день свадьбы расписная тележка остановилась перед домом. Нарядный и взволнованный Николай спрыгнул на снег. Тележка была наполнена нарисованными цветами, ленточками украшена, а в самой тележке лежал пёстрый коврик, чтобы было удобно. И мы на этой тележке катались по всей деревне.

Нелегко мне пришлось: свекровь не стала скрывать недовольства по поводу выбора своего сына и не давала нам жить вместе. Это, в свою очередь, вызывало недовольство мужа, и позднее к дому он пристроил ещё одну комнату, она находилась позади дома. Я проявила много изобретательности, чтобы сделать эту комнату уютной.

Вскоре муж ушел на фронт, а я осталась одна на пятом месяце беременности.

В самом начале службы отец моей дочери, Николаша, прислал письмо, в котором просил меня сфотографироваться беременной. Я так и сделала. Помню, в ноябре наняла извозчика и поехала в город фотографироваться. Когда я была в городе, начались схватки, и прямо из магазина меня увезли в роддом. Там я родила девочку, которую назвала Любашей.

Трудное было время: хлеба давали помаленьку, мерили спичечным коробком. Чтобы прокормиться, я вязала и продавала связанные вещи. Завела курочек и козу.

Запомнился мне Новый 1944 год. Мы вместе с дочкой встречали его без ёлки. Вместо неё сделали картонное деревце и обвешали ёлочными украшениями. На столе была картошка варёная, суп из сушёной крапивы. Для доченьки я состряпала три кренделя. В подарок сшила белое платьице.

Воспоминания о войне.

В 1945 году муж вернулся с войны в родное село Кривояш с орденом Красной Звезды. Вернулся инвалидом, тяжело и долго болел, а когда дочке исполнилось 6 лет, умер от ран. И опять я воспитывала дочь сама.

Когда Николай вернулся с войны, вспоминать о войне не любил. Иногда что-то рассказывал и говорил, что «ничего страшнее войны на свете нет». Рассказал, как наших бойцов готовили к схватке с противником, вооруженным мощными «пантерами» и «тиграмми»:

— Мы копали окопы, зарывались в них с головой с деревянными гранатами, а наши танки нас «утюжили» сверху, готовили к тому, что нас может ожидать.

Шли такие бои, что земля горела под ногами и была красная от крови.

— Помню, в одном городке разбомбили детский сад. Маленькие детки, искалеченные снарядами и бомбами, ползли к нам по земле, плакали, просили помочь.

Но были в этом бесконечном и беспросветном мраке войны дни просветления, которые западали в душу...

— Как-то мы ехали в эшелоне. Остановились на рассвете. Вышли

из вагона, а кругом — красотища: солнце встаёт, птички поют... И мы заехали.

Сильно я ревновала мужа после войны к медсестре, про которую он мне рассказал. Зимой 1943-го года он попал в медсанбат с диагнозом «переохлаждение», и обратил внимание на молоденькую медсестру Евдокию. Их встречи были мимолетными — по 5—10 минут, но воспоминания о ней остались глубоко в сердце.

После смерти мужа стало очень плохо. Вставала я в 4 утра, работала на ферме, и когда возвращалась затемно домой, то сил на собственное хозяйство просто не оставалось. Готовить, вести хозяйство, ухаживать за коровой маленькой Любаше пришлось с раннего детства.

Дочка привыкла с малых лет к труду, на всю жизнь сохранила чувство бережливости к нажитому, стремление работать честно...

В подготовке текста к публикации участвовала Е. С. Скорород.

А. Ю. Шилин

«ДЕРЕВНЯ РАНЬШЕ ДРУГАЯ БЫЛА...»

ИЗ РАССКАЗОВ МОЕЙ БАБУШКИ А. А. НИКАНКИНОЙ

В декабре 2004 г. я побывал в с. Елбань (Маслянинский р-н Новосибирской обл.) в гостях у своей бабушки Лидии Афанасьевны Никанкиной. Передо мной стояла цель — узнать побольше о её детстве и молодости, о том, чем тогда занимались люди, о её родном селе, и записать услышанное на бумагу. Я обратился за помощью к маме — Шилиной Алефтине Николаевне — и попросил её зафиксировать бабушкин рассказ в том самом виде, в каком он будет произнесён.

Узнав тему беседы, бабушка призналась, что помнит об этом значительно больше, чем, например, о том, что произошло в прошлом месяце или на прошлой неделе.

В деревне все разговоры обычно происходят во время чаепития, и этот тоже не стал исключением. Бабушка поставила чайник, расставила кружки, достала с полки клубничное варенье и уселась за столом. Около двух часов продолжалась её речь, которая прерывалась лишь для того, чтобы я мог задать вопросы и уточнить то, что меня интересует. Не по одной кружке чая было выпито, пока длилась наша интереснейшая беседа.

А начала бабушка так:

«Рассказать про жизнь? Как раньше жили? Да разное жили. Бедно, но весело и без злобы. Были, конечно, и победнее, и побогаче были. Мы так, средне жили. Вот Ждановы, те лучше других жили, богаче. Раньше люди другие были. Работали много: с утра до темна, от зари до зари.

Я и в коммуне работала, и в колхозе, и в совхозе. Везде работала. В 12 лет на заготовку дров ходила. Рослая была, вот и отпраивляли с девчонками, кто постарше был. Робили так, что к вечеру ног под собой не чуяли. Спшили дерево, а уронить не можем. Силы не хватает. Ну, мужики подойдут, видят - ревьём, — помогут. Дерево-то, коли ронять неправильно, так и пришибить может.

Летом овец, коров пасли. На выпаса отвезут, вот и косишь цельный день. Баба Катя¹ — та на тракторе выучилась работать, — так напашется, что ни рук, ни ног не чувствует к вечеру, как и мы».

Из России да на Банное.

«Мама моя, Наталья, родом с России. Всей роднёй они сорвались, да и приехали в Сибирь, в деревню Дресвянка. Маму-то замуж в 16 лет выдали. Потом вся-вся родня уехала: дядя Митя — в Среднюю Азию, в Ташкент; бабушка с остальными домочадцами — назад в Россию вернулась. А мама-то моя осталась с мужем Афанасием.

Потом я родилась. Мне года два было, как они потом на Банное переехали. Этот посёлок по документам-то Маховка назывался. Спроси, где Маховка была, никто, поди, и не знает. А Банное и сейчас знают. Оно дальше Загоры находится, а Загору-то раньше Пятилеткой называли, потом название сменили — лет 40 назад, а то и больше.

Банное хороший посёлок был. Кругом лес, поля, речка рядом. Изб пятьдесят было. Жили там Шоромовы, Шуклины, Блинковы, Смысловы, Соболевы, Баталины, Леконцевы, Советовы, Ждановы, Халявины, Туровы, Никанкины...

Ребятишек у всех помногу было. Рядом с нами жили Туровы — Кесарь с Катей и их ребятишки. С другой стороны - Таня Лоскутова, у неё ещё дом сгорел. От печки загорелся, ничего не спасли, хоть сами живы остались, и то слава Богу. Жалели их сильно.

Деревня хорошая была. Люди хорошие, все друг дружку хорошо знали, с соседями и вообще ни с кем люди никогда не ругались. Когда деревня распалась, все поразъехались, а когда встречались, так ажно плакали. Вот когда Васенья² прошлым летом ко мне заходила, так мы с ней наговориться не могли, всё Банное вспоминали.

На Банном избы сроду не закрывались, замков-то ни у кого не было.

Была одна улица с отворотами, вдоль речки тянулась. У речки и названья-то не было, так называли Согра и всё, из-за кочек, что ли. У базы запруду сделали, туда и купаться ходили.

Школа была, четыре класса. А кто дальше шёл учиться, то жил в Елбани — кто у родни, кто у знакомых. По субботам домой приходили. В воскресенье — назад, в Елбань. Кучей собирались и шли вместе. Иногда зимой на санях отвозили, если лошади были сво-

---

¹ *Баба Катя* - двоюродная сестра Николая, мужа бабушки.

бодны. Весной-то хорошо, тепло. Зимой холодно. Кто замерзает, того стаскивали с саней и заставляли бежать, куда не согреется.

Да нас-то мало возили, а вот тётя Тася с дядей Лёшей и дядей Саней помнят, как их возили, то муж мой Николай, дед ваш, то Михаил Шуклин».

О Банном.

Банное (Маховка) — это село, располагавшееся в 6-7 километрах от Елбани. Когда оно возникло, точно не известно. Старики говорят — где-то в начале 20-го века. Переселение в здешние места поощрялось (выдавались ссуды), и поэтому многие на это решались. Переезжали люди из различных районов — из Тамбовской, Кировской и других областей. Бабушкина родня приехала в начале 30-х годов сначала в Дресвянку, а позже — на Банное. Обжиться было довольно тяжело. Не все выдерживали и оставались, а перебирались в уже освоенные места или возвращались назад, в «Россею».

По поводу возникновения села существует такая легенда, что основал его беглый каторжник Микола Банный, облюбовавший это место и построивший на нём баню. Тот, кто проходил мимо, останавливался у него. А так как место было красивое и живописное, потихоньку здесь стали селиться.

Официальным считалось название Маховка или Моховка. Возможно, такое расхождение связано с тем, что при заполнении документов допускались ошибки, которые в будущем уже не исправлялись. Вероятность этого велика, так как грамотных людей было очень мало. Например, у моей мамы в паспорте местом рождения записана Маховка, а у моей тёти — Моховка.

Насколько мне известно, название Маховка происходит от выражения «мёд махали» (местные жители), а Моховка — оттого, что в этих краях росло много моха.

Просуществовало село недолго. Уже в 50—60-е годы его жильцы стали перебираться в более крупные деревни. Несмотря на всю свою привлекательность, всё-таки Банное уступало и по географическому расположению (отдалённость от районного центра), и потому, что отсутствовала полная средняя школа, была только начальная. Но главной причиной послужило то, что в результате политики укрупнения деревень из Банного было перенесено производство. Оставаясь здесь, люди лишились работы.

Вместе с мамой, тётей и двоюродными братьями мне удалось побывать в этих местах в 1992 году. Но всё, что нам удалось найти

среди зарослей крапивы — это остатки срубов, ямы, в которых хранили продукты, валяющиеся двери, да кое-что из посуды. На виду были также сохранившиеся с тех пор ёлки и кусты одичавшей красной смородины.

Как жили-то?

«А жили чудно. Сажали картошку, морковку, репу и прочие овощи. Мак сажали — для стряпни да от наговоров. Пойдёшь, бывало, нарвёшь головок, потрясёшь в ладошку семян и съешь. Счас никакого мака нет. Двадцать лет уж не садим. Из-за наркоманов. А тогда про них слышать не слыхивали. А теперь и коноплю-то всю выкашивают. Да ну про это.

Про Банное лучше порассказываю. От Банного-то ещё одна недалеко деревушка была - Крапив ка. Теперь её тоже нет.

На Банном кино казали. Привезут картину, на стене базы прибивают простынь, народ весь от мала до велика собирается и глядит. Мужики скамейки принесут, табуретки. Я и счас ещё помню, какие картины в молодости смотрела.

Работали и ездили на лошадях. Машины грузовые редко видели — несколько раз в год. И то, когда председатель приезжал или какое дело по работе. А так, впрягают лошадь-то в сани, энто зимой, летом — в бричку, кошёвку, телегу, и ничего, ездили. В кошёвке-то хорошо, а вот на телеге — больно трясёт.

Ещё расскажу тебе: ягод не сажали, цветов тоже, да и не к чему. И так их вокруг полно было, рви — не хочу. Ягоду сушили, свежую ели. Компотов, варенья не варили — не умели. Это уж потом финны ссыльные кой-чему научили нас.

Работали мы и в поле: пахали, сеяли. Поскотину пасли. Когда наедаются они травы, загоняли их в загон. Он огорожен был пряслом. Я и коммуноу, и колхоз, и совхоз помню. Ты, поди, и не знаешь, колхоз — что это.

На Банном когда жили — электричества не было. Были лампы керосиновые. У нас их две было. Одна от потолка свисала, другая — на столе обычно стояла. Опасно, конечно, но всё лучше, чем с лучиной. Электричество мы уж в 1959 году увидели, когда в Елбань переехали.

Мебели у нас было мало: кровати, полатки, лавки, столы, табуретки, стулья, шкаф. Утварь кухонная — кадки, бачки, чугуны, ухваты, доска деревянная для того, чтоб хлеб из печи вынимать, да и так кое-что из выпечки.

Стирали в специальном особом деревянном корыте на железной доске, гладили бельё валиком деревянным, потом появился чугунный утюг, затем — утюг с углями.

У нас комната была, кухня. Дом с сенями, кладовкой. В кладовке ларь стоял с пшеницей. Зимой в сенках, когда сильный мороз, кружак, помню, на потолке намерзал. Его голиком сметали — он завсегда в сенках стоял в углу, у двери.

Когда на Банном жили, часто в Елбань пешком ходили, да и в Маслянино, кому сильно надо, тоже пешком хаживали. Ну, конечно, когда мясо продавать ездили в район или волость, тогда уж подстраивались и ездили с тем, кто едет. А ежели в армию кого забирали, то парень в каждый дом ходил прощаться, его всегда за стол сажали, угощали».

С Банного в Елбань.

«В 59-м году стали переезжать в Елбань. Сначала переехала часть нашей семьи: мама моя с ребятами, которые в школе учились, да маленьким Колей. Для осталась с нами на Банном. Нам одним-то совсем скучно было. А уж в 61-м году в Елбань переехала вся семья.

Елбань — то деревня большая. Деревня эта раньше другая была. Домишки, в основном, были маленькие, низенькие, бревенчатые, крыши тёсом крытые. Были, конечно, дома и большие, но все в один этаж, кроме двух [зданий]. Кирпичной была только школа, и то наполовину. Один этаж, нижний — кирпичный, второй — деревянный. Школа занимала два помещения. Одного-то потом не стало хватать. В двухэтажной-то школе раньше помещик¹ Мошевикин жил.

Сначала в деревне один магазин был, там всё продавали — и продукты, и вещи, и посуду. Потом стало два: продуктовый и сельмаг (промышленный).

Елбань - деревня раскидистая, улицы в разные стороны уходят. Деревня меж гор находится, в низине. Раньше в центре деревни така гора хорошая была, каменная. С гор завсегда вода стекала, деревня в грязи вечно утопала. Потом дороги стали делать, ямы и рытвины камнями засыпать. А где камни брать? Вот и стали гору рушить, взрывать. Всю красоту разрушили. А ещё раньше разрушили дугую [гору], чуть дале от деревни. Место Осыпь называется.

---

¹ Помещик - вероятно, купец или богатый крестьянин (помещичьих хозяйств в Приобье не было).

Ещё перква в деревне была, да в 30-е годы её прикрыли. Церковное [имущество] порастащили, колокол сбросили, а из неё клуб сделали. Частушку потом сложили:

На горе стоит избушка,
Это бывшая церквушка.
Раньше пели в ней попы,
А теперь поём и мы.

Батюшка был — Семён Михалыч. Церква-то была большая, на видном месте стояла, на горе. Рядом кладбище деревенское. Оно и теперь есть. Его не раз хотели перепахать, будто для пахоты места мало. Нехристи, да и только».

Елбань.

Сейчас Елбань — одна из крупнейших деревень в Новосибирской области. Имеет она более чем 300-летнюю историю. Находится деревня в Маслянинском районе, расположена на трёх речках — Каме-нушке, Бердюжихе и Елбани — левом притоке реки Бердь. Имя последней и было передано деревне.

О происхождении названия я также слышал следующее объяснение: в местности, где расположено село, есть множество холмов, так называемых елбанов — «высоких гладких мысов на берегу озера или реки».

Возникла Елбань на месте мелких сёл и деревушек — Костромской, Мендачной, Бочкарей и других. Некоторые из них стали её составными частями, а другие исчезли вовсе, оставив после себя лишь названия тем местам, на которых располагались.

Е. К. Шишкова

«Я МНОГО ЧЕГО МОГУ!»
БЕСЕДЫ С НАРОДНОЙ ЦЕЛИТЕЛЬНИЦЕЙ
ВАСИЛИСОЙ МАТВЕЕВНОЙ

1

Красноярский край, Назаровский район, Антропово. В этой небольшой деревушке, окруженной саянскими отрогами и речками, я родилась и выросла. В Новосибирске я живу уже шесть лет, а когда приезжаю в свою деревню, то снова как будто попадаю в детство.

Нашей деревне более 250 лет, и какие только люди ни обитали в ней. Моя прабабушка рассказывала, что в годы её детства в деревне жили староверы. Их дома стояли за рекой, и они редко заходили в саму деревню. Затем они ушли в тайгу, в сторону Хакасии. Дома их пустовали, другие люди постепенно заселили их, сделали хороший мост через реку Хабаровка (она впадает в реку Сereж), и вскоре на другом берегу выросло достаточно большое поселение, которое называли Заречка. Несмотря на то, что в 1996 году на деревенские дома прибили таблички с номерами, придумали названия улицам, всё равно второй берег сельчане называют Заречкой.

А деревня Антропово названа так в честь первого поселенца, которого звали Антроп-бобыль. Изба его стояла на небольшом полуострове у слияния Сereжа и Хабаровки, но это только предположения, хотя сельчане так утверждают. Неоднократно возле деревни стоял табор цыган, здесь селились «алтайцы» (переселенцы с Алтая), жили голодающие, приехавшие из Пензенской области в 1934—1935 годах, репрессированные в 1941 году немцы...

Теперь это вызывает улыбку, но моя бабушка, когда садилась прясть, всегда нас, внуков, баловала необычными историями, похожими на сказки (про русалок, домовых, леших), и утверждала, что это сущая правда. Пела нам песни. Я как-то хотела записать её песни на магнитофон, но она отказалась, а разрешила мне только записать слова песен на бумагу.

Деревня наша славилась своими врачевателями, целителями. Из окружных деревень съезжались люди, чтобы вылечить рожу, свин-

ку, заговорить чирий, поправить спину, поставить на место «сорванный» живот. Но были и такие «целители», которые делали «присушку», могли навести мор на скот и т. д.

Когда я поступила на исторический факультет, меня заинтересовала тема народного лечения, и исследование я начала со своей семьи, а именно — с бабушек и дедушек. Я вспомнила, что когда мне было 6—7 лет, моя прабабушка лечила меня от заикания. Я задала об этом вопрос моему деду, Тепляшину Николаю Николаевичу. Дед рассказал:

— Да, умела, могла; баушка лечила хорошо и людей, и скотину. Сама она была верующая, всегда молилась — утром, вечером и когда лечиться к ней приходили. Бывало, подойдет к часовне¹, пощёпчет молитву и только тогда лечит. Мне было пять лет, привезли ей с Кибитеня (соседняя деревня) парнишку, — его змея укусила, нога была вся опухшая. Баушка помолчалась, достала из скрыни² утгог, который ещё на углях разводился, и мешочек, сшитый из какой-то красной тряпки, а там полным-полно спитых из всяких тряпок змей. И вот она раздула утгог, берёт белую змею и показывает: «Эта тебя укусила?» Парнишка ей отвечает: «Нет». Она берет коришневую змею: «Эта?» — «Нет». Берет чёрную: «Эта?» — «Нет». Потом серую: «Эта?» — «Да, эта». Она взяла утгог и давай тряпошную змею гладить: «Сейчас мы её накажем». Меня-то из дома выгнали, но через полчаса и парнишку вынесли: он спал крепким сном, а нога его уже была не опухшая. И выздоровел ведь!

К сожалению, я не смогла побольше разузнать о своей прабабушке-целительнице. И решила сходить в гости к нашей деревенской «колдунье».

2

Бабушка Василиса, или, как мы её зовем, баба Васа, встретила меня очень даже добродушно. Но попросила об одном: чтобы я не указывала нигде её фамилию, а особенно её крещёное имя³. Она сказала, что собирается в этом году умирать, и имени её никто не должен знать, — так легче она попадет к дверям рая.

---

¹ Часовня - в данном случае - божничка, или красный, святой угол - место для икон в доме.

² Скрыня (пожнорус., украин.) - сундук, в котором женщины хранили своё имущество.

³ Крещёное имя (правильно - крестильное) - имя, которое в христианской семье даётся ребёнку при крещении.

Я спросила, не могла бы она определить, есть ли на мне порча. Баба Васа сказала, что порчи нет, а вот страх и испуг есть, и предложила мне «вылить» его. Я согласилась. Она растопила воск в железной чашке. Пока он таял, она молилась, читала «Отче наш», «Символ веры», «Живый в помощи». Затем над моей головой стала выливать воск из одной чаши в другую, приговаривая:

—Страсти, страсти, выйдите, вылейтесь из рабы Божьей Екатерины, из буйной головы, из густых кудрей, из ясных очей, из ретивого сердца, из рук, из ног, из жил и спожил, из белого тела, из красной крови, из чистого живота. Не я выливаю страсти, испуг, а выливают матушка Пресвятая Богородица со своими ангелами, архангелами, хранителями и покровителями. Испуг, испуг, я тебя выливаю, я тебя выкликаю на воск, на воду, на огонь. Выйди, выступи на воск, на воду, на огонь с лица, с головы, груди, спины, живота, рук, ног, двадцати пальцев, семидесяти двух суставов. Головы не крути, костей не ломь, сердца не суши, живот не коли, с лица всё сними. Аминь, аминь, аминь.

После этого баба Василиса поставила чаши на стол, и воск в воде стал застывать. Пока он застывал, она прочитала заговор, который называется «Ключ»:

— Сие слово есть утверждение и укрепление. Им же утверждается и замыкается. И ничем: ни воздухом, ни бурей, ни водою дело сие не отмыкается.

Баба говорит:

— Я всегда читаю «Ключ» после всех лечений, а потом надо потереть сухие руки о рупник.

Воск застыл, и фигура его напоминала собаку.

— Тебя собака напугала давно.

Это было действительно так, — меня в детстве напугала собака, и я после этого долго занкалась.

3

—*Баба Васа, а есть ли какие-то правила, как именно надо лечить людей?*

— А как же, конечно. Тебе скажу, тебе всё скажу, — ты девка молодая, видная, научишься, а я помру скоро. Так вот, всяк человек, который лечится, должен быть в крестике, я должна быть босиком и в платке, прочитав трижды «Отче наш», «Символ веры», «Живый в помощи», а там — какой надо заговор, ведь от всякой болезни есть

свой заговор. А я ничё не ем перед лечением, по окончании всегда читаю «Ключ» и утираю руки рушником.

Лечить мужиков надо в мужские дни: понедельник, вторник, четверг. Баб лечат в среду, пятницу и субботу. В воскресенье никого нельзя лечить, никого!

Когда провожаю больного, никогда не выхожу за порог. Если лечу некрещёного, то зажигаю 12 свечей. И нельзя брать за лечение платки, рушники и сало! Если прошёл дождь, то больной, когда идёт домой, не должен наступать на лывы, всю дорогу должен молчать, пока не переступит свой порог. Нельзя идти сразу в отхожу¹, это плохо...

— *А есть ли различия между лечениями? Вот, допустим, есть «белая» магия и «черная»...*

— А, вот ты про чё... Да, есть. Вот есть такие заговоры, которые на человека плохо делают. Он не хочет, а оно-то действует, если надо мужика вернуть в семью, или заставить его бросить пить, или сделать приворот. Я умею это, но я не делаю... Во как! А если заговорить больной зуб, помочь легко родить, ангину вылечить — это я могу!

— *У меня, кстати, горло часто болит, не помогли бы Вы мне?*

— А чё не помочь-то, помогу. Как заболит горло, выбери дерево и смотри на него от корня и прямо до маковки, и приговаривай три раза: «Смотрю на деревину от корня и до вершины, зайца ловлю, жабу даваю, съем-проглочу!» А вот от порчи: «Николай Угодник, Божий помощник, ты в поле, ты в доме, на небесах и на земле, вступишь и сохрани от всякого зла рабу Божию (говоришь имя своё) от глаза чёрного, от глаза серого, от глаза карего, от глаза зелёного, от глаза синего, от глаза детского, от глаза радостного, от глаза ненавистного».

— *А есть ли такая болезнь, которую вылечить трудно?*

— Да, это падучая...

Надо взять «падучего» и пойти с ним в полночь, в 12 часов, к заброшенному колодцу, — именно к заброшенному, другой не годит-

---

¹ *Отхожа* (простанор.) – отхожее место, уборная.

ся. За шесть часов до этого я ни с кем не разговариваю, подхожу к колодцу и говорю: «Здравствуй, вода Татяна, земля Ульяна, ключ Иван, дай нам воды от всякой беды». И возвращаемся домой, не оборачиваясь и не разговаривая.

Прихожу домой, сажу падучего на стул, а вокруг зажигаю и расставляю 12 свечей, - втыкаю в баночки с пшеницей. И всё это делаю молча! Потом ладан кладу на угли, трижды читаю «Отче наш», трижды — «Живый в помощи» и трижды — такую молитву: «Боже вечный, избавляющий человеческий род от плена дьявольского. Освободи Твоего раба (говорится имя падучего) от всякого действия нечистых духов, повели злым и нечистым духам, демонам отступить от души и тела раба Твоего (опять имя), не находиться и не скрываться в нем. Да удалятся они от создания рук Твоих во имя Твое святое, едиnorodного Твоего Сына и животворящего Твоего Духа. Чтобы раб Твой (имя), очистившись от всякого демонического влияния, пожил честно, достойно, удоставаясь пречистых Твоих тайн, едиnorodного Твоего Сына и Бога нашего, с которым благословен и прославлен Ты вместе с пресвятым и преблагим и животворящим Твоим Духом, всегда и ныне, и во веки веков. Аминь».

И тут я на воду колодежную читаю наговор: «Я, раба Божья (говорю своё крещеное имя, но тебе не скажу — нельзя!), встану благословясь, перекрестясь, из ворот в ворота, из дверей в двери и на восточную сторону. Там за морем-океаном стоит гора, на этой горе стоит святая апостольская церковь. В этой церкви на золотом престоле стоит Пресвятая Богородица, сам Инсус Христос, семьдесят семь старцев, семьдесят семь ангелов, семь архангелов, семь херувимов, семь серафимов. Я, раба Божия, подойду и поклонюсь понижее: “Матушка Пресвятая Богородица, батюшка Инсус Христос, семьдесят семь старцев, семьдесят семь ангелов, семь архангелов, семь херувимов, семь серафимов, укажите, чем полечить раба Божьего (имя)”. “Идите за море-океан, среди океан-моря стоит белая берёза, на берёзе сидят два чёрных ворона — носы железные, когти булатные. Чёрные вороны, помогите, подсобите, излечите раба Божьего (имя) от уроку⁷, от призора, от страху, от переполоха. Выскребите, вычистите железными носами, булатными когтями из ретивого сердца, из чёрной печени, из красной крови. Батюшка Чумыш¹, бы-

---

¹ Чумыш - река на севере Алтайского края, правый приток Оби. Упоминание здесь этой реки, возможно, свидетельствует о влиянии группы переселенцев с Алтая, упоминавшихся в тексте ранее, на культуру приенисейского населения.

страя река, омываешь ты берега, жёлтые пески. Вымой, выполощи из раба Божьего (имя), из ретивого сердца все уроки, призоры, страхи, переполохи, разнеси всё по зеленым лугам, жёлтым пескам по маковому зернышку”. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, во веки веков. Аминь». После этого читаю трижды «Ключ», — тебе я его уже говорила. Умываю падучего этой водой и даю попить три раза по три глотка.

Потома-ка, на следующий день, веду его в остывшую баню. Тама у меня кадушка стоит. Наливаю в неё воды, щупаю локотком, чтобы еле-еле тёплая была — как молоко парное. Наливаю ещё наговорённой воды из колодца, что осталась, крынку молока, половину половника¹ мёда, семь половников соли (пусть будет чуть больше, ничего страшного). Он сидит в кадушке минут пять, потома его вытащить (помочь, а то склизко, может расшибиться), затем сделать ему примочку на заднюю часть шеи из его мочи. И делать такую баню пять дней. Потома надо сжечь коровьи рога, взять жменьку этой золы и размешать в двух литрах воды, и чтобы за эти дни он её всю вышил, и ещё давать ему пить отвар из трав по полстакана три раза в день. Травы кидать по одной щепотке на один литр воды: хмель — шишка, хвощ полевой, мята, дурманник колючий.

Вот так и лечу. А то врач: «Пелепсия, пелепсия», — а я эту пелепсию лечу, вон скольких на ноги подняла, с самого города² презжали.

Ещё лечу от испуга, заикания, когда ребенок мочится, от слеза и порчи, от тоски... Это была у нас баба, — наверно, знаешь, — Косарёва Нинка, и пригнали к нам солдат в колхоз убирать турнепку, так полюбился ей один. А он уехал, — покрутил девку и бросил. Родила она сураза³, и до того тосковала, аж высохла вся, — ни ест, ни пьёт, ни спит. А в те года это, — ой, какой срам был. Я пожалела её, вылечила от тоски, а парнишка у неё красивый вырос, все девки сохли по нему. Во как было!

Кроме тоски, от пьянства лечу, если сам алкаш захочет, а если нет — толку не будет. В том месте, где спала свинья, собрать надо солому и остальное, что есть, собрать всё в кучу. В эту кучу поставить бутылку и приговаривать: «Свинья, и то водку не пьёт. А помон жрёт. Так и ты, раб Божий (имя), водку не пей, через неё не болей».

---

¹ *Половник* — стряпной ковшик, поварёшка.

² *Город* — в данном случае — Назарово или Красноярск.

³ *Сураз* (презрительная кличка) — «незаконнорожденный» ребенок.

Из той бутылки пусть алкаш напьётся, — всё! Всяка охота уйдёт. Он потом от бутылки будет бежать дальше, чем видит!

Грыжу, рожу могу лечить, от волоса — это когда ноги пухнут или пальцы рук. Кто спину сорвал или живот, могу кости на место поставить, если змейка акусила. Бабе разродиться помогу.

Тебя ещё не было, - тетка твоя рожала. Вызвали фельдшера, прибежала она — и так, и сяк, а ребёночек неправильно лежит. А пока эта скоро приедет с города, позвали меня. Я помолилась матушке Пресвятой Богородице и великомученице Екатерине — они в родах помогают, натопила баню и повела её. Родила, как миленька, а фельдшерица бегает: «Ой, чё ты делаешь, в тюрьму посодют». А ребёнок лежал поперек живота, — ой, это страшна вещь! Закутала ребёночка, вышла. Приехала скоро и стали врачи [говорить]: «Не может быть, не может быть!» А вот и может, без всякого кесаря сечения.

Могу ещё сделать, чтобы дело сладилось, заговорить чирий, заговорить булавку от сглаза. Много чё могу!

4

Баба Василиса дала мне много всяких рецептов. Вот некоторые из них.

Если человек совсем глухой, следует взять собачьего молока и закапывать в уши по три капли три раза в день; через неделю всё исчезнет.

Ребёнка лечить от грыжи нужно так. Принести младенца в баню, вымытого взять на руки и прикусывать «грыжное» место, сплёвывая и приговаривая: «Стану я, раб Божий (имя), благословись, выйду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами. Выйду я в чистое поле, помолюсь и поклоюсь на восточную сторону. Под восточной стороной есть окиян-море. На окияне-море ходит щука бела, зубы укладны, хвост булатный, поедает и пожирает у раба Божьего (имя) грыжу, чтобы не в вечерню, ни на нову, ни на ветху, и ни на перекрой месяцу. Во веки веков, аминь. Будьте мои слова замком замкнуты, ключом заперты».

Если мучают камни в печени, нужно голодать 24 часа, через каждые два часа с 8 утра и до 10 вечера пить по стакану горячей сыворотки. При гниющей печени (думаю, что это цирроз) 10 бабочек-самцов, именно самцов, а не самок (их отличительный признак - одна чёрная точка на крыльях) настоять на поллитре водки. Поставить на очень тёплое место на пять суток. Пить по столовой ложке 3-4 раза в день за 10 минут до еды.

Или ещё рецепт — от болей в суставах. Жменька канифоли, перетёртой в порошок, жменька порошка горчицы, полстакана спирта, шесть яичных белков. Всё взбить, подогреть и натирать суставы.

От лихорадки лечатся так: нужно искупаться в реке, вытереться насухо чистой новой тряпицей, вместе со своей рубахой повесить её на дерево и оставить там. Смысл обряда таков: смывая и стирая с тела недуг, больной как бы снимает его с себя и вместе с тряпичицей передаёт дереву. Как истлевают вещи, так и недуг пройдёт.

И таких рецептов бабушка мне дала очень много.

5

— *Баба Ваза, а какие приметы и суеверия являются правильными? И вообще, как раньше проходили свадьбы, похороны или ещё что-то ?*

— Ой, в те года свадьбы были не то, что нынче — напьются, нажгутся, как поросята. А раньше было по-другому. Было всё сурьезней: как свадьба пройдет, так дальше и жить будут.

Если у жениха или невесты не было родителей, то назначались названные мать и отец. Дружка жениха — это весёлый молодой парень, дружка невесты — тоже весёлая. Дружки должны быть незамужние, неженатые и не разведённые. Если дружка был женат, то жених поделится с ним своим счастьем. Сват и свашка — это близкие люди, они могут быть женатыми. Они-то и проводят всю свадьбу.

Нельзя играть свадьбу в мае — маяться будешь. Свадьба всегда после постов, обычно к осени, когда уберут сено, огород, — лучше август и сентябрь¹. Приглашать на свадьбу гостей должны только жених, невеста и мать жениха — и никто больше! Они объезжают сами всех гостей и приглашают.

Гости какие — это сильно значит что. Одни — те, кто радуются за молодых, другие — кто завидует им, и они могут взглянуть молодых. И не надо, чтобы за столами сидели хмурые. Вот сейчас, вижу, хвастаются: «У нас на свадьбе было сто человек»; «А вот у нас — двести»... Так нельзя! Лучше сорок человек, но хороших: чем больше людей, тем больше недобрых взглядов. Некоторые свадьбу делают напоказ: «Вот, мол, смотрите, как мы живём!». Не надо так! Бог с

---

¹ *Лучше август и сентябрь* - нетипичная ситуация; традиционно в Приенисейском крае, как и во всей Сибири, больше всего браков регистрировалось в январе и феврале.

имя! Они наклеивают на детей своих зависть, а от неё уже злоба, ненависть. Это же таинство, его надо оберегать от дурного глаза! А сурочить могут! Недаром же до года младенца не показывают.

Свадьба должна проводиться в доме жениха. Играть свадьбу в другом месте — плохая примета. Если на улице — то жизнь у молодых будет, как проходной двор или проезжая дорога.

Обручальные кольца сейчас из золота, а по-ранешнему кольца должны быть из чистого серебра. Их перед свадьбой заговаривали. Для этого мать жениха трижды на них читала «Отче наш», молитву перед началом любого дела, молитву на освящение любой вещи и молитву по окончании любого дела. И никто не должен к кольцам дотрагиваться, только батюшка из церкви. Если кто-то тронет, то надо заговаривать сначала. Если кто-то из молодых теряет кольцо, — ох, это и плохая примета. Нельзя давать кольца мерить ни холостым парням, ни незамужним девицам, — это не игрушка, а святыня!

— *А снимать кольца можно?*

— Можно. Только терять нельзя, а сымать можно.

Перед свадьбой жених и невеста должны одеть заговорённые крестики и прицепить булавки от сглаза, чтобы никто не видел. Одна булавка слева, другая справа, третья у невесты на подол, а у жениха — сзади на пиджак.

Вечером перед венчанием проводится девишник, а у парней — своё. Как зашло солнце, так все парни (молодёжь) собираются у жениха дома. Выпивают, разговаривают, веселятся. Тем же занимаются и подружки невесты. Веселятся до полуночи строго и расходятся.

Невесте нельзя давать мерить ничего из своего свадебного. Фата — это венец невесты, второй раз в фате нельзя венчаться.

Выкуп происходит в комнате невесты, или, как по-ранешнему называли, - в горнице. За столом переговоров собираются все родственники невесты, они сидят с одной стороны. Со второй сидят сват и свашка, а жених стоит у порога, невеста стоит в глубине комнаты. На столе лежит скалка, которой катают тесто. Ведь каравай — хлеб, это свято; скалка катает тесто и умеет отталкивать сглаз. А у нас сейчас кладут новую скалку из магазина, которая ни разу не катала тесто, а ещё и пытаются ей шутливо бить по рукам. Нельзя так! Нельзя!

Выкуп платят родственникам невесты и подругам, если они незамужние, а если замужем, то они могут унести у молодожёнов сча-

стве. Когда выкуп сделан, выходят во двор. Встают все в круг, берутся за руки, а жених с невестой в центр, и поют:

Не было ветров, не было ветров,
Да вдруг навяяли (2 раза).
Не было гостей, не было гостей,
Да вдруг наехали (2 раза).

Зять у ворот, зять у ворот
Да околачивается (2 раза):
«Дайте моё, дайте моё
Да чудо дивное, да чудо ряженное».

Вывели ему, вывели ему
Да красну девицу, да раскрасавицу.
«Это моё, это моё
Да чудо дивное, да чудо ряженное!»

Наряжали тройку самых красивых коней в ходок. И ехали так: первые — молодые с друзьями, вторые — сваты и свашки, третьи — родители жениха и невесты, потом следующие родственники, и в конце — друзья и подруги. Надо проехать через три моста. Если молодым перекрыли дорогу — это хорошо, людям сваты вручают конфеты, вино. Чем больше останавливают молодых, тем больше роздано угощений, тем больше похвалы молодым. Встретиться свадьбе с похоронами — это к худу! Но можно исправить. Сваты должны узнать имя покойника, завернуть к церкви и раздать милостыню трём нищим от лица покойного.

Если младшая сестра выходит замуж вперёд старшей, то на свадьбе старшая должна танцевать босиком. Она в срок замуж не может выйти только потому, что на ней порча, вот и пляшет на свадьбе у сестры босиком, чтобы порча вышла через пятки в землю.

Если у невесты на свадьбе порвалось платье — к худу. А вот дождик, хотя бы мелкий, — к счастью. Но если во второй половине дня, то к несчастью. Подарки надо вручать правильно. Свашка и сват берут металлический поднос и обходят гостей. Те вручают подарки, а свашки наливают им рюмку и дают закуску. В свой дом жених должен перенести невесту на руках, или нужно перешагнуть порог вместе. Вот нонче крадут туфлю невесты, пьют водку из туфли, орут друзьям: «Кисло», — это неправильно! Это уже сами придумали.

А вот после того, как невесту увезли из родного дома, надо сразу вымыть полы. Если не помыть, то её будет тянуть обратно. Жених и невеста должны быть одной веры, а то они плохо будут жить.

После венчания - гулянка! Пляски, песни, гармошка. А шутили как: возьмут, впрягутся в дрожки¹ или пестерёк, а еще хуже, если в пестерь², посадят туда тещу, тестя — и пряником к речке, топить их. А жених должен выкуп дать за них. Вот такие были свадьбы, не то, что нонче!

— *А есть ли ещё какие-нибудь приметы?*

— Ну, нельзя качать пустую зыбку, а то ребёночек будет плохо спать, плакать будет. Нельзя беременной женщине смотреть на покойника, а то ребёнок может родиться мёртвым. Нельзя ей фотографироваться. Нельзя ей материться, бить скотин)⁷ и ругаться с кем бы то ни было. Нельзя беременной становиться крёстной матерью чужого ребёнка. При родах нужно снимать все серьги, кольца, только крестик оставить надо. Если в доме покойник, то постель и вещи его надо сжечь. А то вот говорят: «Люся, возьми вещи Ивана, пусть Петька носит и поминает». Нельзя так! Нельзя!

Плохо умирают колдуны. Ох, миленька, как они мучаются!

Вот были времена, — мы с твоей прабабкой Пелагеей были в девках. И случилось так — стала умирать одна бабка, а она умела «наряжаться»³. Вот «нарядится» в сороку или свинью, а то и в колесо. И вот пришло ей время умереть. Давай она орать, мечется по постели. Господь не может её душу забрать, она ведь дьяволу принадлежит, а тому — потеха.

Призвали батюшку — исповедаться перед смертью и причаститься. А она не может, криком диким орёт. Он её святой водой, а она: «Ой, жгётся! Ой, жгётся!» Одели на неё крест, утром пришли, а он скатанный в колобок. Зубов у неё нет, а она его ртом скатала. Второй крестик одели, — такая же история. И вот мучилась, мучилась, руку тянет и орёт: «Возьми!» Это она своё колдовство хочет передать, а никто не берёт. И вот мучилась, мучилась... А одна старуха пришла, открыла заслонку печи, взяла каток⁴, подала ей его. Та

---

¹ *Дрожки* и упоминаемый далее *пестерёк* - разновидности телеги.

² *Пестерь* - плетеная тележная корзина для перевозки навоза.

³ «*Наряжаться*» - здесь – превращаться, преображаться.

⁴ *Каток* – деревянная скалка, на которой гладили бельё; каток подкладывали и под ухват, когда задвигали тяжёлый чугунок в русскую печь или вынимали.

схватила его, и всё легче ей стало. Старуха подошла и катком этим в печь, — как будто чугун закатывает. И тут колдунья как заорёт, и померла, а из трубы такой огонь вышел, а ведь было лето, и печь не топились. Это видела я сама, при мне было в 1919 году. Во как!

Ой, при нас всё было, и один мужик даже в коня «наряжался». Парни смотрят: бегат конь красивый, рыжий. Поймали, зануздали, подковали; утром глядя, — а в стойле мужик стоит привязанный, голый, на четвереньках, а на руках и ногах его подковы.

6

На прощанье баба Василиса заговорила мне булавку и прицепила с обратной стороны одежды. Строго-настрога ещё раз запретила мне упоминать её фамилию и крещёное имя (хотя я его и не знала). Она сказала, что человеку принято носить два имени, — одно обычное, для всех людей (Василиса), а второе — настоящее, крещёное. И второе надо держать в строгой тайне. Дело в том, что, не зная крещёного имени, на человека нельзя навести порчу. И при смерти ему легче будет попасть в рай. Крещёное имя дается по святым¹ того дня, в каком человек крестился.

Нетрудно догадаться было, какое у бабы Васы крещёное имя, ведь она мне сказала дату своего крещения. Мне стоило только заглянуть в книгу «Православные святцы». Скорее всего, бабушка надеялась на мою порядочность: крещёное её имя я не выдам, а если она умрет, то поминать и ставить свечи смогу по этому имени.

Я напишу о своей собеседнице так: Василиса Матвеевна, год рождения — 1905, место рождения — деревня Антропово.

7

В июне-августе 2003 года в родной деревне и соседних селениях Назаровского района я записала немало интересных материалов о народной медицине. Продолжились беседы и с Василисой Матвеевной. Вот её подробные рецепты предупреждения и лечения «порчи», которую называют также «уроками».

— В первую очередь на голове платок — это первая защита. На теле должен быть крестик, что у меня, что у того, кого лечу. Икона у меня Пресвятой Богородицы, во имя её лечу. Не сама я, она меня направляет

---

¹ По *святцам* - по церковной книге, православному месяцеслову, где на каждый день года обозначается память тех или иных святых, знаменательных событий Священной истории.

ет. Ничего не ем перед лечением, в один день принимаю не больше троих людей, больше не беру. Во всяком случае, начинаю лечение с «Отче наш». Молитву произношу девять раз, потому-ка читаю три раза Николаю Угоднику со своим именем: «Николай Угодник, Божий помощник! Ты и в поле, ты и дома, на небесах и на земле, заступи и сохрани от всякого зла рабу Божию (имя лекаря)¹. От глаза чёрного, от глаза караго, от глаза серого, от глаза зелёного, от глаза синего, от глаза детского, от глаза радостного, от глаза ненавистного». Эта молитва меня защищает от порчи, которая может перейти с больного на меня. Дальше идёт лечение, смотря, какая болезнь. А вот уже после, как получил, то обязательно надо трижды читать «Ключ».

Против уроков хорошо пользует вода, если её трижды переснять с каменки в бане. Для этого зачерпнутая в ковш вода выливается на каменку и снизу снова подхватывается в ковш. Этой водой окачиваются и пьют её, приговаривая: «Как на каменке, на матушке, подсыхает и подгорает, так на рабе Божьем (таком-то) подсыхай и подгорай!»

— Это надёжней и быстрее, — говорила баба Василиса — ведь еда, вода — оно же быстро попадает в тело, и там — в кровь! А ведь, по Библии, в крови живёт душа. И здесь в душу могут вселиться бесы! И если, например, сделали порчу на семью, то разлад произойдёт быстро.

Лечение порчи надо начинать на ущербную луну. Взять трёхлитровую банку и налить в неё почти до верха воды, которую набрать надо утром (с 7 до 7.15 или с 9 до 12.20), днём (с 15 до 16.40), либо вечером (с 20 до 20.30 или с 23 до 24 часов). Потом долить полстакана святой воды. Посадить порченного на стул в дверном проёме, чтобы он смотрел на выход из избы. Потом я встаю сзади, а банку надо поставить на стол или табуретку, но не на пол — нельзя! Пока идёт лечение — и день, и два, и три дня — банку с водой ставить нельзя на пол! Ежели поставишь — всё бесполезно. Потом насыпать в банку четверговой соли² на кончике ножа с чёрной ручкой.

Потом нужно трижды крестить банку ножом, причём опускать нож по самую ручку в воду, как бы резать воду крестом. В это вре-

---

¹ *Имя лекаря* - не то, которое он носит, а то, которое ему дали при крещении. У настоящего лекаря всегда два имени. Своим крещёным именем он пользуется при причастии и исповеди в храме, вторым - в миру для того, чтобы колдун или ещё какой-нибудь худой человек не извёл его.

² *Четверговая соль* - соль, освящённая в церкви в чистый четверг перед Пасхой.

мя читаю шёпотом «Отче наш», трижды — Символ веры, трижды — псалом «Живые в помощи», потом молитву Иисуса Христа на избавление от порчи¹. После молитву читаю три раза Николаю Угоднику (см. выше). Беру пять спичек и зажигаю первую, крещу ею больного над головой — бросаю в банку, второй спичкой над спиной — в банку, третьей спереди — в банку, четвёртой — с левого бока, пятой — с правого. После этого читаю «Ключ». Потом я смотрю в банку: если спичка погасла во время крещения над головой или ушла на дно банки, или встала в воде колом — то, значит, порча тянется ещё от предков, из поколения, и передастся детям. Если то же случилось со спичкой, которой крестили со спины, — порчу навёл неизвестный тебе человек. Если с лица — тебе сказали прямо в лицо от зависти, и ты знаешь, кто сделал, надо только вспомнить. Если с левого бока — порча от родственников, если с правого бока — порча от чужих людей.

Теперь надо смотреть, как легли спички. Если они легли крестом, то порча наведена на смерть. Если буквой «Т», то — на дом и жилище, если буквой «Х» — связана с любовью, либо мстят или привораживают. Если буквой «П» — порчу ты поймал через еду, и если ты ешь такой продукт, на который наведена порча, то будешь чахнуть. Одинокaя спичка стоит колом — порча наведена на одиночество, отводят от тебя родственников, друзей, всех.

Пить эту воду нужно девять дней подряд, утром и вечером. Потом там вода останется со спичками, её вылить под дверь или за ворота со словами: «Откуда пришло, туда и уйдёт». В девятый день порченому обязательно следует сходить в церковь и поставить свечу за здравие. Если этого не сделать, то лечение было бесполезным.

Всю дорогу, пока больной идёт домой с водой, нельзя ни с кем разговаривать. Если идёшь через мост, то надо в банку бросить иголку, иначе её разорвет. Три дня после прихода домой нельзя давать из дома три вещи: хлеб, соль, деньги. И самому эти вещи ни у кого не брать.

— За год я принимаю много порченных людей, всех и не подсчитаешь. Никогда ни с кого не беру денег... Но говорю то, что надо делать. Порченный, пока его лечу, должен поститься! Молиться и ходить в церковь. И я начинаю лечить наговорённой водой и заговором. Порча выходит по-всякому... У кого рвотой, у кого —

---

¹ Перечисленные здесь молитвы можно найти в православном молитвослове.

слюнями тягучими, на коже всякими прыщами, коростами, вонючим воздухом, расстройством желудка. Хорошо лечат такую порчу святые места, церкви, иконы. Но порченному трудно самому идти туда, ему надо помогать. Они начинают выть, лаять, ругаться. Могут из них выходить иголки, копачьи или собачьи волосы, всякие предметы. Так вот, после того, как порченный вошел в пост (ему надо и на церковные службы ходить), я читаю на воду такой наговор: «Отче наш», а потом такие слова: «Колдун, колдун, режь своё тело, пей свою кровь. А до крови и тела раба Божьего (имя) нет тебе дела. Аминь».

А можно так поступить. Взять воду, которую порченный принёс в запазухе из дома, и наговорить. Сначала «Отче наш», потом «Да воскреснет Бог»¹, а потом сам заговор читать над водой три раза: «Михаил Архангел шёл с небес, нёс на голове животворящий крест. Поставил этот крест на каменном мосту и оградил железными оградами и штыками, запер тридцатью тремя замками и все под один ключ. И отдал ключи Пресвятой Богородице во правую руку. Никто эти замки не откроет, никто раба Божьего (имя) не испортит ни в жилёе, ни на пиру, ни в пути. День хожу под красным солнышком, ночь под ясным месяцем. Чёрт-сатана, отойди от раба Божьего (имя) на тысячу дорог, на тысячу полей, где люди не ходят. А здесь святая дорожка, святым духом ограждена. Аминь, аминь, аминь». Бросаю в воду щепотку соли и три сожжённых спички. Воду эту нужно пить, брызгать дом, тело, вещи, комнаты, умываться ею.

Рецепты лечения от «порчи» у бабы Василисы были неисчерпаемыми. Вот ещё два из них.

—Наговорить на воду, взятую с речки или колодца в 12 часов ночи, наговорить каждую молитву по три раза — «Отче наш», «Верую», «Живый в помощи». Потом разлить воду в три стакана (налить на треть стакана), положить три сырых яйца рядом и ещё раз прочитать псалом 90. Разбить каждое яйцо в стакан, — не разбалтывать! Лечь спать, один стакан поставить в голове, два других на стулья по левую сторону и по правую. Утром можно увидеть в стаканах сваренный белок — белые нити, или желток, обёрнутый в белый саван. Всё вылить в уборную, и так делать каждый день, пока не исчезнет сваренный белок. Это может быть один день, три дня, а может и месяц — было и такое, всё было...

---

¹ «Да воскреснет Бог!» - православная молитва Кресту.

—Пока воск топится, прочитайте по три раза «Отче наш», «Богородице дева, радуйся», «Да воскреснет Бог». Потом над головой порченного выливать воск и наговаривать: «Встанет раб Божий (имя), благословясь, пойдёт, перекрестясь, из избы к дверям, из ворот воротами, в чистое поле, в зелёную дубраву. Там стоит берёза во двенадцати корнях. Как на ней не держится роса утренняя или вечерняя, так и на рабе Божьем (имя) не держатся уроки злые. Урок, урок, урок али страшная порча, выйди, выльись! Будь мои слова крепки, лепки, крепче клею осотревого¹. Аминь». Это так надо делать девять дней подряд, и всё пройдёт...

Для предотвращения «уроков» баба Василиса предлагает такой способ. Прочитать «Отче наш» один раз, затем на воду три раза прочесть заговор: «Сохрани и помилуй от чёрного глаза, от серого глаза, от голубого глаза, сохрани и помилуй, Михаил Архангел. Прочитай, потом заговорённой водой умыться и попить этой воды.

Бывает так, что человек может сам себя сглазить. Например, скажет: «Как я давно не болел». В этом случае нужно наговорить на воду заговор: «Сама себя озеваала, сама себя окаркала, сама себе пособлю», — и умыться этой водой.

Бывает, что в гневе, во время ссор люди проклинают того, с кем скандалят, и при этом желают ему всякого лиха, после чего тот теряет здоровье или вовсе умирает. Такого больного лечат обычно в закатные часы. Сажают его на стул лицом к порогу, встают за спиной и, прикасаясь к нему ножом, читая при этом заговор, лечат три вечера подряд. В последний вечер нужно брызнуть святой водой на больного, и пусть он утрётся подолом своей рубахи. Заговор такой: «Господь спаситель и избавитель, спаси и избавь раба Божьего (имя), проклятье сними с него, все заклятья, с первого слова и до последнего. Аминь, аминь, аминь».

Записала я от Василисы Матвеевны заговор и от затяжной икоты: «Во имя Отца, и Сына, и Духа Святаго! Земля, ты, мати, не пей крови, не губи, от икотницы избавить помощи (острием ножа крестят больного)! Брат мой, железо, помощи, выйми из тела болезнь и щепоту-икоту. Аминь, аминь, аминь».

От испуга баба Васа лечит выливанием расплавленного воска. Пока топится воск, следует прочитать «Отче наш». Посадить испуганного у порога лицом к двери и, выливая воск из одной чаши в другую, читать: «Страсти, страсти, выйди, вылейся из раба Божьего

---

¹ *Клей осотревый* - вероятно, рыбный, осетровый клей.

(имя) — из буйной головы, из густых кудрей, из ясных очей, из ретивого сердца, из рук, из ног, из жил и спожил, из белого сердца, из красной крови, из чистого живота. Не я выливаю страсти, испуг, а выливает матушка Пресвятая Богородица со всеми ангелами, архангелами, хранителями и покровителями». Так читать над головой нужно девять раз. А потом посмотреть, что вылилось, но самому испуганному нельзя смотреть в чашку. Воск можно оставить — им можно долго пользоваться, а воду следует вылить под дерево.

Есть в народной медицине древнее средство, чтобы разом избавиться от всех болезней. На воду опускается кусочек хлеба с низким поклоном: «Пришла я к тебе, матушка-вода, с повислой да с повинной головой, прости меня, простите вы меня, водяные деды и прадеды!» Отступая по одному шагу назад, до трёх раз нужно повторять этот приговор с поклоном и не оборачиваться.

А вот как баба Василиса рассказывала мне о том, как заготавливают лекарственные травы:

— Травки собирать надо с умом! Какую днём, какую утром, а какую и в полночь... Многие травы собирать надо на заре. Утром, выйдя в поле, поклонюся на четыре стороны, поклонюся ветру, солнышку, луне, матушке-земле, небушку — ведь все они помогали расти им [травам]. Становлюсь на колени и читаю «Царю небесный», «Отче наш», «Верую во единого Бога». После чего подхожу к травке и, кланяясь ей, прошу прощения за то, что срываю, потом прошу её, чтобы она пошла во благо, и только после этого срываю и складываю в тканый мешок, а не в какой другой. А то, смотрю, Егошиха идёт с салафановым¹ пакетом... (Я говорила ей — запаришь ты траву-то, а дурак — она и есть дурак!) Сушить травку надо в темноте и на ветру, я делаю так на чердаке. Открою окошечко, и лёгкий ветерок идёт, — так надо, чтобы от жару не зарумянило. Ой, не дай Бог, водица попадёт, этого нельзя. Потому-ка сухую траву зашиваю или завязываю в холстины и складываю в корзины и короба, чтобы из травы дух не ушёл.

— От каждой болезни — своя травка. Даю: «Вот, на тебе на месяц, пить два раза в день по полстакану». Приходишь ко мне через месяц — уже даю другую травку, и так вот, пока не вылечится. А то как нонче делают — всю траву в кучу [смешают] и пьют, а потом — то печёнка хватат, то сердчишко. А надо всё делать вовремя и с умом. Некоторые лечения доходят даже до года...

---

¹ Салафановый (простонар.) - целлофановый.

Мне пришлось переписать эпилог своей работы, потому что я не знала, что случится позже. Материалы к дипломной работе я собирала летом, а когда приехала в деревню в сентябре, то оказалось, что баба Васа умерла. До этого она сказала соседке:

— Приди ко мне утром, — я сегодня умру.

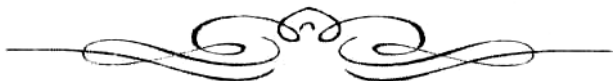
Соседка посмеялась, но утром всё-таки зашла. Баба Василиса умерла тихо и спокойно, во сне.

На похороны пришла вся деревня, приехали даже люди из города, которых она лечила. Утром накрапывал дождик, а потом выглянуло солнце и появилась радуга. Сельчане говорили, что это хорошая примета, и человеком бабушка была добрым. Я зашла в маленькую церквушку и, подойдя к иконе, прошептала:

— Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, царство небесное за рабу Божию...

А дома у меня осталась целая тетрадь с рецептами народного лечения и заговорами. Я часто заглядываю в неё...

Частично опубликовано ранее: Шишкова Е. К. «Я много чего могу!»: Народная целительница из сибирской деревни / / Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Барнаул, пед.ун-та, 2005. Вып. 6. С. 136-141.

БИБЛИОГРАФИЯ КОЛЛЕКЦИИ КАФЕДРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НГПУ

Литература о коллекции историко-биографических материалов:

Зверев, В. А. Коллекция биографических материалов на кафедре отечественной истории НГПУ: происхождение, содержание, перспективы использования / В. А. Зверев, Е. В. Конева // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве: (к юбилею проф. Е. И. Соловьевой). Новосибирск: НГПУ, 2004. С. 53—56.

Зверев, В. А. Коллекция биографических материалов на кафедре отечественной истории НГПУ: программа подготовки к хранению и использованию / В. А. Зверев, Е. В. Конева // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры: (к юбилею проф. Т. Н. Троицкой). Новосибирск: НГПУ, 2005. Т. 3. С. 19-22.

Зверев, В. А. Услышанное прошлое: опыт создания и использования историко-биографической коллекции в педагогическом университете // Устная история (oral history): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара / В. А. Зверев, Е. И. Косякова. Барнаул: Барнаул, пед. ун-т, 2007. С. 43—54.

Публикации материалов, хранящихся в коллекции:

Балева, Н. П. «Вот и вся моя жизнь...»: воспоминания А. В. М-вой // «Есть родина твоя...»: материалы Междунар. науч. конф. «Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX — начало XX в.): секция «Молодые историки — сибиреведы и краеведы». Новосибирск: НГПУ, 2002. С. 72-78.

Борискина, Е. О. Обмороженное детство: воспоминания двух сестёр о нарымской ссылке // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII — начала XXI в. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 240—245.

Булгакова, В. В. «Горя всех нас сблизило»: воспоминания Е. П. Стаценко // «Есть родина твоя...». С. 59-65.

Волостков, В. К. Спасибо за отцовскую науку // Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири. Новосибирск: НГПУ, 1995. С. 28-30. (Тот же текст: *Волостков, В.* Отцовская наука была суровая... // Традиционная педагогика: учеб. программа, хрестоматия и практикум. Новосибирск: НГПУ, 2005. С. 94-97.)

Герб, А. В. В. Беженцы с Алтая: воспоминания купеческой внучки // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Барнаул, пед. ун-та, 2003. Вып. 5. С. 209—212. (Тот же текст: *Шевцова, А. Г.* Воспоминания купеческой внучки // Сиб. горница. 2003. № 4. С. 81—90.)

Гриценко, Н. П. Тихая жизнь: семейная история в бабушкиных рассказах // Образ Сибири... С. 255—262.

Живётъ — не оглянись...: наши корни: [отрывки из воспоминаний крестьян] // Сов. Сибирь. 1992. 15 июля. С. 3.

Зверев, В. А. Аби да бабай: две татарские семейные истории из коллекции историко-биографических материалов / В. А. Зверев, З. М. Ахметгареева, А. Р. Мухометшина // Восток — Запад: проблемы взаимодействия: история, традиции,

культура: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. А. В. Эдакова. Новосибирск: НГПУ, 2007. Ч. 2. С. 181-192.

Зверев, В. А. Два семейных предания о переселении в Алтайский округ конца XIX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2005. Вып. 6. С. 159-163.

Зверев, В. А. Курганские новосёлы на Алтае: семейные предания в пересказе И. Т. Солдатченко // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 5. С. 216-219.

Зверев, В. А. «У жадного брюхо болит»: эпизоды криминальной истории сибирской деревни (первая треть XX в.) // Жизнь законом: правовое и правовед. пространство истории. Новосибирск: НГПУ, 2003. С. 126—149.

Зверева, К. Е. По старой памяти: судьба советского крестьянина и его семьи в мемуарах / К. Е. Зверева, В. А. Зверев // Между прошлым и будущим: вопр. истории и ист. образования. Новосибирск: НГТУ, 2000. С. 140—154. (Тот же текст: *Шамтуров, Е. Г.* По старой памяти // Сиб. горница. 2002. № 2. С. 63-70.)

Кайгородова, А. П. С нашим немалым участием // Красен человек учением. С. 26—28. (Тот же текст: *Кайгородова, А.* Сделано с нашим немалым участием // Традиционная педагогика. С. 91-94.)

Козлова, Н. П. «Как это всё началось...»: воспоминания С. И. Курина // «Есть родина твоя...». С. 52—58.

Косякова, Е. П. «Я с двенадцати лет погибаю...»: коллективизация детскими глазами // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII-XXI вв. Новосибирск: Изда-во Новосиб. техн. ун-та, 2007. С. 164—173.

Лушников, А. М. На трудной земле // Красен человек учением. С. 30—32.

Михалева, А. М. С раннего утра и до поздней ночьюки // Традиционная педагогика. С. 97—102. (Фрагмент этого текста: *Михалева, А. М.* До поздней ночьюки // Красен человек учением. С. 23—26.)

Паришина, Т. П. О людях послевоенной поры // Сиб. горница. 2003. № 4. С. 90-99.

Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX-XX вв. Новосибирск: Изда-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2006. С. 214—222. (Тот же текст: *Зверев, В. А.* «Нужно исполнять обряд...»: предание о старинной свадьбе в Кольванском р-не Новосибирской обл. // Мельникова®® чтения: материалы II Ретон. науч.-практ. конф. Новосибирск: Новосиб. обл. центр рус. фольклора и этногр., 2007. С. 323-343.)

Соколова, П. В. «Я была отчаянным сорванцом»: воспоминания Т. А. // «Есть родина твоя...». С. 65—72.

Чертёнков, П. П. Серебро славутного мастера: рассказ потомственного «древодельца» — плотника // Моя Сибирь: вопр. регион, истории и ист. образования. Новосибирск: НГПУ, 2002. С. 142—148.

Штульм, Е. П. Жизнь была весёлая...: воспоминания крестьянки // Моя Сибирь. С. 149-155.

Шишкова, Е. К. «Я много чего могу»: народная целительница из сибирской деревни // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 6. С. 136-141.

Опубликованные научные труды и учебные пособия, в которых используются материалы коллекции:

Зверев, В. А. Дети — отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.

Зверев, В. А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861—1917 гг.): учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1998. 119 с.

Зверев, В. А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (ист.-демогр. анализ): учеб. пособие. Новосибирск: НГПИ, 1991. 148 с.

Косякова, Е. И. Новый быт Сибирского Чикаго: очерки городской повседневности Новосибирска между войнами. Новосибирск: Изд. дом «Сиб. горница», 2006. 240 с.

Косякова, Е. И. Семейные фотографии как источник для изучения городской повседневности (на примере Новосибирска 1920—1930-х гг.) / Е. И. Косякова, В. А. Зверев // Образ Сибири... С. 63-66.

Косякова, Е. М. Городская повседневность межвоенных лет глазами очевидцев: специфика письменных и устных воспоминаний // Устная история (oral history)... С. 54—64.

Лейбова, Е. К. Сбор и изучение устных исторических источников старшеклассниками (из опыта работы) / Е. К. Лейбова, О. М. Хлытина // Устная история (oral history)... С. 243—258.

Лейбова, Е. К. Устные исторические источники в исследовательской работе старшеклассников // Восток — Запад: проблемы взаимодействия. С. 128-133.

СОДЕРЖАНИЕ

Что известно, то и скажется. Коллекция историко-биографических материалов на кафедре отечественной истории (<i>Зверев В. А.</i>).....	3
<i>Токарев Г. Ф.</i> «Всё было в диковинку...». Первые страницы биографии <i>Адоньева А. Н.</i> «О лучшем мы не мечтали...». Детские годы в Бердске и Новониколаевске	12
<i>Косякова Е. П.</i> «Я с двенадцати лет погибаю...». Недетские истории <i>Н. П. Рубаковой</i>	30
<i>Добровольская С. А.</i> «Как эти рыжие живут?!» Воспоминания <i>А. В. Филюшиной</i> о детстве и юности.....	43
<i>Видятина Е. А.</i> «Любка, не спи!» Рассказ <i>Л. Д. Чепелевой</i> о своей обычной жизни.....	53
<i>Баянова М. А.</i> «Было и хорошее, и плохое...». Воспоминания <i>Р. И. Корчагиной</i>	90
<i>Гурова Е. В.</i> «Счастье — в детях!» Воспоминания <i>Н. А. Кравец</i>	98
<i>Недопарова П. В.</i> «Когда закончится война...». Воспоминания <i>А. П. Кушнарченко</i>	109
<i>Рудт А. Ю.</i> «Не пожалели даже женщин с детьми...». Из воспоминаний <i>М. Ф. Рудт</i>	115
<i>Бузоверова П. М.</i> Три кренделя на Новый год. Рассказывает <i>А. А. Вараксина</i>	119
<i>Шилин А. Ю.</i> «Деревня раньше другая была...». Из рассказов моей бабушки <i>А. А. Никанкиной</i>	126
<i>Шишкова Е. К.</i> «Я много чего могу!» Беседы с народной целительницей <i>Василисой Матвеевной</i>	119
Библиография коллекции кафедры отечественной истории НГПУ....	137
	155

Научное издание

РОДНЫЕ ГОЛОСА. СИБИРЬ, XX ВЕК
МЕМУАРЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
КАФЕДРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НГПУ

Выпуск 1

В авторской редакции

В оформлении обложки использована фотография
начала 1950-х гг. из семейного архива В. А. Зверева

Лицензия ЛР № 020059 от 24.03.97.

Гигиенический сертификат № 54.НК.05.953.П.000149.12.02 от 27.12.02

Подписано в печать 9.01.08 г. Формат бумаги 60x84/16
Печать RISO. Уч.-изд. л. 9,94. Усл. п. л. 9,24. Тираж 200 экз.
Заказ № 200

Педуниверситет, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

Отпечатано: ООО «Немо Пресс»
630001, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 1, тел. 226-40-13, 212-40-99
E-mail: nemopress@mail.ru